

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА
И ГОСУДАРСТВА,
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ
О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

Theory and History of Law and State,
History of Law and State Studies

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО
И КРИМИНОЛОГИЯ,
УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**

Criminal Law and Criminology,
Penitentiary Law

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Criminal Procedure

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО,
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ
ПРОЦЕСС**

Administrative Law,
Administrative Process

**ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС,
АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС**

Civil Process, Arbitration Process

ISSN 2658-7602 (print)
ISSN 2658-7610 (online)

СИБИРСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Том 18 · № 1

• 2021 •

Vol. 18 · No. 1

SIBERIAN Law Review

СИБИРСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

Том 18, № 1

2021

Издается с 2004 года

Выходит четыре раза в год

Прежние наименования журнала: «Вестник Омского юридического института» ISSN 2222-856X (2004 год – первая половина 2012 года); «Вестник Омской юридической академии» ISSN 2306-1340 (print), 2410-8812 (online) (вторая половина 2012 года – первая половина 2019 года)

Научный журнал «Сибирское юридическое обозрение» включен в:

- Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- базу данных «Российский индекс научного цитирования»;
- систему Digital Object Identifier (DOI) – стандарт обозначения информации об объекте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», принятый в англоязычной научной среде;
- каталог Ulrich's Periodicals Directory – авторитетную базу данных, которая содержит библиографическую информацию о научных периодических изданиях мира;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – ведущую международную базу журналов открытого доступа;
- электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ»;
- научную электронную библиотеку «КиберЛенинка» и др.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Частное образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский юридический университет»

ISSN

2658-7602 (print) 2658-7610 (online)

Выписка из реестра зарегистрированных СМИ
Рег. № ПИ № ФС 77-75350 от 19 апреля 2019 г.
выдана Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписной индекс каталога Агентства «Роспечать» «Газеты.
Журналы» – 31725

Свободная цена

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов научного журнала «Сибирское юридическое обозрение» ссылка на журнал обязательна

© Редакция научного журнала
«Сибирское юридическое обозрение»

Адрес издателя и редакции:
ул. Короленко, д. 12, г. Омск, 644010, Россия
Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Дата выхода в свет: 25.05.2021
Подписано в печать 18.05.2021

Формат 60 x 84 / 8 Усл. печ. л. 12,09
Бумага офсетная Уч.-изд. л. 11,19
Тираж 200 экз. Заказ № 1821

Отпечатано в ООО «Полиграфический центр "Татьяна"»
Адрес типографии: ул. Жукова, 78, г. Омск, 644010, Россия

Редактор
О. В. Арефьева

Техническое редактирование и компьютерная верстка
Л. А. Зарубина

Редактор текстов на английском языке
Д. Т. Караманукян

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель редакционной коллегии – главный редактор
Соловьев Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Заместители главного редактора
Попов Игорь Владимирович – доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Караманукян Давид Тониевич – кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Ответственный секретарь
Агеева Алена Викторовна – кандидат юридических наук (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Анохин Юрий Васильевич – доктор юридических наук, доцент (Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Российская Федерация);

Бабурин Василий Васильевич – доктор юридических наук, профессор (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Бавсун Максим Викторович – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Бекетов Олег Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Ботрунь Карло – доктор философии в области права (Университет Флоренции, Флоренция, Италия, Республика);

Гатт Лусилла – профессор частного права (Университет Неаполя им. Сестры Орсола Беннигасой, Неаполь, Италия, Республика);

Герасименко Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области, Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Гундур Раджив – доктор философии в области криминологии (PhD in Criminology) (Университет Флиндерс, Аделаида, Содружество Австралии);

Деришев Юрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Квоста Петер – доктор философии в области права (Федеральный административный суд Австрии, Вена, Австрийская Республика);

Кожеева Марина Анатольевна – доктор юридических наук, доцент (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Кононов Павел Иванович – доктор юридических наук, профессор (Второй арбитражный апелляционный суд г. Кирова, Киров, Российская Федерация);

Козин-Альмагор Рафаэль – профессор, доктор философии в области политики (Университет Халла, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Кузьмина Ирина Дмитриевна – доктор юридических наук, доцент (Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация);

Луговик Виктор Федорович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация);

Мирелес Майкл Соломон – младший – профессор права (Юридическая школа Макджордж Университета Пасифик, Сакраменто, Калифорния, Соединенные Штаты Америки);

Мэггс Питер Б. – профессор-исследователь (Юридический колледж Университета Иллинойса, Шампейн, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки);

Мюллер Амрей – доктор юридических наук, доцент (Юридическая школа Сазерленда UCD, Дублин, Ирландская Республика);

Озунгур Фахри – доктор философии в области права, семьи, бизнеса (Университет Мерсин, Мерсин, Турецкая Республика);

Пьеткевич Михал – доктор философии в области права (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Республика Польша);

Рагозина Ирина Григорьевна – кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация);

Руда-Гонсалес Альберт – доцент в области частного права (Университет Жироны, Жирона, Королевство Испания);

Торихилл Кристофер – профессор права (Манчестерский университет, Англия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Туманянц Еранун Степановна – кандидат юридических наук (Фонд развития и защиты права, Ереван, Республика Армения);

Хосейн Мд Саззат – доктор философии в области защиты прав человека (Азиатско-Тихоокеанский университет, Дакка, Народная Республика Бангладеш);

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация);

Чен Джеймс Миш – профессор права (Юридический колледж Университета штата Мичиган, Ист-Лансинг, Мичиган, Соединенные Штаты Америки);

Черников Валерий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация);

Шарапов Роман Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация)

SIBERIAN LAW REVIEW

Scientific journal

Volume 18, no. 1

2021

Published since 2004

Published four times a year

Previous titles of the journal: "Vestnik of the Omsk Law Institute" ISSN 2222-856X (2004 – first half of 2012);
"Vestnik of the Omsk Law Academy" ISSN 2306-1340 (print), 2410-8812 (online) (second half of 2012 – first half of 2019)

The scientific journal "Siberian Law Review" is included in:

- the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degrees of candidate of sciences and doctor of science must be published;
- the database "Russian science citation index";
- Digital Object Identifier system (DOI) – standard designation of information about the object in the "Internet" information and telecommunications network, adopted in the English-speaking academic environment;
- Ulrich's Periodicals Directory is an authoritative database that contains bibliographic information about scientific periodicals of the world;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – a community-curated online directory that indexes and provides access to high quality, open access, peer-reviewed journals;
- legal information database "GARANT System";
- scientific electronic library "CyberLeninka" and others.

FOUNDER AND PUBLISHER:

Private educational institution of higher education
"Siberian Law University"

ISSN

2658-7602 (print) 2658-7610 (online)

Extract from the register of registered mass media
Reg. № PI № FS 77-75350 of April 19, 2019
issued by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology
and Mass Communications (Roskomnadzor)

Index Catalogue
of the Rospechat Agency "Newspapers. Magazines" – 31725

Price discretion

When reprinting or reproducing by any means in whole or in part the materials of the scientific journal "Siberian Law Review" reference to it is obligatory

© The editorial board of the scientific journal
"Siberian Law Review"

Address of the publisher and the editorial board:
12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia
Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Release date: 25.05.2021
Signed print 18.05.2021

Format 60 x 84 / 8	Cond. pr. pg. 12.09
Offset paper	Edit. pr. pg. 11.19
Circulation 200 copies	Order number 1821

Printed in LLC "Printing Center "Tatyana"
Printing office address: 78 Zhukova st., Omsk, 644010, Russia

Editor
O. V. Arefeva

Technical editing and desktop publishing
L. A. Zarubina

Text editor in English
D. T. Karamanukyan

EDITORIAL BOARD

The chairman of the editorial board – Editor-in-chief

Yury P. Solovey – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Deputy Editor-in-chief

Igor V. Popov – Doctor of Legal Sciences, Docent, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

David T. Karamanukyan – Candidate of Legal Sciences, Docent, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Executive Secretary

Alena V. Ageeva – Candidate of Legal Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Yury V. Anokhin – Doctor of Legal Sciences, Docent, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation;

Vasilii V. Baburin – Doctor of Legal Sciences, Professor, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Maxim V. Baysun – Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation;

Oleg I. Beketov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Carlo Botrugno – PhD, University of Florence, Florence, Italian Republic;

James Ming Chen – Professor of Law, Michigan State University College of Law, East Lansing, Michigan, United States of America;

Valerii V. Chernikov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation;

Peter Chvosta – Doctor of Law, Judge of the Austrian Federal Administrative Court, Vienna, Republic of Austria;

Raphael Cohen-Almagor – D. Phil. in political theory, University of Hull, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Yury V. Derishev – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Lucilla Gatt – Professor of Private Law, Suor Orsola Benincasa University of Naples, Naples, Italian Republic;

Yury V. Gerasimenko – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ombudsman for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Omsk Region, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Rajeev Gundur – PhD in Criminology, Flinders University, Adelaide, Commonwealth of Australia;

Md Sazzad Hossain – PhD in Law, University of Asia Pacific, Dhaka, People's Republic of Bangladesh;

Pavel I. Kononov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Second Arbitration Court of Appeal of Kirov, Kirov, Russian Federation;

Marina A. Kozhevina – Doctor of Legal Sciences, Docent, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Irina D. Kuzmina – Doctor of Legal Sciences, Docent, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation;

Viktor F. Lugovik – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation;

Peter B. Maggs – Research Professor, University of Illinois College of Law, Champaign, Illinois, United States of America;

Michael Salomon Mireles, Jr. – Professor of Law, University of the Pacific, McGeorge School of Law, Sacramento, California, United States of America;

Amrei Muller – PhD in Law, UCD Sutherland School of Law, Dublin, Republic of Ireland;

Fahri Ozsunger – PhD in Law, Family and Consumer Sciences, PhD in Business, Mersin University, Mersin, Republic of Turkey;

Michal Pietkiewicz – PhD in Law, University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Republic of Poland;

Irina G. Ragozina – Candidate of Legal Sciences, Docent, Siberian Law University, Omsk, Russian Federation;

Albert Ruda-Gonzalez – PhD in Law, University of Girona, Girona, The Kingdom of Spain;

Roman D. Sharapov – Doctor of Legal Sciences, Professor, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation;

Christopher Thornhill – Professor of Law, University of Manchester, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

Nikolai N. Tsukanov – Doctor of Legal Sciences, Docent, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation;

Yeranuhi S. Tumanyants – Candidate of Legal Sciences, LDP Foundation, Yerevan, Republic of Armenia

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

- Демидова И. А. Законность и правовой порядок как социальные критерии правовой культуры общества: теоретический аспект 6

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Бегишев И. Р. Социальная обусловленность уголовно-правового регулирования общественных отношений, связанных с робототехникой и киберфизическими системами 17
- Савельев А. И. О стратегиях обеспечения криминологической безопасности несовершеннолетних 30

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Диваев А. Б. Уголовно-процессуальный конфликт: предпосылки возникновения, понятие и виды 42

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Рукавишников С. М. Вопросы привлечения должностных лиц к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 4.1 статьи 7.30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях 55

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

- Дерхо Д. С. Некоторые вопросы применения процессуального и налогового законодательства при признании иска ответчиком 65
- Чуркина Л. М. Применение национальными судами международных договоров Российской Федерации 76
- Шкурова П. Д. Использование сведений, полученных из сервисов Google Maps и «Яндекс.Карты», в качестве доказательств в практике арбитражных судов Российской Федерации 83

ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

- Деришев Ю. В., Чекмезова Е. И., Тулева Д. Д. Проблемные вопросы квалификации преступлений и определения подследственности уголовных дел в отношении специальных субъектов: от практики к теории 92

- Информация для авторов 103

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE, HISTORY OF LAW AND STATE STUDIES

Demidova I. A. Legality and Legal Order as Social Criteria of Legal Culture of Society: Theoretical Aspect	6
---	---

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENITENTIARY LAW

Begishev I. R. Social Conditionality of Criminal Legal Regulation of Public Relations Related To Robotics and Cyber-Physical Systems	17
Savelev A. I. About the Strategies of Criminological Safety of Minors	30

CRIMINAL PROCEDURE

Divaev A. B. Criminal Procedure Conflict: Development Prerequisites, Concept and Types	42
---	----

ADMINISTRATIVE LAW, ADMINISTRATIVE PROCESS

Rukavishnikov S. M. Issues of the Involvement of Officers in Administrative Responsibility for Committing an Administrative Offense Provided By Part 4.1 of Article 7.30 of the Russian Federation Code on Administrative Offenses	55
---	----

CIVIL PROCESS, ARBITRATION PROCESS

Derkho D. S. Some Issues Regarding the Application of Procedural and Tax Legislation When Recognizing a Claim by the Defendant	65
Churkina L. M. The Application by National Courts of International Treaties of the Russian Federation	76
Shkurova P. D. The Use of Information Obtained from “Google Maps” and “Yandex.Maps”, as Evidence in the Practice of Arbitration Courts of the Russian Federation	83

ISSUES OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Derishev Yu. V., Chekmezova E. I., Tuleva D. D. Problematic Issues of Qualifying Crimes and Determining the Jurisdiction of Criminal Cases in Relation to Special Subjects: From Practice to Theory	92
Information for Authors	103

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 340.1

DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-1-6-16

ЗАКОННОСТЬ И ПРАВОВОЙ ПОРЯДОК КАК СОЦИАЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ДЕМИДОВА Ирина Андреевна*

✉ demidova-irina00@mail.ru

Ул. Крупской, 67, Могилев, 212011, Республика Беларусь

Аннотация. Автор исходит из того, что в современных политико-правовых реалиях важнейшим социальным показателем правовой культуры общества выступает состояние законности, что способствует обеспечению правового функционирования государственных и общественных институтов, гарантий прав и интересов личности. Целью исследования является анализ теоретических положений в отношении законности и правопорядка в контексте обозначения их в качестве критериев правовой культуры – признаков, на основании которых возможна оценка сформированности правовой культуры на уровне общества.

Определена степень научной разработанности проблематики законности и правопорядка в трудах российских и белорусских правоведов советского и современного периодов. Это позволило установить в качестве базовой теоретической установки родовую общность законности и правопорядка, что проявляется в рассмотрении их в качестве различных срезов упорядочения общественных отношений. Законность исследуется как принцип, метод и одновременно режим государственно-властной деятельности. Условиями обеспечения правового порядка устанавливается точное и неуклонное выполнение правовых предписаний всеми субъектами права, что характеризует их правовую культуру. Теоретическая модель механизма обеспечения законности и правового порядка представлена посредством характеристики его социально-правового содержания, субъектного состава и институционально-функциональной структуры.

Показана роль правового закона и правовых принципов в обеспечении законности и правопорядка. Проанализированы подсистемы институционально-функциональной структуры механизма обеспечения последнего – нормативная, государственной власти, гарантий реализации правовых установлений. Обозначены политико-правовые, организационные и научные принципы функционирования механизма обеспечения правового порядка. Определяются следующие виды правового порядка: гражданский, международный, государственный (конституционный). В совокупности все виды правового порядка взаимосвязаны, что отражает универсальность права как социального регулятора, значимость его принципов. Указанное обстоятельство обуславливает юридические критерии единообразия правового нормирования общественных отношений, общепринятых международно-правовых стандартов в сфере прав человека.

Направлениями совершенствования правовой культуры общества определяются качественное нормотворчество; эффективное функционирование всех государственных структур, прежде всего правоохранительных органов; реализация социальных и правовых гарантий законности и правового порядка.

Ключевые слова: теория, правовая культура, право, законность, правопорядок, правовой закон, правовые принципы, механизм обеспечения законности и правопорядка, правоохранительные органы, интересы личности.

* Заведующий кафедрой правовых дисциплин Могилевского института Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Legality and Legal Order as Social Criteria of Legal Culture of Society: Theoretical Aspect

Demidova Irina A.**

✉ demidova-irina00@mail.ru

67 Krupskaya st., Mogilev, 212011, Republic of Belarus

Abstract. The Author proceeds from the fact that in modern political and legal realities, the most important social indicator of the legal culture of society is the state of legality, which contributes to ensuring the legal functioning of state and public institutions, guarantees of the rights and interests of the individual. The aim of the study is to analyze theoretical provisions regarding legality and law and order in the context of designating them as criteria of legal culture - signs on the basis of which it is possible to assess the formation of legal culture at the level of society.

The degree of scientific elaboration of the problems of legality and legal order in the works of Russian and Belarusian jurists of the Soviet and modern periods has been determined. This made it possible to establish the generic commonality of law and order as a basic theoretical setting, which manifests itself in considering them as different sections of the ordering of social relations. Legality is investigated as a principle, method and, at the same time, a mode of state-power activity. The conditions for ensuring the legal order establish the exact and unswerving implementation of legal prescriptions by all subjects of law, which characterizes their legal culture. The theoretical model of the mechanism for ensuring the rule of law and legal order is presented through the characteristics of its social and legal content, subject composition and institutional and functional structure.

The role of legal law and legal principles in ensuring the rule of law and legal order is shown. The subsystems of the institutional and functional structure of the mechanism for ensuring the latter – regulatory, state power, guarantees for the implementation of legal provisions – are analyzed. The political, legal, organizational and scientific principles of the functioning of the mechanism for ensuring the legal order are outlined. The following types of legal order are determined: civil, international, state (constitutional). Taken together, all types of legal order are interconnected, which reflects the universality of law as a social regulator, the importance of its principles. This circumstance determines the legal criteria for the uniformity of legal regulation of social relations, generally accepted international legal standards in the field of human rights.

The directions of improving the legal culture of society are determined by high-quality rule-making; effective functioning of all government agencies, primarily law enforcement agencies; implementation of social and legal guarantees of legality and legal order.

Keywords: theory, legal culture, law, legality, legal order, legal law, legal principles, mechanism of legality and legal order maintenance, law enforcement bodies, personal interests.

В социальном аспекте правовая культура предстает как многофакторное социально-правовое явление, характеризующее регулятивные свойства правовых установлений. Вопрос критериев уровня правовой культуры отдельной личности, правовой культуры общества в целом является дискуссионным. Состояние законности и правопорядка в общественных отношениях может рассматриваться одним из социальных проявлений правовой культуры. Целью данного исследования выступает анализ теоретических положений в отношении законности и правопорядка

в контексте обозначения их в качестве критериев правовой культуры – признаков, на основании которых возможна оценка сформированности правовой культуры на уровне общества.

Общетеоретические положения в отношении законности и правового порядка нашли обоснование в работах таких известных российских и белорусских правоведов советского и современного периодов, как С. С. Алексеев, С. Г. Дробязко, В. Н. Карташов, В. М. Корельский, В. В. Лазарев, О. Э. Лейст, Е. А. Лукашева, А. В. Малько, В. С. Нерсесянц, Л. П. Рассказов,

** Head of the Department of Legal Disciplines at the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Legal Sciences, Docent.

А. С. Пиголкин, С. В. Поленина, Т. Н. Радько, В. П. Сальников, Н. В. Сильченко, В. Е. Чиркин, Л. С. Явич и др. Базовая теоретическая установка связана с признанием того, что родовая общность законности и правопорядка заключается в том, что они рассматриваются в качестве различных срезов упорядочения общественных отношений посредством правовых норм. Это обусловлено установлением нормированности поведения в качестве объективного условия функционирования современного общества и правового государства, а также включенностью правового регулирования в систему нормативного регулирования. Обозначенные положения выступают основанием теоретического сопоставления законности и правопорядка, а также их соотношения с общественным порядком. В концентрированном виде законность рассматривается как требование правомерности, что определяется общезначимостью права и объективной необходимостью правового порядка (Л. С. Явич). Правовой порядок определяется как реализация этого требования, так называемая осуществленная законность (В. С. Нерсисянц). Новые методологические подходы, связанные с рассмотрением правового порядка с позиций конструктивизма как заданной правовой реальности и антропоцентризма как конструкта, который создается действиями субъектов права на основе отражения права в правовом сознании, в совокупности определяют взаимообусловленность правовой культуры общества, отдельной личности и правового порядка.

Имеет место многоаспектность проблематики законности и правового порядка в научных исследованиях. Это выражается в изучении отдельных проявлений законности в контексте правоприменения (докторские и кандидатские диссертации таких авторов советского и современного периодов, как А. М. Баранов (2006), М. И. Бажанов (1967), Н. П. Митрохин (1984), кандидатские – Ю. М. Грошевой (1965), А. А. Магфуров (1978), П. Ф. Пашкевич (1968), А. Н. Пьянов (1987), О. П. Сауляк (2001), В. Н. Щеглов (1955) и др.). Следует отметить ряд научных и учебных изданий известных авторов по данному направлению: «Социалистическая законность и применение права» под ред. М. И. Байтина (1983), Гранат Л. Н. «Профессиональное сознание и социалистическая законность в деятельности органов внутренних дел» (1984), Боннер А. Т. «Законность и справедливость в правопримени-

тельной деятельности» (1992) и др. Работы советского периода характеризуются повышенным вниманием к политическим факторам, что определяет изучение законности и правоприменения в структуре политического режима.

Проблемы законности рассматриваются также в связи с различными аспектами управления (кандидатские диссертации таких авторов, как Е. Ф. Беркович (2004), Е. В. Куманин (1978), Б. А. Черняк (2003) и др.). В контексте осуществления юридической ответственности вопросам законности и правопорядка посвящены работы таких исследователей, как С. Н. Братусь («Юридическая ответственность и законность (Очерк теории)», 1976), кандидатские диссертации М. В. Заднепровской (1984), Е. Г. Черновой (2015) и др.

Отдельное направление в проблематике законности связано с осмыслением социального назначения и ценности права, его регулятивных свойств. Необходимо указать докторские диссертации Е. А. Лукашовой («Правосознание и законность в социалистическом обществе» (1973)), Б. Г. Саванели («Правопорядок в соотношении с действующим правом с точки зрения постижения смысла права» (1992)) и др., кандидатские работы – С. А. Мирзоева (1982), Д. В. Теткина (2007), А. А. Чечулиной (2004), А. В. Черняевой (2010) и др.

В рамках правового поведения личности законность исследуется в работах таких ученых, как Н. Л. Гранат, А. Е. Епифанов и Е. Л. Гдлян («Теоретические аспекты воздействия законности на правовое поведение личности» (2015)), докторской диссертации В. В. Оксамытного (1990) и др., кандидатской – В. Н. Казакова (1999) и др. В совокупности все обозначенные теоретические аспекты законности и правопорядка представляются значимыми в оценке уровня и состояния правовой культуры как общества в целом, так и отдельной личности, а также представителей определенных социально-профессиональных групп.

В XXI в. проблематика законности и правового порядка не теряет своей актуальности, что находит отражение в диссертациях таких российских авторов, как Н. А. Анцифирова (2010), Е. В. Бестужева (2008), А. В. Виссаров (2003), В. В. Демидов (2004), В. М. Карташов (2005), А. Н. Кунеев (2011), М. Р. Мамий (2007), Е. В. Рябова (2005), Н. М. Хесина (2005), В. В. Фролов (2002) и др. Новейшие научные публикации

по вопросам законности и правопорядка посвящены следующим аспектам: 1) характеристика мирового правопорядка, в том числе установление направлений трансформаций мирового правопорядка и проблем обеспечения международной безопасности [17], определение возможностей совершенствования частноправового регулирования в национальном и международном масштабах [15], обозначение роли международного правосудия [16] и др.; 2) установление содержания конституционной законности в связи с правами человека, демократическим правлением, гуманистической направленностью государственной деятельности [8]; влияние процесса цифровизации, проявляющегося в расширении границ правового регулирования за счет виртуального пространства, увеличении востребованности более гибких по сравнению с существующими правовыми форм и регуляторных механизмов, повышении роли информационной функции права [5].

Применение постклассической научной методологии к анализу ключевых проблем теории правопорядка с позиций конструктивизма, признающего, что без термина не существует явления правовой реальности, позволяет конструировать конкретную модель правопорядка в системе заданных координат. Считается, что «конструирование правовой реальности проходит три стадии, которые условно можно обозначить следующим образом: знаковая форма, ментальный образ, повседневно поведение» [14, с. 12]. Главное место в модели правопорядка признается за субъектом права, что определяет его значимость в механизме формирования и укрепления правопорядка. В связи с этим «с позиций антропоцентризма как одного из направлений современной юриспруденции определяющее значение для правопорядка приобретают действия субъекта права, наделенного правоприменительными полномочиями, а также того субъекта, кому адресованы правовые нормы» [14, с. 13–14]. Представленный подход позволяет характеризовать правопорядок как постоянную деятельность субъектов права по реализации правовых норм, которая строится как на внутреннем, так и на внешнем диалоге, ориентирована представлениями социума о должной модели правового поведения. В порядке научной дискуссии в качестве самостоятельного вида называется индивидуальный правопорядок. Одновременно признается, что действия субъектов права во многом детер-

минированы общественной правовой традицией, что допускает различные модели правопорядка в разных государствах.

Несмотря на достаточную академичность тематики, отмечается продолжение полемики по таким вопросам, как верховенство закона, единство законности, целесообразность и реальность законности [2, с. 14]. Одновременно всеми авторами обосновывается связь законности и правового порядка. В контексте политико-правовой практики законность рассматривается как принцип, метод и одновременно режим государственно-властной деятельности. Условиями обеспечения правового порядка определяется точное и неуклонное выполнение правовых предписаний всеми субъектами права, что характеризует их правовую культуру. Общепризнано, что правовой порядок выступает результатом как правомерного поведения граждан и их организаций по реализации правовых предписаний, так и деятельности государственных органов, их должностных лиц и государства в целом по формированию и реализации правовых норм.

Установлено, что все многообразие научных позиций сводится к четырем трактовкам правового порядка во взаимосвязи с правом и законностью: «система связей и отношений, складывающихся на основе законности; состояние упорядоченности, урегулированности общественных отношений на основе права, законности; прочный и устойчивый правовой режим (правовая реальность), достигаемый на основе права; состояние правовых отношений и связей, их урегулированность и упорядоченность на основе права и законности» [3, с. 14]. Интеграция различных подходов позволила определить правовой порядок как состояние урегулированности и упорядоченности общественных отношений, основанных на праве и законности, которые складываются в результате правомерной деятельности субъектов права и обеспечиваются государственными органами и иными субъектами [3, с. 14]. При таком рассмотрении существенными признаками правового порядка являются следующие характеристики: олицетворяет фактические урегулированные правом общественные отношения; обеспечивает господство права и верховенство закона; служит гарантом реализации субъективных прав и юридических обязанностей участников правоотношений [1, с. 11]. Методологически значимо разграничение трех относительно самостоятельных сторон

единого понятия «правопорядок», а именно: «норма», «процесс», «результат» правовой жизни [10, с. 118]. Принятие данных теоретических положений в качестве базовых установок предполагает оценку состояния законности и правового порядка общества с обозначенных позиций. Следует отметить несколько иной подход к пониманию правопорядка в европейской юриспруденции: «под правопорядком (legal order), как правило, понимается система правовых норм, сгруппированных в соответствии с определенным принципом» [14, с. 9]. В этом качестве данная категория европейской юриспруденции во многом близка правовой категории «система права», что ограничивает понимание правового порядка.

В теоретическом плане механизм обеспечения режима законности и правового порядка рассматривается посредством анализа его социально-правового содержания, субъектного состава и институционально-функциональной структуры (М. Н. Хесина) [13, с. 5]. Представленный подход позволяет характеризовать факторы, способствующие состоянию упорядоченности общественных отношений. Значимым представляется то обстоятельство, что правовой порядок может выступать результатом действия правового закона, что предполагает предъявление соответствующих требований к законодательству. В теории права это находит выражение в формировании концепции правового закона.

В обосновании известного российского теоретика права С. В. Полениной правовые законы позволяют соединить содержание и форму правовых принципов, идей и нормативных предписаний [9, с. 9–13]. Разграничение правового и неправового закона проводится прежде всего с позиций идейного содержания. Так, правовой закон наделяется свойствами естественности, что обуславливает восприятие его как внутренней необходимости. Эффективность правового закона связывается с такими его характеристиками, как понятность, четкая определенность, целесообразность, удобство, зримость позитивных результатов, социальная комфортность, защищенность [12, с. 41]. Как следствие, идея правового закона может рассматриваться в прикладном аспекте в рамках определенного культурного, исторического фактора, в теоретическом плане – в рамках того или иного правопонимания. Признается, что идея правового закона гармонично вписывается в рамки естественно-правового

понимания права как нравственного (религиозного, морального, общечеловеческого) явления, хорошо согласуется с либертарно-юридическим пониманием права как всеобщей формы свободы людей, может быть представлена в контексте теологического и социологического правопонимания [12, с. 42]. Характеристиками неправового закона устанавливается «отсутствие морального компонента, свободы, равенства, справедливости, прав и свобод человека, гуманизма, целесообразности, священности (религиозности), формально-смысловой определенности» [12, с. 43].

Одновременно возможно различение правового и неправового закона не только с позиций идейного содержания, но и в практической плоскости, что связано с оценкой законодательства страны как эффективного либо неэффективного. В аргументации белорусского теоретика Н. В. Сильченко критерием различения правовых и неправовых законов является принцип эквивалентности – взаимной соразмерности благ и действий как первоначало права. «Правовыми можно считать законы, в которых закрепляются эквиваленты, сформировавшиеся эволюционно в ходе саморазвития правовых по своей природе общественных отношений, а также эквиваленты, которые создаются государством, в ходе регулирования правовых по своей природе общественных отношений и имеют формальную определенность, закрепляют формальное равенство сторон, имеют иные признаки правового эквивалента» [11, с. 107]. Неправовыми признаются законы, в которых эквивалентная природа правовых по своему характеру общественных отношений существенно искажается или умышленно нарушается, а также регулирующие нравственные по своей природе отношения. Представленный подход позволяет отличать законы правовые и неправовые, нравственные и аморальные (законы, которые не просто вторгаются в сферу действия морали, но идут вразрез с нравственными принципами и божественными нормами) [11, с. 108–109].

Правовой закон призван соответствовать ценностным установкам современного общества, быть способным выразить принципы современного права и его содержательную сущность. В основу признания верховенства правового закона положена идея господства права. По мнению белорусского теоретика права С. Г. Дробязко, содержание права, установление и реализацию его норм, признание его верховенствующим

социальным регулятором предопределяют принципы права. Ученым предлагается следующая иерархия принципов права: общеправовые, международно-правовые, правовой семьи, национальной правовой системы, что предопределяет, с одной стороны, целостность, с другой, специфику правового нормирования [4]. В связи с этим теоретически значимо и имеет практическое преломление установление уровней правовой упорядоченности общественных отношений. Социальными критериями выделения различных уровней выступают сферы совместной жизнедеятельности людей, подлежащие правовому регулированию. В качестве видов правового порядка определяются гражданский правовой порядок, международный правовой порядок, государственный (конституционный) правовой порядок [1, с. 12]. В совокупности все виды правовых порядков взаимосвязаны, что отражает универсальность права как социального регулятора, существо его принципов. Указанное обстоятельство обуславливает соответствующие юридические критерии единообразия правового нормирования, общепринятых международно-правовых стандартов так называемого человеческого измерения. Одновременно национальная система правового регулирования отражает особенности правового развития общества в части принадлежности к той или иной правовой семье, степени включенности в мировое правовое культурное пространство и ряд других социально значимых факторов.

В свою очередь в пределах отдельной правовой системы проводится различение общесистемных, межотраслевых, отраслевых, институциональных, а также глобально-системных, общечеловеческих, исторических (эпохальных формационных, этапных, переходного периода) принципов права [4]. Представленный подход дает возможность установить особенности национальной системы права, в частности в рамках романо-германской правовой семьи в части выделения соответствующих отраслей, подразделов, правовых институтов и правовой системы в целом. Одновременно допускаются и иные классификации правовых принципов, что в совокупности позволяет характеризовать правовую реальность. Например, проводится различение специальных юридических (собственно-правовых) принципов, отражающих общие регулятивные свойства права, и социально-правовых принципов, характеризующих правовое разви-

тие конкретного общества определенного исторического периода. Это позволяет учитывать, что на состояние законности оказывает влияние совокупность не только правовых, но и социальных, политических и иных факторов развития общества.

Обосновано, что функционирование механизма обеспечения законности и правопорядка осуществляется на основе системы принципов – политико-правовых, организационных, научных. В данном контексте политико-правовыми принципами определяются согласование права и нравственности, выстраивание разумной иерархии правоохраняемых ценностей, равенство всех перед законом, что связано с сущностным пониманием права. В число организационно-правовых принципов включаются ответственность власти за принимаемые решения; сокращение круга субъектов, наделенных правом ограничивать права и свободы физических и юридических лиц; наличие ограничителей репрессивной власти государства; дифференциация и точная юридическая фиксация функций и полномочий субъектов обеспечения правопорядка; персональная ответственность должностных лиц за принимаемые решения; гибкое сочетание территориальных и отраслевых, линейных и функциональных начал в построении структурных элементов системы обеспечения правового порядка. Важное значение придается научным принципам функционирования механизма обеспечения законности и правопорядка, в числе которых называются прогнозирование изменений среды функционирования и мобильность реагирования на них; разумная прагматичность целеполагания и целеустремленность в достижении поставленных целей; надлежащее информационное обеспечение принимаемых решений, защищенность информации от несанкционированного доступа и др. [13, с. 15–16]. В совокупности все обозначенные принципы направлены на эффективное функционирование механизма обеспечения законности и правопорядка.

В отношении обозначения субъектного состава механизма обеспечения режима законности и правового порядка следует исходить из того, что законность создает юридические условия правового порядка реализации общественных отношений как режима деятельности не только индивидуальных, но и коллективных субъектов права. Если эта связь выступает в качестве политико-юридического принципа

функционирования всей системы государственных органов, законность является предпосылкой ограничения деятельности государственного аппарата требованием строгого соблюдения законов [13, с. 10]. Представленная схема может быть осуществлена исключительно в условиях правового государства, что предполагает сформированность правовой культуры государственных должностных лиц, граждан, общества в целом. Солидарны с научной позицией, что «при всей значимости правомерного поведения граждан как условия сокращения преступности и правонарушений утверждение режима законности и правопорядка начинается с правомерного “поведения” самого государства, легитимности образования органов государственной власти, четкости юридической нормированности их компетенции, предметов ведения, прав и обязанностей. При этом в современных условиях единство прав и обязанностей должностных лиц государственной администрации вообще и в сфере обеспечения правопорядка в частности должно строиться на основе реализации следующего принципа: права органов исполнительной власти в сфере обеспечения законности и правопорядка – это ее обязанности не только перед государством, но и перед обществом и личностью» [13, с. 6–7.]. Данные положения носят универсальный характер – законность и правопорядок конкретного общества начинаются не только с правовых установлений, но и с правовых ограничений в отношении государства и государственных должностных лиц. Указанное положение находит отражение в том числе в антикоррупционной политике современных государств.

Как следствие, институционально-функциональная структура механизма обеспечения правопорядка представляется в виде трех подсистем: *нормативной*, посредством которой закрепляются юридически значимые правила поведения субъектов права и происходит упорядочение социальных отношений; *государственной власти*, которая обеспечивает реализацию этой нормированности в рамках компетенции и сферы деятельности государственных органов; *гарантий*, призванных реализации правовых установлений и обеспечению реального правопорядка [13, с. 6]. Все подсистемы находятся

в единстве, взаимодействуют, имеют свои характеристики и параметры оценки.

Каждый структурный элемент механизма обеспечения законности и правопорядка выполняет свою функциональную нагрузку. Так, нормотворчество как функция государственного управления позволяет осуществлять правовое воздействие на общественные отношения, выступает важнейшим по эффективности способом упорядочения и стабилизации социальных связей. В теоретическом плане нормотворчество – это сложная и многогранная деятельность по формулированию правовых предписаний, в практической плане – это способ осуществления эффективной правовой политики. Эти положения носят общий характер. При этом формирование нормативной подсистемы того или иного общества определяется особенностями его политико-правового развития в историческом аспекте.

Например, для белорусского общества переходного периода от советского государства к демократическому социальному правовому государству была характерна правовая неурегулированность складывающихся общественных отношений, невозможность применения к ним устаревших норм права, доминирование в сфере законодательного регулирования подзаконных актов, множественность нормативных правовых актов и вносимых в них изменений, динамичность и одновременно хаотичность¹. Указанные обстоятельства сказывались на состоянии законности и правопорядка. В свою очередь негативные факторы социально-политического развития российского общества переходного периода находили отражение в таких проявлениях в правовой сфере, как «девальвация роли закона, бездействие общеправовых принципов и норм, конкуренция источников права, противоречия между различными нормативными актами, наличие множества нормативно установленных федеральными, региональными и местными властями особых прав – привилегий, специальных правовых режимов, разного рода правовых исключений и льгот в пользу отдельных лиц, групп, профессий, сфер деятельности, социальных слоев, территорий и т. д.» [7, с. 3]. Обозначение, а в дальнейшем и преодоление негативных факторов в правовой сфере призвано способствовать установлению законности и правового порядка.

¹ *Инатюк И. Д.* Совершенствование нормотворческой деятельности как элемент реализации эффективной правовой политики. URL: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/sovershenstvovanie-normotvorcheskoy-deyatelnosti-kak-element-realizatsii-effektivnoy-pravovoy-politi/>

Упорядочение процесса правового нормирования происходит посредством установления соответствующих стандартов в данной сфере. В Беларуси с 2000 г. действовал Закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», в котором были закреплены базовые понятия нормотворчества, установлена юридическая сила нормативных правовых актов, определены правила юридической техники и ряд других важных положений в данной сфере². На повышение эффективности нормотворческой деятельности и усиление роли правовой науки в обеспечении прогрессивного социально-экономического и общественно-политического развития республики направлено также функционирование Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. На современном этапе совершенствование нормотворчества связано в том числе с принятием в 2018 г. Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», в котором особое внимание уделяется технологии нормотворческой деятельности в сфере подготовки различных видов нормативных правовых актов (правила подготовки проектов нормативных правовых актов изложены в приложении к закону, включающему 11 глав). Вводится ряд новелл, в частности, допускается принятие нормативных правовых актов в порядке эксперимента, закрепляются требования правопреемства в отношении принятых (изданных) нормативных правовых актов, определяются условия общественного обсуждения законопроектов и др.³ В совокупности все нововведения в сфере нормотворчества служат совершенствованию белорусского законодательства. При дискуссионности вопросов критериев качества нормативного правового регулирования, его характеристиками могут считаться беспроблемность, системность, стабильность и ряд других.

В обеспечении законности и правового порядка в общественной жизни важное значение принадлежит гарантиям. На национальном уровне общими гарантиями выступает совокупность экономических, политических, нравственно-духовных, общественных факторов, включая сформированность правовой культуры общества и его членов. Как следствие, факторами, негативно влияющими на правовой порядок,

являются кризисные явления не только в экономической, социальной, политической, но и в духовной сферах жизни общества. В числе специально-юридических гарантий правового порядка исследователями называются совершенствование и обновление законодательства, усиление контрольно-надзорной деятельности правоохранительных органов, укрепление судебной системы [3, с. 8]; совершенствование системы подготовки и переподготовки юридических кадров; повышение уровня общественного и профессионального правового сознания, правовой активности граждан, юридических лиц, общественных организаций и гражданского общества в целом; эффективно действующая система защиты права; поддержка правомерного поведения, пресечение правонарушений и применение надлежащих мер юридической ответственности; развитие организационно-институциональные формы специального государственного и общественного контроля за неуклонным соблюдением всеми субъектами права принципа и требований законности [13, с. 14] и др. В совокупности все обозначенные факторы призваны содействовать установлению законности и правового порядка, гарантированию прав и свобод граждан.

Представления о механизме обеспечения законности и правопорядка могут быть расширены посредством включения в него сформированной системы правовых ценностей, доводимых до общества посредством государственных институтов; системы социального контроля. Условиями устойчивости механизма обеспечения законности и правопорядка признаются обязательное соотношение правовых инноваций с правовыми традициями, учет уровня правового сознания населения [14, с. 15].

Следует отметить, что в политической практике большинства современных государств определяющая роль в обеспечении законности, а именно точного и неуклонного выполнения правовых предписаний всеми субъектами права, принадлежит правоохранительным органам, деятельность которых направлена на предупреждение и борьбу с преступностью. Это опосредованно свидетельствует о недостаточном уровне правовой культуры отдельных граждан, определенных категорий должностных лиц. Указанное обстоятельство обуславливает значимость профессиональной

² О нормативных правовых актах Республики Беларусь : закон Респ. Беларусь от 10 янв. 2000 г. № 361-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 2 июля 2009 г. Минск, 2020.

³ Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» : вступ. в силу с 1 февр. 2019 г. Минск, 2019.

правовой культуры сотрудников правоохранительных органов. Показателями должного уровня их правовой культуры традиционно определяются юридические знания, профессиональные навыки и морально-профессиональные качества (соблюдение норм профессиональной этики и нравственных норм) [6, с. 74]. Наличие обозначенных параметров призвано обеспечить правомерное выполнение данной категорией лиц служебных обязанностей, а также законность и правовой порядок в обществе.

Важнейшим направлением деятельности правоохранительных органов в деле обеспечения законности и правопорядка является предупреждение преступности. Считается, что эффективность предупреждения преступности основана, во-первых, на выявлении причин и условий правонарушений, факторов, порождающих и препятствующих правонарушениям, характеристике правонарушителя, что определяет значимость развития криминологического знания; во-вторых, на профессиональной подготовленности и материальной обеспеченности субъектов правоохранительной деятельности, что связано с кадровым обеспечением и наличием необходимой материальной базы; в-третьих, на согласованности действий правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка; в-четвертых, на эффективности действий по предупреждению и пресечению правонарушений и преступлений. Солидарны с позицией, что главным ориентиром для совершенствования элементов механизма правового регулирования общественных отношений, повышения уровня правовой культуры субъектов права, оказывающих влияние на качество правоохранительной деятельности и процесс укрепления законности и правопорядка должны быть интересы личности. Данное положение определяет сущность правового государства, целью которого выступают обеспечение и охрана прав и свобод личности, что возможно исключительно в условиях законности и правопорядка, сформированности правового сознания и правовой культуры всех членов общества, а также государственных должностных лиц, в том числе в правоохранительной сфере.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие обобщающие выводы.

1. Правовая культура как часть общей культуры общества имеет множество различных форм проявлений, видов, «срезов» и «измерений».

Признание законности и правового порядка в качестве социальных критериев правовой культуры общества обуславливает пересечение теории правовой культуры с теорией законности и правопорядка. В общетеоретическом плане обозначенная проблематика «замыкается» на осмыслении социального назначения и ценности права, его регулятивных свойств и принципов. Представленный подход позволяет определять законность в качестве требования правомерности в отношении всех субъектов права. При наличии научной дискуссии о социальных критериях законности, в качестве которых определяются обеспечение верховенства правового закона, признание единства законности, установление целесообразности и реальности законности, следует констатировать связь законности и правового порядка, их обусловленность правовой культурой.

2. Различные виды правового порядка определяются уровнем упорядоченности общественных отношений. Выделяются гражданский правовой порядок, отражающий правовое состояние гражданского общества по отношению к государству, международный правовой порядок как результат реализации норм международного права, а также государственный (конституционный) правовой порядок, установленный посредством нормативной системы, деятельности государственных, прежде всего правоохранительных органов, правомерности действий всех членов общества. В оценке правовой культуры общества значимы все три уровня, что способствует объективной характеристике состояния его правового развития, установлению степени интегрированности в мировое правокультурное пространство, определению совершенства функционирования правовых и политических институтов, состояния правовой культуры общества. В качестве фактора правовой культуры общества может быть определен индивидуальный правопорядок всех субъектов права.

3. В формировании правовой культуры общества, обеспечении качества закона и эффективного функционирования механизма законности и правопорядка определяющее значение имеют правовые принципы. Научные классификации правовых принципов, а также политико-правовых, организационно-правовых и научных принципов функционирования механизма обеспечения законности и правопорядка позволяют представить сущностную характеристику законности и правопорядка как правовых средств

и способов гарантирования интересов личности в границах правового поля.

4. Характеристика институционально-функциональной структуры механизма обеспечения правопорядка основана на выделении соответствующих подсистем и определении принципов его функционирования. Важная роль принадлежит нормативной подсистеме, посредством которой устанавливаются юридически значимые правила поведения субъектов права и обеспечивается упорядочение социальных отношений между ними, что определяет значение нормотворчества. То обстоятельство, что государственная власть обеспечивает воплощение в жизнь

нормативных установлений, обуславливает правовые ограничения в отношении государственных должностных лиц. В функциональном плане значимо наличие общих и специально-юридических гарантий законности и правового порядка. Представленная теоретическая модель определяет направления совершенствования правовой культуры общества – качественное нормотворчество; эффективное функционирование всех государственных структур, на современном этапе прежде всего правоохранительных органов; реализация социальных и правовых гарантий законности и правового порядка; формирование правовой культуры личности.

Список литературы

1. Анцифорова Н. А. Правовой порядок: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 24 с.
2. Бестужева Е. В. Современное состояние и развитие правовой законности в Российском государстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 35 с.
3. Виссаров А. В. Правопорядок и субъекты его обеспечения (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 23 с.
4. Дробязко С. Г. Принципы в праве // Проблемы развития юридической науки и совершенствование правоприменительной практики : сб. науч. тр. / редкол.: С. А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2005. С. 27–33.
5. Залоило М. В., Пашенцев Д. А. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, вып. 2. С. 196–209. DOI: 10.21638/spbu14.2019.201.
6. Коржигов О. Н. Правовая культура сотрудников правоохранительных органов // Правовая культура. 2007. № 2 (3). С. 74–79.
7. Мамий М. Р. Теория и практика обеспечения режима законности в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 43 с.
8. Нурадинов Ш. М., Червонюк В. И., Курбанов Б. М. Конституция и конституционная законность // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 6. С. 35–39.
9. Поленина С. В. Законотворчество в Российской Федерации. М. : Изд-во ИГиП РАН, 1996. 146 с.
10. Свинин Е. В. Объект и предмет правового регулирования как компоненты структурной организации правопорядка // Lex russica. 2020. Т. 73, № 1 (158). С. 118–131. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.158.1.118-131.
11. Сильченко Н. В. Законы правовые и неправовые, нравственные и аморальные // Законотворчество. Закон. Правовая система : избр. тр. Минск : Право и экономика, 2020. С. 107–109.
12. Соколов А., Петровская А. Методология исследования идеи правового закона // Юстиция Беларуси. 2008. № 8. С. 41–45.
13. Хесина М. Н. Административно-правовое обеспечение механизма формирования и функционирования режима законности и правопорядка в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 23 с.
14. Черногор Н. Н., Пашенцев Д. А. Правовой порядок: доктринальные подходы, методы и актуальные направления исследований // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 5–16. DOI: 10.12737/article_597714e7d6a893.66790709.
15. Gongalo B., Novikova N. The Influence of Private Law on the Development of the World and Russian Law and Order: Modern Forms and Trends // Herald of The Euro-Asian Law Congress. 2018. Iss. 1. P. 85–99. DOI:10.34076/2619-0672-2018-1-85-99.
16. Komarova T. The Court of Justice of the European Union and International Legal Order // Russian Law Journal. 2017. №. 5 (3). P. 140–167. DOI: 10.17589/2309-8678-2017-5-3-140-167.
17. Perevalov V., Modestov S., Sherpaev V. World law and order: problems of transformation and international security // Herald of The Euro-Asian Law Congress. 2018. Iss. 1. P. 6–16.

References

1. Antsifirova N. A. *Pravovoi poryadok: teoretiko-pravovoi analiz*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Legal Order: Theoretical and Legal Analysis. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Krasnodar, 2010. 24 p.
2. Bestuzheva E. V. *Sovremennoe sostoyanie i razvitie pravovoi zakonnosti v Rossiiskom gosudarstve*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [The Current State and Development of Legality in the Russian State. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Nizhny Novgorod, 2008. 35 p.
3. Vissarov A. V. *Pravoporyadok i sub"ekty ego obespecheniya (teoretiko-pravovoi aspekt)*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [The Rule of Law and the Persons of Its Maintenance (Theoretical-Legal Aspect). Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2003. 23 p.

4. Drobyazko S. G. Printsipy v prave [Principles in Law]. *Problemy razvitiya yuridicheskoi nauki i sovershenstvovanie pravoprimeritel'noi praktiki – Problems of Development of Legal Science and Improvement of Law Enforcement Practice*. Minsk, BSU Publ., 2005, pp. 27–33.
5. Zaloilo M. V., Pashentsev D. A. Natsional'nyi pravoporyadok Rossii v usloviyakh tsifrovizatsii [National Law and Order of Russia in the Conditions of Digitalization]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo – Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2019, vol. 10, iss. 2, pp. 196–209. DOI: 10.21638/spbu14.2019.201.
6. Korzhikov O. N. Pravovaya kul'tura sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Legal Culture of Law Enforcement Officers]. *Pravovaya kul'tura – The Legal Culture*, 2007, no. 2 (3), pp. 74–79.
7. Mamii M. R. *Teoriya i praktika obespecheniya rezhima zakonnosti v sovremennoi Rossii*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Theory and Practice of Ensuring the Rule of Law in Modern Russia. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Krasnodar, 2007. 43 p.
8. Nuradinov Sh. M., Chervonyuk V. I., Kurbanov B. M. Konstitutsiya i konstitutsionnaya zakonnost' [The Constitution and Constitutional Legality]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2013, no. 6, pp. 35–39.
9. Polenina S. V. *Zakonotvorchestvo v Rossiiskoi Federatsii* [Lawmaking in the Russian Federation]. Moscow, Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences Publ., 1996. 146 p.
10. Svinin E. V. Ob'ekt i predmet pravovogo regulirovaniya kak komponenty strukturnoi organizatsii pravoporyadka [Object and Subject of Legal Regulation as Components of the Structural Organization of Law and Order]. *Lex Russica*, 2020, vol. 73, no. 1 (158), pp. 118–131. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.158.1.118-131.
11. Sil'chenko N. V. Zakony pravovye i nepravovye, нравственные i amoral'nye [Legal and Non-Legal Acts, Moral and Immoral]. *Zakonotvorchestvo. Zakon. Pravovaya sistema. Izbrannye trudy – Lawmaking. Law. Legal System. Selected Works*. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2020, pp. 107–109.
12. Sokolov A., Petrovskaya A. Metodologiya issledovaniya idei pravovogo zakona [Research Methodology of the Idea of Legal Law]. *Yustitsiya Belarusi – Justice of Belarus*, 2008, no. 8, pp. 41–45.
13. Khesina M. N. *Administrativno-pravovoe obespechenie mekhanizma formirovaniya i funktsionirovaniya rezhima zakonnosti i pravoporyadka v Rossiiskoi Federatsii*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Administrative and Legal Support of the Mechanism for the Formation and Functioning of the Rule of Law and Order in the Russian Federation. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2005. 23 p.
14. Chernogor N. N., Pashentsev D. A. Pravovoi poryadok: doktrinal'nye podkhody, metody i aktual'nye napravleniya issledovaniya [The Legal Order: Doctrinal Approaches, Methods and Current Directions of the Research]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*, 2017, no. 8, pp. 5–16. DOI: 10.12737/article_597714e7d6a893.66790709.
15. Gongalo B., Novikova N. The Influence of Private Law on the Development of the World and Russian Law and Order: Modern Forms and Trends. *Herald of The Euro-Asian Law Congress*, 2018, iss. 1, pp. 85–99. DOI: 10.34076/2619-0672-2018-1-85-99.
16. Komarova T. The Court of Justice of the European Union and International Legal Order. *Russian Law Journal*, 2017, no. 5 (3), pp. 140–167. DOI: 10.17589/2309-8678-2017-5-3-140-167.
17. Perevalov V., Modestov S., Sherpaev V. World Law and Order: Problems of Transformation and International Security. *Herald of The Euro-Asian Law Congress*, 2018, iss. 1, pp. 6–16.

Дата поступления статьи | Article received date
26.01.2021

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date
25.02.2021

Дата приема к публикации | Article accepted date
04.03.2021

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343+ 004.8

DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-1-17-29

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С РОБОТОТЕХНИКОЙ И КИБЕРФИЗИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ

БЕГИШЕВ Ильдар Рустамович*

✉ begishev@mail.ru

Ул. Московская, 42, Казань, 420111, Россия

Аннотация. Робототехника и киберфизические системы формируют самостоятельный пласт общественных отношений, характеризующихся повышенной общественной опасностью. Указанное обстоятельство предопределяет признание отдельных категорий роботов источниками повышенной опасности. Темпы развития робототехники и киберфизических систем являются следствием экспонентного, практически взрывного роста интереса к интеллектуальным системам в условиях 4 Промышленной революции и становления Индустрии 4.0, активно поддерживаемого политикой государства на «всеобщую цифровизацию». Поливариативность роботов, высокая степень адаптивности и растущая доступность для широких слоев населения являются предпосылкой для «вовлечения» роботов в различные направления преступной деятельности, вплоть до самостоятельного совершения роботами отдельных преступных посягательств. Являясь комплексными устройствами, обладающими технической, цифровой и энергетической компонентами, робототехника и киберфизические системы подвержены процессам, которые могут стать причиной возникновения вреда для различных групп общественных отношений. Внедрение робототехники и киберфизических систем в промышленность, производство и в военную сферу сопряжено со значительными рисками причинения вреда различным объектам уголовно-правовой охраны. С ростом автономности робототехники неуклонно будут расширяться и сферы, где совершаются посягательства с их участием. В связи с этим требуется проработка механизмов уголовной ответственности в случае причинения вреда системами искусственного интеллекта и робототехники, имеющими высокую степень автономности при принятии решений. Определены критерии запроса на уголовно-правовое регулирование робототехники. Выявлены основные причины возникновения криминологических рисков, связанные с конструктивными особенностями роботов. Несомненно, для уголовного права базисом выступает категория общественной опасности, которая одновременно обеспечивает концептуальное единство уголовно-правовых норм, параллельно являясь водоразделом, отграничивающим их от иных отраслей права. Крайне важно определить границы уголовно-правового регулирования, которые формируются исключительно общественной опасностью тех или иных деяний с применением робототехники. Таким образом, следует констатировать, что текущий уровень развития робототехники и киберфизических систем, а также их вовлеченность в процессы жизнедеятельности общества обуславливают необходимость создания эффективных механизмов уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова: робот, искусственный интеллект, робототехника, уголовная ответственность, преступление, цифровые технологии, беспилотные транспортные средства, беспилотные летательные аппараты, автономная система вооружений, киберфизическая система, автономное летальное оружие, военный робот, боевой робот, робот-убийца, автономный робот.

* Старший научный сотрудник Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП), заслуженный юрист Республики Татарстан, кандидат юридических наук.

Social Conditionality of Criminal Legal Regulation of Public Relations Related To Robotics and Cyber-Physical Systems

Begishev Il'dar R.**

✉ begishev@mail.ru

42 Moskovskaya st., Kazan, 420111, Russia

Abstract. Robotics and cyber-physical systems form an independent layer of social relations characterized by increased social danger. This circumstance predetermines the recognition of certain categories of robots as sources of increased danger. The pace of development of robotics and cyber-physical systems is a consequence of the exponential, almost explosive growth of interest in intelligent systems under the conditions of the 4th Industrial Revolution and the emergence of Industry 4.0., actively supported by the state's policy of "universal digitalization". The variety of robots, a high degree of adaptability and growing accessibility for the general population are a prerequisite for the "involvement" of robots in various areas of criminal activity, up to the robots committing individual criminal encroachments on their own. As complex devices with technical, digital and energy components, robotics and cyber-physical systems are subject to processes that can cause harm to various groups of social relations. The introduction of robotics and cyber-physical systems into industry, production and the military sphere is associated with significant risks of causing harm to various objects of criminal law protection. With the growth of autonomy, robotics will steadily expand the spheres where attacks are committed with their participation. In this regard, it is required to develop mechanisms for criminal liability in the event of harm caused by artificial intelligence and robotics systems that have a high degree of autonomy in decision-making. The criteria for requesting criminal law regulation of robotics have been determined. The main reasons for the emergence of criminological risks associated with the design features of robots have been identified. Undoubtedly, the basis for criminal law is the category of social danger, which at the same time ensures the conceptual unity of criminal law norms, while simultaneously being a watershed that delimits them from other branches of law. It is extremely important to determine the boundaries of criminal law regulation, which are formed exclusively by the public danger of certain acts with the use of robotics. Thus, it should be stated that the current level of development of robotics and cyber-physical systems, as well as their involvement in the processes of the life of society, necessitate the creation of effective mechanisms of criminal law regulation.

Keywords: robot, artificial intelligence, robotics, criminal responsibility, crime, digital technology, unmanned vehicles, unmanned aerial vehicles, autonomous weapons system, cyber-physical system, autonomous lethal weapons, military robot, combat robot, killer robot, autonomous robot.

Норма уголовного права является эффективной, если она социально обусловлена [11, с. 142]. Детерминированность новых уголовно-правовых предписаний о робототехнике также следует считать основой их эффективного действия.

А. В. Незнамов, выделяя дискуссионные моменты, связанные с регулированием робототехники, задается также вопросом целесообразности корректировки института ответственности за вред, причиненный роботом или системой искусственного интеллекта. И одновременно, продолжая логическую мысль, ставит следующий вопрос о ее направленности [23, с. 175].

Утверждение в августе 2020 г. Концепции развития регулирования отношений в сфере

технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г., несомненно, стало краеугольным камнем в вопросе становления отечественной системы правового регулирования отношений, связанных с внедрением указанных технологий в жизнедеятельность общества. И позволило наметить ключевые векторы дальнейшей правотворческой деятельности.

В числе задач, заявленных в Концепции, среди прочего обозначены «создание основ правового регулирования новых общественных отношений, формирующихся в связи с применением систем искусственного интеллекта и робототехники, определение правовых барьеров, затрудняющих разработку и применение систем

** Senior Researcher at the Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML), Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Candidate of Legal Sciences.

искусственного интеллекта и робототехники в различных отраслях экономики и социальной сферы»¹.

Как справедливо отмечается в Концепции, «одним из основных препятствий для расширения применения систем с использованием искусственного интеллекта и робототехники является отсутствие достаточной степени доверия к ним со стороны общества. Повышение степени автономности таких систем, снижение контроля человека за процессом их применения, не полностью прозрачный процесс принятия решений создают общественный запрос на регуляторные ограничения применения систем искусственного интеллекта и робототехники»². В свою очередь подобного рода запрос представляет собой не что иное, как социальную обусловленность уголовно-правового регулирования.

Справедливо отмечал А. И. Марцев, что «преступление представляет собой один из видов преобразовательной деятельности, поскольку, совершая преступление, субъект производит в объекте определенные изменения или создает своей деятельностью предпосылки для таких изменений. Эти изменения носят деструктивный характер и в социальном плане отрицательно сказываются на функционировании человека, общества или государства. Возможность отрицательного влияния преступлений на социальные условия функционирования человека, общества и государства рассматривается в уголовном праве как общественная опасность. Данная категория закреплена в уголовном законодательстве в качестве регулятора уголовно-правовых отношений» [20, с. 7]. С этой позицией трудно не согласиться, ведь общественная опасность, обладая дуальной природой, характеризуется как социальным аспектом, так и правовым.

В решении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2003 г. № 3-П в связи с запросом Останкинского межмуниципального

(районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан презюмируется, что «закрепление в законе уголовно-правовых запретов и санкций за их нарушение не может быть произвольным»³, при этом Конституционный Суд Российской Федерации в другом своем решении подтверждает конституционное право государства «на установление уголовной ответственности за общественно опасные деяния, которые в силу своей распространенности причиняют существенный вред и не могут быть предотвращены с помощью иных правовых средств»⁴.

В данном аспекте следует поддержать мнение о том, что уголовное право, среди прочего, призвано определять социальную обусловленность уголовно-правовых положений и их эффективность [7, с. 14], а исследование вопросов социальной обусловленности предопределяется необходимостью «создания научной основы уголовного правообразования, что позволяет избежать не вызванных реалиями жизни произвольных законодательных решений» [8, с. 27].

Понятие социальной обусловленности уголовного закона не раз становилось предметом детального научного исследования. Мнения авторов были различны: от позиций признания под социальной обусловленностью «объективной необходимости закрепления в уголовном законе отдельных деяний, исходя из общественных потребностей, выявленных закономерностей развития общественных отношений, реальной социально-экономической ситуации» [13, с. 20; 25, с. 1807; 29, с. 130] до признания в нем «идеологических, экономических, нравственных, психологических и иных факторов, вызывающих его необходимость» [31, с. 7].

Профессор А. А. Пионтковский писал, что «общественная опасность деяния есть его социально-политическая характеристика в целом» [26, с. 155]. В указанном ключе уместно говорить о том, что общественная опасность является тем

¹ Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 19 авг. 2020 г. № 2129-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 35, ст. 5593.

² Там же.

³ По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 19 марта 2003 г. № 3-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 14, ст. 1302.

⁴ По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Шевякова : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 25 апр. 2001 г. № 6-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 23, ст. 2408.

самым критерием, определяющим объективную необходимость уголовно-правового регулирования рассматриваемых отношений. А любое запрещаемое деяние (преступление) должно представлять собой не только правовое, но и социально обусловленное явление [8; 31].

Не вдаваясь в полемику относительно того, какое из уже существующих в науке определенных видится наиболее приемлемым, отметим, что все авторы едины в понимании под социальной обусловленностью наличия в обществе объективного запроса на регулирование уголовно-правовыми средствами определенных общественных отношений, потенциально или объективно обладающих общественной опасностью.

Вместе с тем, учитывая особый статус уголовного закона как крайнего средства государственного реагирования на проявление делинквентного поведения⁵, обратимся к пресловутому критерию общественной опасности, проявляющемуся в конкретных случаях причинения вреда или угрозы его причинения охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Построение достоверной устойчивой системы в любой области знаний начинается с определения базиса, «той исходной научной абстракции, которая концентрировала бы качественную определенность системы знаний в целом, устанавливала бы последовательность расположения понятий в системе и “удельный вес” каждого из них, выступала бы как ее отправной и конечный пункт» [31, с. 48].

Несомненно, для уголовного права такой категорией выступает категория общественной опасности, которая одновременно обеспечивает концептуальное единство уголовно-правовых норм, параллельно являясь водоразделом, отграничивающим их от иных отраслей права. Крайне важно определить границы уголовно-правового регулирования, которые формируются исключительно общественной опасностью тех или иных деяний с применением робототехники.

Как справедливо отмечает Н. А. Лопашенко, «1) опасность всегда связывается с негативными изменениями или последствиями, начиная от просто нежелательных, заканчивая крайней степенью негативности – несчастием; 2) эти

последствия (изменения) не реализованы, они только ожидаются виде возможности или угрозы» [17, с. 208].

Е. В. Кобзева пишет, что наиболее часто критерием классификации нарушений норм права на преступления, административные правонарушения, гражданско-правовые деликты, дисциплинарные проступки признается социальная вредность (опасность, значимость) деяния. При этом автор выделяет пять основных подходов к толкованию понятий «общественная опасность» и «вредность»:

«1) общественная опасность выступает свойством исключительно преступных деяний, все другие нарушения норм права вредны для интересов общества, но опасности не представляют;

2) общественной опасностью обладают как преступления, так и другие виды правонарушений, при этом различие между ними состоит в степени и/или характере общественной опасности;

3) общественно опасными являются преступления и некоторые виды административных правонарушений;

4) нет никакой разницы между общественной вредностью и общественной опасностью, дискуссия носит исключительно терминологический характер;

5) понятие общественной опасности следует заменить понятием общественной (социальной) вредности» [14, с. 106].

На наш взгляд, оптимальна позиция о признании общественно опасными всех видов правонарушений. Как справедливо отмечает П. К. Блажко, «преступления представляют наибольшую общественную опасность по сравнению с иными правонарушениями. При этом различие необходимо проводить и по характеру, и по степени опасности деяний для общества, зависящим от содержания объекта правонарушения, признаков его субъекта, объективной и субъективной сторон, смягчающих и отягчающих обстоятельств, лежащих за пределами состава правонарушения» [6, с. 7].

В связи с этим уместно будет привести мнение Н. Ф. Кузнецовой, которое нам также близко: «Понятие общественной опасности рассматривается как универсальное понятие, которое

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 10 июля 2003 г. № 270-О // Вестник Конституц. Суда Рос. Федерации. 2003. № 5.

характеризует все правонарушения. И специфика общественной опасности преступлений в ее характере и степени» [16, с. 247]. В той или иной форме указанная точка зрения приводилась в работах Н. С. Малеина [19, с. 10], Е. Л. Поцелуева [27, с. 22], О. Е. Репетевой [28, с. 34].

Обосновывая необходимость применения риск-ориентированного подхода при оценке преступных посягательств с участием робототехники, мы брали за основу два ключевых критерия: степень тяжести последствий причинения вреда роботами и категорию (характер) общественной опасности.

Согласимся с мнением Н. А. Лопашенко, что «в любом случае уровень возможных негативных последствий от противоправного поведения должен быть высоким, а сама общественная опасность должна определяться как существенная. Понятно, что это крайне оценочный момент в понимании преступления, но придумать точные критерии очень сложно» [17, с. 225].

Выделение указанных сфер является результатом эмпирического исследования инцидентов с участием робототехники и киберфизических систем, а также применения метода предиктивной аналитики.

Отметим, что характер общественной опасности в значительной степени зависит от объекта преступного посягательства, при этом чем «важнее» объект преступного посягательства, тем выше его общественная опасность. Несомненно, всецело поддерживая позицию о невозможности выстроить иерархию ценностей, охраняемых уголовным законом, все же отметим, что характер общественной опасности должен находиться в прямой корреляции с характером ожидаемого вреда и его тяжестью. Указанное верно и для общественно опасных деяний с участием робототехники и киберфизических систем.

Нами были выделены четыре, на наш взгляд, ключевых объекта, на которых общественная опасность применения робототехники и киберфизических систем проявляется наиболее существенно:

- мир и безопасность человечества;
- жизнь и здоровье людей;
- объекты живой природы;
- неживые материальные объекты.

Данные объекты представляют собой сферы общественных отношений, в которых деяния с участием робототехники и киберфизических

систем создают необходимость уголовно-правовой охраны от причиненного или потенциально возможного причинения им вреда.

Понятие общественной опасности является ключевым критерием (основанием) криминализации. «Криминализация – это процесс установления уголовной ответственности за деяние, ранее не относившееся к числу преступлений» [30, с. 144]. Отдельные авторы предлагают понимать под криминализацией «процесс, так и результат отнесения определенных видов деяний к преступным и уголовно наказуемым. В процессе криминализации изучаются цели, основания и возможность установления уголовной ответственности за то или иное деяние» [15, с. 38; 24, с. 28].

Некоторые авторы выделяют и иные основания криминализации. Например, М. В. Бавсун, помимо общественной опасности деяния и степени его влияния на общественные процессы и общественное сознание, называет также «распространенность деяния и его удельного веса в общем состоянии преступности; степень тяжести преступных последствий, оцениваемых размером причиненного вреда; яркая антисоциальная направленность деяния и лица, противопоставляющего себя обществу» [1, с. 12; 2, с. 12; 3, с. 104]. Аналогичные критерии указываются и в работе А. М. Орлеана [24, с. 30].

Н. А. Лопашенко выделяют следующие причины криминализации: «возникновение новых, не существовавших ранее видов общественно опасной деятельности людей, неблагоприятная динамика отдельных видов человеческого поведения, научно-технический прогресс, развивающий потенциально опасные сферы науки и техники» [18, с. 102].

Указанные критерии в полной мере применимы к робототехнике и киберфизическим системам:

1. Робототехника и киберфизические системы формируют собой самостоятельный пласт общественных отношений, характеризующихся повышенной общественной опасностью. Указанное обстоятельство предопределяет признание отдельных категорий роботов источниками повышенной опасности.

В марте 2018 г. экспериментальный автомобиль Uber, работавший в автономном режиме, сбил пешехода и убил его, когда он переходил улицу в Темпе, штат Аризона, США, – первое ДТП с беспилотным транспортным средством

со смертельным исходом⁶. Перед общественностью и государством сразу же встал вопрос о том, кто должен нести ответственность за такое происшествие.

Однако самый первый случай причинения смерти с участием роботов был зарегистрирован еще в 1979 г., когда промышленный робот на заводе Ford Motor Company причинил смерть Роберту Уильямсу посредством нанесения удара по голове 1-тонной роботизированной рукой. В декабре 1981 г. похожий случай с промышленным роботом произошел на заводе Кавасаки в Heavy Industries Японии. Кэндзи Урада погиб, после того как самоактивировавшийся гидравлический рычаг затащил его в шлифовальный станок, где он был раздавлен⁷. После долгого расследования было заявлено, что произошедшее стало несчастным случаем, рабочий включил роботизированную систему при ремонте, но потом он случайно зацепил этот же рычаг, приведя в действие только что отключенное устройство⁸.

Дефекты могут иметь место на любом из этапов эксплуатации роботов, и предсказать или ограничить это не всегда возможно. На наш взгляд, речь здесь тоже может идти о деяниях, совершенных по легкомыслию или небрежности:

- наезд на пешехода беспилотным транспортным средством;
- столкновение с беспилотным летательным аппаратом;
- сбой в работе промышленного робота по причине несвоевременного выхода из строя той или иной детали (микросхемы), повлекший несчастный случай;

– отказ в работе той или иной системы медицинского робота, повлекший смерть пациента или серьезное нарушение функционирования организма человека.

2. Темпы развития робототехники и киберфизических систем являются следствием экспонентного, практически взрывного роста интереса к интеллектуальным системам в условиях 4 Промышленной революции и становления Индустрии 4.0., активно поддерживаемого политикой государства на всеобщую цифровизацию.

Аналитики во всем мире единогласно называют искусственный интеллект ключевым технологическим трендом⁹. По прогнозам, к 2020 г. его рынок вырастет до 5 млрд долл. США¹⁰ за счет применения технологий машинного обучения и распознавания естественного языка в рекламе, розничной торговле, финансах и здравоохранении¹¹.

Робототехника и искусственный интеллект включены в ряд документов стратегического планирования, однако вопросы правового регулирования при использовании технологий находятся все еще в стадии решения, тогда как их внедрение в жизнедеятельность человека идет активными темпами (это касается беспилотных летательных аппаратов, прогнозирования диагноза больных и пр.) [32, с. 96–106]. Более того, на правовое регулирование искусственного интеллекта направлена целая группа политических нормативных правовых актов и распорядительных документов Президента Российской Федерации и органов государственной власти¹².

⁶ Беспилотный автомобиль впервые сбил человека насмерть: кто виноват и как это повлияет на технологию. URL: <https://tjournal.ru/tech/67896-bespilotnyy-avtomobil-vpervyye-sbil-cheloveka-nasmert-kto-vinovat-i-kak-eto-povliyaet-na-tehnologiyu>

⁷ 10 случаев убийства людей роботами. URL: <https://www.facts-worldwide.info/10-sluchaev-ubijstva-ljudej-robotami/>

⁸ 7 случаев смерти от «рук» промышленных роботов. URL: <http://robotforum.ru/novosti-texnologij/7-sluchaev-smerti-ot-ruk-promyshlennyx-robotov.html>

⁹ Top 10 Strategic Technology Trends for 2018. Gartner. URL: <https://www.gartner.com/doc/3811368>

¹⁰ Инвестиции в искусственный интеллект бьют рекорды. URL: <https://www.if24.ru/investitsii-v-iskusstvennyj-intellekt-byut-rekordy/>

¹¹ AI in Fintech Market by Component (Solution, Service), Application Area (Virtual Assistant, Business Analytics & Reporting, Customer Behavioral Analytics), Deployment Mode (Cloud, On-Premises), and Region – Global forecast to 2022. URL: <https://www.marketsandmarkets.com/Market-Reports/ai-in-fintech-market-34074774.html>

¹² Подробнее см.: *Послание* Президента Рос. Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 20 февраля 2019 г. // Рос. газета. 2019. 20 февр. ; *Послание* Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 г. // Там же. 2020. 15 янв. ; *О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации* : указ Президента Рос. Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41, ст. 5700 ; *Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития технологий в области искусственного интеллекта* : утв. Президентом Рос. Федерации 12 июня 2019 г. № Пр-1030. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/60748> ; *Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект»*. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/6658>

3. Поливариативность роботов, высокая степень адаптивности и растущая доступность для широких слоев населения является предпосылкой для использования их в различных сферах преступной деятельности, вплоть до самостоятельного совершения роботами отдельных преступных посягательств.

На сегодняшний день можно выделить несколько возможных вариантов деятельности с робототехникой, которая представляется общественно опасной:

- «– конструирование робота-убийцы специально для совершения правонарушения;
- отключение программных и аппаратных функций, блокирующих возможность причинения вреда человеку;
- конструирование робота, способного причинить вред человеку;
- конструирование робота без осознания того, что он может быть использован для причинения вреда человеку» [4, с. 73].

Следует отметить, что с использованием возможностей робототехники может быть совершено множество преступлений:

- «– общественно опасные деяния, посягающие на жизнь и здоровье человека;
- общественно опасные деяния, посягающие на конституционные права и свободы человека и гражданина;
- общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения, охраняющие сферу экономики от преступных посягательств;
- общественно опасные деяния, посягающие на государственную власть, службу и их интересы;
- общественно опасные деяния, посягающие на общественную безопасность и общественный порядок;
- общественно опасные деяния, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства и т. д.» [5, с. 92].

Ю. В. Грачева и А. А. Арямов в своей работе указывают, что роботы сегодня могут стать полноправными исполнителями ряда преступлений, таких как:

- «– террористический акт (ст. 205 УК РФ), который может выражаться в совершении взрыва, поджога, отравлении источника водоснабжения, лишении жизни людей с использованием робототехники;
- вандализм (ст. 214 УК РФ): легко себе представить использование дрона, переносящего

капсулу с краской и сбрасывающего ее на здание или сооружение для их осквернения;

- приведение в негодность объектов жизнеобеспечения (ст. 215² УК РФ) путем их разрушения, повреждения или приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние с помощью роботов. Совершение этих действий из корыстных или хулиганских побуждений квалифицируется по ст. 215² УК РФ; при отсутствии названных мотивов, но при наличии цели подрыва экономической безопасности и обороноспособности РФ – по ст. 282 УК РФ;

- незаконное проникновение на подземный или подводный объект, охраняемый в соответствии с законодательством Российской Федерации о ведомственной или государственной охране с использованием робототехники, включая дроны (ст. 215⁴ УК РФ);

- хищение ядерных материалов или радиоактивных веществ путем применения робототехники для незаконного проникновения в помещение или хранилища и завладения предметом преступления (ст. 221 УК РФ);

- незаконное приобретение, передача, сбыт, хищение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств (ст.ст. 222, 222¹, 226 УК РФ), а также его незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо государственную границу РФ государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (ст. 226¹ УК РФ) с использованием робототехники, особенно дронов;

- нападение на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения посредством использования робототехники, включая дроны (ст. 227 УК РФ)» [10, с. 175].

Г. Г. Камалова считает, что «искусственные интеллектуальные системы могут быть использованы для совершения разнообразных преступлений, включая:

- причинение смерти или вреда здоровью человека;
- нарушение права на неприкосновенность частной жизни;
- незаконное получение или неправомерное разглашение охраняемой законом тайны;
- нарушение правил охраны труда;
- мошенничество;

- нарушение безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта;
- террористический акт;
- нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих;
- нарушение правил оборота наркотических и психотропных веществ;
- преступления в сфере компьютерной информации;
- иные» [12, с. 383].

Роботы также активно используются преступниками и террористами в качестве инструмента для «творческого» совершения преступлений. С 2010 г. наркокартели Мексики начали использовать дроны для перевозки наркотиков. Успех Мексики побудил колумбийские наркокартели использовать дроны, а также испытать тот же метод на своей территории. Фактически, к 2012 г. использование беспилотных летательных аппаратов вдоль границы было широко распространено, о чем свидетельствует перехват США 150 дронов, перевозящих примерно две метрические тонны наркотиков, в первую очередь марихуану, кокаин и героин.

Дроны стали «идеальным наркокурьером» в том смысле, что они несут меньший риск для лиц, занимающихся незаконным оборотом наркотиков. Кроме того, использование дронов значительно менее затратно, чем людей, поскольку наркобарон может заработать до 10 000 долларов за успешную доставку одной партии груза. Новые дроны мексиканского производства отличаются от тех, что используются для личного пользования, поскольку они предположительно могут перевозить от 60 до 100 кг наркотиков за одну поездку. Дроны также используются для контрабанды наркотиков, мобильных телефонов и оружия в тюрьмы. Например, во временном центре содержания под стражей в Сан-Жозе-дус-Кампус в Сан-Паулу (Бразилия) дрон с квадрокоптером пролетел над стенами тюрьмы и сбросил 250 граммов кокаина в присутствии сотрудников тюрьмы. Под Москвой дрон доставил в Тульскую тюрьму 700 граммов кокаина, а в Греции дрон доставил коробку мобильных телефонов. В апреле 2017 г. двое мужчин были заключены в тюрьму в Великобритании за использование таких дронов для доставки наркотиков класса А и В, а также мобильных телефонов

заключенным в трех тюрьмах в Херефордшире. Аналогичные инциденты с проникновением в тюрьмы были зарегистрированы в Канаде, Австралии и США¹³.

Преимущества использования робототехники для совершения преступлений очевидны: во-первых, возможность их применения в опасных зонах, в том числе биологически опасных; во-вторых, физическая безопасность лица, использующего эти технологии для совершения преступления (поскольку лицо находится, как правило, далеко от места использования дрона, у него нет страха быть обнаруженным, получить ранения или погибнуть, что психологически облегчает принятие решений, связанных с причинением вреда); в-третьих, по использованной робототехнике трудно идентифицировать нападавшего [10, с. 173].

Таким образом, деятельность роботов и искусственного интеллекта может быть признана общественно опасной и причинять вред охраняемым общественным отношениям [22, с. 465]. С приведенным мнением солидарны некоторые отечественные и зарубежные ученые [33–46].

4. Являясь комплексными устройствами, обладающими технической, цифровой и энергетической компонентами, робототехника и киберфизические системы подвержены процессам, которые могут стать причиной возникновения вреда для различных групп общественных отношений.

Следует отметить, что тот или иной риск может возникнуть по нескольким основным причинам, обусловленным конструктивными особенностями роботов:

1) причины, связанные с механической подсистемой роботов:

- недостатки механизмов (приводов, моторов и т. д.), которые не были выявлены на этапе производства (разработки) или же проявились в процессе эксплуатации роботов;

- умышленное создание недекларированных возможностей механизмов роботов в целях совершения тех или иных действий противоправного характера;

2) причины, связанные с цифровой подсистемой роботов:

- недостатки программного обеспечения (уязвимости программного обеспечения, случайные ошибки программного обеспечения), которые

¹³ 10 преступлений, совершенных с использованием дронов. URL: <https://zen.yandex.ru/media/basetop/10-prestuplenii-sovershennyh-s-ispolzovaniem-dronov-5b6ad15e85904900aa272319>

не были выявлены на этапе разработки или же проявились в процессе эксплуатации роботов;

– умышленное программирование (перепрограммирование) роботов на совершение тех или иных действий противоправного характера (недекларированные возможности программного обеспечения);

3) причины, связанные с подсистемой энергоснабжения роботов:

– недостатки питающих элементов (уязвимости питающих элементов), которые не были выявлены на этапе разработки или же проявились в процессе эксплуатации роботов;

– умышленное вмешательство в работу энергоэлементов роботов, направленное на совершение тех или иных действий противоправного характера (нарушение правил эксплуатации и норм безопасности энергоснабжения роботов).

5. Внедрение робототехники и киберфизических систем в промышленность, производство и в военную сферу сопряжено со значительными рисками причинения вреда различным объектам уголовно-правовой охраны. В предыдущих исследованиях нами были приведены примеры несчастных случаев, связанных с использованием робототехники в промышленных целях. Между тем гораздо большую обеспокоенность вызывает использование робототехники и киберфизических систем в военных целях.

Согласимся с опасением, высказанным директором ФСБ России А. В. Бортниковым, что международные террористические и иные экстремистские организации в ближайшем будущем станут более интенсивно использовать робототехнику для осуществления своих целей¹⁴.

В числе основных рисков отсутствия запрета на использование автономного летального оружия активистами отмечаются следующие:

1) фактическое предоставление автономному оружию, лишенному социально значимых качеств, таких как сострадание, этичность, права на определение дальнейшей судьбы отдельных лиц или группы людей: кто будет жить, а кто нет, будет решать «бездушная машина»;

2) растущие темпы разработок автономного летального оружия ведут к неизбежной «гонке роботизированного вооружения», что чревато

несомненной эскалацией на мировой арене, особенно, в горячих точках.

3) неспособность роботов отличать военных от мирных жителей может привести к крайне трагическим событиям;

4) отсутствие единых механизмов привлечения к ответственности за противоправные действия, вызванные полностью автономным оружием. На сегодняшний день неясно, кто должен нести ответственность: программист, производитель, оператор или сама машина.

5) возможность использования автономного оружия в невоенных целях. Автономное летальное оружие может использоваться для подавления протестов и поддержки диктаторских режимов. «Сила, задуманная как не смертельная, может стать причиной многих смертей»¹⁵.

«Вместе с тем международными экспертами признана необходимость сохранить ответственность человека за принятие решений о применении систем вооружений (такая ответственность не может быть передана машинам). Этот подход следует учитывать на протяжении всего жизненного цикла смертоносной автономной системы вооружений. Оценка рисков и меры по смягчению их последствий должны быть частью системы проектирования, разработки, испытания и развертывания новых технологий в любых оружейных системах» [9, с. 374] и в военных целях [21, с. 70].

6. С ростом автономности робототехники неуклонно будут расширяться и сферы, где совершаются посягательства с их участием. Ввиду чего требуется проработка механизмов уголовной ответственности в случае причинения вреда системами искусственного интеллекта и робототехники, имеющими высокую степень автономности при принятии решений¹⁶.

Таким образом, следует констатировать, что текущий уровень развития робототехники и киберфизических систем, а также их вовлеченность в процессы жизнедеятельности общества обуславливают необходимость создания эффективных механизмов уголовно-правового регулирования.

Запрос на такое регулирование обусловлен:

– повышенной общественной опасностью отношений, складывающихся в сфере применения робототехники и киберфизических систем;

¹⁴ Егоров И. Атаки в сети и наяву // Рос. газета. Федерал. вып. 2018. 11 дек.

¹⁵ Угроза полностью автономного оружия. URL: <https://www.stopkillerrobots.org/learn/>

¹⁶ Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 19 авг. 2020 г. № 2129-р.

– темпами развития робототехники и киберфизических систем, вследствие взятого государством курса на всеобщую цифровизацию;

– поливариативной природой роботов, высокой степенью адаптивности и их растущей доступностью для широких слоев населения как предпосылки для «вовлечения» роботов в различные направления преступной деятельности, вплоть до самостоятельного совершения ими отдельных преступных посягательств;

– подверженностью робототехники и киберфизических систем процессам, которые могут

стать причиной возникновения вреда для различных групп общественных отношений;

– активным внедрением робототехники и киберфизических систем в промышленность, производство и в военную сферу, сопряженным со значительными рисками причинения вреда различным объектам уголовно-правовой охраны.

– ростом автономности робототехники и киберфизических систем и, как результат, расширением сферы, где совершаются посягательства с их участием.

Список литературы

1. Бавсун М. В. Целесообразность в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 22 с.
2. Бавсун М. В. Целесообразность в уголовном праве. Омск : Омская академия МВД России, 2004. 172 с.
3. Бавсун М. В., Марцев А. И. Целесообразность в уголовном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 4 (249). С. 94–106.
4. Бегишев И. Р. Уголовно-правовые и криминологические аспекты применения робототехники // Алтайский юридический вестник. 2020. № 4 (32). С. 72–79.
5. Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и уголовный закон. М. : Проспект, 2021. 192 с.
6. Блажко П. К. Совокупность правонарушений по советскому праву (понятие и юридическое значение). Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 1988. 97 с.
7. Бодаевский В. П., Зимин В. М., Чучаев А. И. Уголовное право. Общая часть : учеб. М. : Проспект, 2020. 251 с.
8. Бодаевский В. П., Соловьёв Е. А. Социальная обусловленность уголовно-правового положения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1 (76). С. 20–25. DOI: 10.24411/1999-625X-2020-14004.
9. Габов А. В., Хаванова И. А. Автономия боевых роботов и право // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 361–378.
10. Грачева Ю. В., Арямов А. А. Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 169–178. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.169-178.
11. Григорян Р. Г. Социально-экономические и информационно-технологические основания криминализации мошенничества в сфере компьютерной информации // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 3. С. 141–146. DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-3-141-146.
12. Камалова Г. Г. Некоторые вопросы уголовно-правовой ответственности в сфере применения систем искусственного интеллекта и робототехники // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2020. Т. 30, № 3. С. 382–388. DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-3-382-388.
13. Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара : Самар. гос. аэрокосм. ун-т им. акад. С. П. Королёва, 2001. 244 с.
14. Кобзева Е. В. О содержании и соотношении понятий «общественная опасность» и «общественная вредность» деяний в общей теории права // Евразийский юридический журнал. 2018. № 12 (127). С. 105–107.
15. Кудрявцев В. Н., Яковлев А. М. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация. М. : Наука, 1982. 304 с.
16. Кузнецова Н. Ф. Избранные труды. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2003. 834 с.
17. Лопашенко Н. А. Межотраслевая дифференциация уголовной и иных видов юридической ответственности: итоги теоретического моделирования. М. : Юрлитинформ, 2021. 480 с.
18. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М. : Волтерс Клувер, 2009. 579 с.
19. Маленин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М. : Юрид. лит., 1985. 192 с.
20. Марцев А. И. Преступление: социально-правовой анализ : учеб. пособие. Омск : Ом. акад. МВД России, 2012. 75 с.
21. Морхат П. М. Особенности правового регулирования применения юнитов искусственного интеллекта в различных целях // Право и образование. 2018. № 8. С. 69–77.
22. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, № 3. С. 461–476. DOI: 10.21638/spbu14.2019.304.
23. Незнамов А. В. О концепции регулирования технологий искусственного интеллекта и робототехники в России // Закон. 2020. № 1. С. 171–185.
24. Орлеан А. М. Теоретические основы исследования оснований и принципов криминализации конкретного деяния // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. 2013. № 3 (14). С. 28–31.
25. Петрунин Д. А. Социальная обусловленность уголовной ответственности за уклонение от призыва на военную службу и прохождения альтернативной гражданской службы // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 1806–1810.

26. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права. Общая часть. М. : Госюриздат, 1961. 666 с.
27. Поцелуев Е. Л. Эволюция категории «правонарушение» в истории западной и отечественной юридической мысли (XVII – начало XX в.). Иваново : Изд-во Иванов. гос. ун-та, 2004. 156 с.
28. Репетева О. Е. Правонарушения и юридическая ответственность в сфере труда: общетеоретический аспект. Тольятти : Изд-во Тольят. гос. ун-та, 2009. 151 с.
29. Савенок А. Л. Социальная обусловленность уголовного закона // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2011. № 1 (21). С. 130–135.
30. Телятникова М. О. Основание и критерии криминализации общественно опасного деяния // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2013. Вып. 18. С. 143–146.
31. Тоболкин П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1983. 177 с.
32. Хисамова З. И., Бегишев И. Р. Сущность искусственного интеллекта и проблема определения правосубъектности // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. 2020. № 2. С. 96–106. DOI: 10.18384/2310-6794-2020-2-96-106.
33. Artificial Intelligence as a Subject of Law: Pros and Cons / R. I. Dremluiga, A. Yu. Mamychyev, O. A. Dremluiga, Yu. S. Matyuk // Contemporary Dilemmas: Education, Politics and Values. 2019. Vol. 7, № 1. P. 127–130.
34. Ashrafiyan H. Artificial Intelligence and Robot Responsibilities: Innovating Beyond Rights // Science and Engineering Ethics. 2015. Vol. 21, № 2. P. 317–326. DOI: 10.1007/s11948-014-9541-0.
35. Bryson J. J., Diamantis M. E., Grant T. D. Of, for, and by the People: the Legal Lacuna of Synthetic Persons // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25, № 3. P. 273–291. DOI: 10.1007/s10506-017-9214-9.
36. Criminal Liability of the Artificial Intelligence / D. V. Kirpichnikov, Yu. Grebneva, H. Okagbue, A. Pavlyuk // E3S Web of Conferences. 2020. Vol. 159. P. 04025. DOI: 10.1051/e3sconf/202015904025.
37. Dremluiga R., Kuznetsov P., Mamychyev A. Yu. Criteria for Recognition of AI as a Legal Person // Journal of Politics and Law. 2019. Vol. 12, № 3. P. 105–112. DOI: 10.5539/jpl.v12n3p105.
38. Dremluiga R., Prisekina N. The Concept of Culpability in Criminal Law and AI Systems // Journal of Politics and Law. 2020. Vol. 13, № 3. P. 256–262. DOI: 10.5539/jpl.v13n3p256.
39. Hallevy G. The Criminal Liability of Artificial Intelligence Entities – from Science Fiction to Legal Social Control // Akron Intellectual Property Journal. 2010. Vol. 4, iss. 2. P. 171–201.
40. Shestak V. A., Volevodz A. G. Modern Requirements of the Legal Support of Artificial Intelligence: a view from Russia // Russian Journal of Criminology. 2019. Vol. 13, № 2. P. 197–206. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).197-206.
41. Shestak V. A., Volevodz A. G., Alizade V. A. On the Possibility of Doctrinal Perception of Artificial Intelligence as the Subject of Crime in the System of Common Law: using the Example of the U.S. Criminal Legislation // Russian Journal of Criminology. 2019. Vol. 13, № 4. P. 547–554. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).547-554.
42. Simmler M., Markwalder N. Guilty Robots? – Rethinking the Nature of Culpability and Legal Personhood in an Age of Artificial Intelligence // Criminal Law Forum. 2019. Vol. 30, № 1. P. 1–31. DOI: 10.1007/s10609-018-9360-0.
43. Stepanenko D. A., Bakhteev D. V., Evstratova Yu. A. The use of Artificial Intelligence Systems in Law Enforcement // Russian Journal of Criminology. 2020. Vol. 14, № 2. P. 206–214. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).206-214.
44. Sukhodolov A. P., Bychkov A. V., Bychkova A. M. Criminal Policy for Crimes Committed Using Artificial Intelligence Technologies: State, Problems, Prospects // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13, № 1. P. 116–122. DOI: 10.17516/1997-1370-0542.
45. Sukhodolov A. P., Bychkova A. M. Artificial Intelligence in Crime Counteraction, Prediction, Prevention and Evolution // Russian Journal of Criminology. 2018. Vol. 12, № 6. P. 753–766. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).753-766.
46. Theoretical and Legal Bases of Artificial Intelligence Punishment System Development / R. R. Gaifutdinov, Z. I. Khisamova, E. L. Sidorenko, M. A. Efremova, T. M. Lopatina, D. V. Kirpichnikov // Revista San Gregorio. 2020. № 41. P. 159–164. DOI: 10.36097/rsan.v1i41.1489.

References

1. Bavsun M. V. *Tselesoobraznost' v ugovnom prave*. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Expediency in Criminal Law. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Omsk, 2002. 22 s.
2. Bavsun M. V. *Tselesoobraznost' v ugovnom prave* [Expediency in Criminal Law]. Omsk, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia Publ., 2004. 172 p.
3. Bavsun M. V., Martsev A. I. *Tselesoobraznost' v ugovnom prave* [Expediency in Criminal Law]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie – Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2003, no. 4 (249), pp. 94–106.
4. Begishev I. R. *Ugovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty primeneniya robototekhniki* [Criminal Legal and Criminological Aspects Applications of Robotics]. *Altayskii yuridicheskii vestnik – Altai Law Journal*, 2020, no. 4 (32), pp. 72–79.
5. Begishev I. R., Khisamova Z. I. *Iskusstvennyi intellekt i ugovnyi zakon* [Artificial Intelligence and Criminal Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 192 p.
6. Blazhko P. K. *Sovokupnost' pravonarushenii po sovetскому pravu (ponyatie i yuridicheskoe znachenie)* [The Totality of Offenses Under Soviet Law (Concept and Legal Meaning)]. Kazan, Kazan State University Publ., 1988. 97 p.
7. Bodaevsky V. P., Zimin V. M., Chuchayev A. I. *Ugovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General Part]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 251 p.

8. Bodaevsky V. P., Soloviev E. A. Sotsial'naya obuslovlennost' ugovolno-pravovogo polozheniya [Social Dependence of Criminal Law Provision]. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii – Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 2020, no. 1 (76), pp. 20–25. DOI: 10.24411/1999-625X-2020-14004.
9. Gabov A. V., Khavanova I. A. Avtonomiya boevykh robotov i pravo [Autonomy of Killer Robots and the Law]. *Permskii yuridicheskii al'manakh – Perm Legal Almanac*, 2019, no. 2, pp. 361–378.
10. Gracheva Yu. V., Aryamov A. A. Robotizatsiya i iskusstvennyi intellekt: ugovolno-pravovye riski v sfere obshchestvennoi bezopasnosti [Robotization and Artificial Intelligence: Criminal Law Risks in the Field of Public Security]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava – Actual Problems of Russian Law*, 2020, vol. 15, no. 6, pp. 169–178. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.169-178.
11. Grigoryan R. G. Sotsial'no-ekonomicheskie i informatsionno-tekhnologicheskie osnovaniya kriminalizatsii moshennichstva v sfere komp'yuternoi informatsii [Socio-Economic and Information Technology Bases of Criminalization of Fraud in Computer Information]. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta – Juridical Journal of Samara University*, 2019, vol. 5, no. 3, pp. 141–146. DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-3-141-146.
12. Kamalova G. G. Nekotorye voprosy ugovolno-pravovoi otvetstvennosti v sfere primeneniya sistem iskusstvennogo intellekta i robototekhniki [Some Questions of Criminal Legal Responsibility in the Field of Application of Artificial Intelligence Systems and Robotics]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Ekonomika i pravo – Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2020, vol. 30, no. 3, pp. 382–388. DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-3-382-388.
13. Klenova T. V. *Osnovy teorii kodifikatsii ugovolno-pravovykh norm* [Foundations of the Theory of Codification of Criminal Law]. Samara, Samara State Aerospace University named after academician S. P. Korolev Publ., 2001. 244 p.
14. Kobzeva E. V. O soderzhanii i sootnoshenii ponyatii "obshchestvennaya opasnost'" i "obshchestvennaya vrednost'" deyanii v obshchei teorii prava [About the Content and Correlation of Concepts of "Social Danger" and "Social Harm" Acts in the General Theory of Law]. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal – Eurasian Law Journal*, 2018, no. 12 (127), pp. 105–107.
15. Kudryavtsev V. N., Yakovlev A. M. *Osnovaniya ugovolno-pravovogo zapreta: kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya* [Grounds for Criminal Law Prohibition: Criminalization and Decriminalization]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 304 p.
16. Kuznetsova N. F. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr "Press" Publ., 2003. 834 p.
17. Lopashenko N. A. *Mezhotraslevaya differentsiatsiya ugovolnoi i inyykh vidov yuridicheskoi otvetstvennosti: itogi teoreticheskogo modelirovaniya* [Cross-Sectoral Differentiation of Criminal and Other Types of Legal Liability: The Results of Theoretical Modeling]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2021. 480 p.
18. Lopashenko N. A. *Ugolovnaya politika* [Criminal Policy]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2009. 579 p.
19. Malein N. S. *Pravonarushenie: ponyatie, prichiny, otvetstvennost'* [Offense: Concept, Reasons, Responsibility]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1985. 192 p.
20. Martsev A. I. *Prestuplenie: sotsial'no-pravovoi analiz* [Crime: Social and Legal Analysis]. Omsk, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia Publ., 2012. 75 p.
21. Morkhat P. M. Osobennosti pravovogo regulirovaniya primeneniya yunitov iskusstvennogo intellekta v razlichnykh tselyakh [Features of the Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence Units for Various Purposes]. *Pravo i obrazovanie – Law and Education*, 2018, no. 8, pp. 69–77.
22. Mosechkin I. N. *Iskusstvennyi intellekt i ugovalnaya otvetstvennost': problemy stanovleniya novogo vida sub"ekta prestupleniya* [Artificial Intelligence and Criminal Liability: Problems of Becoming a New Type of Crime Subject]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo – Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2019, vol. 10, no. 3, pp. 461–476. DOI: 10.21638/spbu14.2019.304.
23. Neznamov A. V. O kontseptsii regulirovaniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta i robototekhniki v Rossii [Concept for Artificial Intelligence and Robotics Technology Regulation in Russia]. *Zakon*, 2020, no. 1, pp. 171–185.
24. Orlean A. M. Teoreticheskie osnovy issledovaniya osnovanii i printsipov kriminalizatsii konkretnogo deyaniya [Theoretical Bases of Research of Criteria for Criminalization]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Yuridicheskie nauki – Science Vector of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*, 2013, no. 3 (14), pp. 28–31.
25. Petrunin D. A. Sotsial'naya obuslovlennost' ugovolnoi otvetstvennosti za uklozenie ot prizyva na voennuyu sluzhbu i prokhozhdeniya al'ternativnoi grazhdanskoi sluzhby [Social Conditionality of Criminal Liability for Evading Military Service and Alternative Civilian Service]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Konsept" – Scientific-methodological electronic journal "Koncept"*, 2014, vol. 20, pp. 1806–1810.
26. Piontkovskii A. A. *Uchenie o prestuplenii po sovetskomu ugovolnomu pravu. Kurs sovetskogo ugovolnogo prava. Obshchaya chast'* [Teaching About a Crime Under Soviet Criminal Law. The Course of Soviet Criminal Law. A Common Part]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 666 p.
27. Potseluev E. L. *Evolutsiya kategorii "pravonarushenie" v istorii zapadnoi i otechestvennoi yuridicheskoi mysli (XVII – nachalo XX v.)* [Evolution of the Category "Offense" in the History of Western and Domestic Legal Thought (XVII – Early XX Century)]. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 2004. 156 p.
28. Repeteva O. E. *Pravonarusheniya i yuridicheskaya otvetstvennost' v sfere truda: obshcheteoreticheskii aspekt* [Offenses and Legal Responsibility in the World of Work: A General Theoretical Aspect]. Togliatti, Togliatti State University Publ., 2009. 151 p.
29. Savenok A. L. Sotsial'naya obuslovlennost' ugovolnogo zakona [Social Conditionality of the Criminal Law]. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus' – Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus*, 2011, no. 1 (21), pp. 130–135.
30. Telyatnikova M. O. Osnovanie i kriterii kriminalizatsii obshchestvenno opasnogo deyaniya [The Basis and Criteria Criminalization Socially Dangerous Act]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii – Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) of the Moscow State Law Academy*, 2013, iss. 18, pp. 143–146.

31. Tobolkin P. S. *Sotsial'naya obuslovlennost' ugovolno-pravovykh norm* [Social Conditionality of the Criminal Law]. Sverdlovsk, Middle Ural Book Publ., 1983. 177 p.
32. Hisamova Z. I., Begishev I. R. Sushchnost' iskusstvennogo intellekta i problema opredeleniya pravosub'ektnosti [The Nature of Artificial Intelligence and the Problem of Legal Personality Determination]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Yurisprudentsiya – Bulletin of the Moscow State Region University. Series: Jurisprudence*, 2020, no. 2, pp. 96–106. DOI: 10.18384/2310-6794-2020-2-96-106.
33. Dremluga R. I., Mamychev A. Yu., Dremluga O. A., Matyuk Yu. S. Artificial Intelligence as a Subject of Law: Pros and Cons. *Dilemas Contemporáneas: Educación, Política y Valores – Contemporary Dilemmas: Education, Politics and Values*, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 127–130.
34. Ashrafian H. Artificial Intelligence and Robot Responsibilities: Innovating Beyond Rights. *Science and Engineering Ethics*, 2015, vol. 21, no. 2, pp. 317–326. DOI: 10.1007/s11948-014-9541-0.
35. Bryson J. J., Diamantis M. E., Grant T. D. Of, for, and by the People: the Legal Lacuna of Synthetic Persons. *Artificial Intelligence and Law*, 2017, vol. 25, no. 3, pp. 273–291. DOI: 10.1007/s10506-017-9214-9.
36. Kirpichnikov D. V., Grebneva Yu., Okagbue H., Pavlyuk A. Criminal Liability of the Artificial Intelligence. *E3S Web of Conferences*, 2020, vol. 159, p. 04025. DOI: 10.1051/e3sconf/202015904025.
37. Dremluga R., Kuznetsov P., Mamychev A. Yu. Criteria for Recognition of AI as a Legal Person. *Journal of Politics and Law*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 105–112. DOI: 10.5539/jpl.v12n3p105.
38. Dremluga R., Prišekina N. The Concept of Culpability in Criminal Law and AI Systems. *Journal of Politics and Law*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 256–262. DOI: 10.5539/jpl.v13n3p256.
39. Hallevy G. The Criminal Liability of Artificial Intelligence Entities – from Science Fiction to Legal Social Control. *Akron Intellectual Property Journal*, 2010, vol. 4, iss. 2, pp. 171–201.
40. Shestak V. A., Volevodz A. G. Modern Requirements of the Legal Support of Artificial Intelligence: A View from Russia. *Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 197–206. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).197-206.
41. Shestak V. A., Volevodz A. G., Alizade V. A. On the Possibility of Doctrinal Perception of Artificial Intelligence as the Subject of Crime in the System of Common Law: Using the Example of the U.S. Criminal Legislation. *Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 547–554. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).547-554.
42. Simmler M., Markwalder N. Guilty Robots? – Rethinking the Nature of Culpability and Legal Personhood in an Age of Artificial Intelligence. *Criminal Law Forum*, 2019, vol. 30, no. 1, pp. 1–31. DOI: 10.1007/s10609-018-9360-0.
43. Stepanenko D. A., Bakhteev D. V., Evstratova Yu. A. The Use of Artificial Intelligence Systems in Law Enforcement. *Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 206–214. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).206-214.
44. Sukhodolov A. P., Bychkov A. V., Bychkova A. M. Criminal Policy for Crimes Committed Using Artificial Intelligence Technologies: State, Problems, Prospects. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 116–122. DOI: 10.17516/1997-1370-0542.
45. Sukhodolov A. P., Bychkova A. M. Artificial Intelligence in Crime Counteraction, Prediction, Prevention and Evolution. *Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 6, pp. 753–766. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).753-766.
46. Gaifutdinov R. R., Khisamova Z. I., Sidorenko E. L., Efremova M. A., Lopatina T. M., Kirpichnikov D. V. Theoretical and Legal Bases of Artificial Intelligence Punishment System Development. *Revista San Gregorio*, 2020, no. 41, pp. 159–164. DOI: 10.36097/rsan.v1i41.1489.

Дата поступления статьи | Article received date

31.01.2021

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date

26.02.2021

Дата приема к публикации | Article accepted date

04.03.2021

УДК 343.9

DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-1-30-41

О СТРАТЕГИЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

САВЕЛЬЕВ Андрей Игоревич*

✉ savelevandrey80@mail.ru

Пр. Комарова, 7, Омск, 644092, Россия

Аннотация. Рассматриваются вопросы, касающиеся многообразия теоретического осмысления понятия стратегии, а также анализа существующих стратегий обеспечения криминологической безопасности несовершеннолетних. Отдельное внимание обращено на планирование и прогнозирование будущего, в частности исследуются инновационные формы прогнозирования, одной из которых является форсайт. В основе идеологии форсайта лежат современные разработки в области прогнозирования, футурологии, стратегического анализа. В отличие от традиционного прогнозирования, форсайт всегда подразумевает участие многих экспертов из всех сфер деятельности, в той или иной степени связанных с тематикой конкретного форсайт-проекта, а иногда и проведение опросов определенных групп населения (жителей региона, молодежи и др.), прямо заинтересованных в решении проблем, рассматривающихся в рамках проекта. Результатом форсайт-сессии, в отличие от других методов прогнозирования и планирования, является «карта будущего» – визуально богатое пространство, позволяющее увидеть как целое всю предметную сферу, образ ее будущего, а также различные способы и пути достижения тех или иных желательных и нежелательных состояний и факторы, влияющие на вероятность воплощения того или иного варианта развития событий. Подвергается анализу деятельность органов государственной власти РФ на законодательном уровне, связанная со стратегическим планированием. Исследуется исторический аспект понятия «стратегия». Предлагается введение в научный оборот авторского понятия данного термина. Под стратегией необходимо понимать искусство руководства общественными отношениями, основанное на тщательной организации и использовании имеющихся в распоряжении средств и сил в целях достижения соответствующего результата. Отдельное внимание уделено анализу нормативной правовой основы криминологического планирования, призванного упорядочить сложный и многогранный процесс предупредительного воздействия на правонарушающее поведение. Обращается внимание на необходимость разработки стратегического документа, направленного непосредственно на обеспечение криминологической безопасности несовершеннолетних. Видится, что это должна быть Концепция, затрагивающая как общие, так и конкретные проблемы в данной сфере, а также определяющая действенный контроль со стороны государственных органов.

Ключевые слова: безопасность, стратегия, управление, планирование, несовершеннолетние, мониторинг.

About the Strategies of Criminological Safety of Minors

Savelev Andrei I.**

✉ savelevandrey80@mail.ru

7 Komarova pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract. The article deals with issues related to the diversity of theoretical understanding of the concept of strategy, as well as the analysis of existing strategies for ensuring the criminological safety of minors. Special attention is paid to planning and forecasting the future, in particular, innovative forms of forecasting are being investigated, one of which is Foresight. The foresight ideology is based on modern developments in the field of forecasting, futurology, and strategic analysis. Unlike traditional forecasting, Foresight always implies the participation of many experts from all spheres of activity, to one degree or another related to the topic of a particular foresight project, and sometimes also conducting surveys of certain groups of the population (residents of the region, youth, etc.) who are directly interested in solving

* Доцент кафедры криминологии и профилактики преступлений Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

** Docent of the Department of Criminology and Crime Prevention at the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Legal Sciences, Docent.

the problems considered in the framework of the project. The result of a foresight session, unlike other methods of forecasting and planning, is a "map of the future" – a visually rich space that allows you to see as a whole the entire subject area, the image of its future, as well as various ways and ways of achieving certain desirable and undesirable states and factors affecting the likelihood of the embodiment of a particular scenario. The article analyzes the activities of the state authorities of the Russian Federation at the legislative level, related to strategic planning. The historical aspect of the concept of "strategy" is investigated. An introduction to the scientific circulation of the Author's concept of this term is offered. Under the strategy it is necessary to understand the art of managing public relations, based on careful organization and use of available means and forces in order to achieve an appropriate result. Special attention is paid to the analysis of the regulatory legal framework of criminological planning, designed to streamline the complex and multifaceted process of preventive impact on offensive behavior. Attention is drawn to the need to develop a strategic document aimed directly at ensuring the criminological safety of minors. It seems that this should be a Concept that addresses both general and specific problems in this area, as well as determining effective control by state bodies.

Keywords: safety, strategy, management, planning, minors, monitoring.

В настоящее время Российская Федерация (далее – РФ) переживает новый этап становления государственности, реформирования системы общественных отношений исходя из складывающихся условий в стране и на международной арене. Совершенствование новых форм происходит при постоянном дефиците и противоречивости действующего законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере безопасности личности и общества, отставания правовых норм от процессов, происходящих в сфере жизнедеятельности людей.

Поэтому интерес к проблемам, связанным с осуществлением защиты прав и свобод человека от различного рода угроз, лишь усиливается, в научной литературе появляются новые идеи по стратегическому совершенствованию приемов и средств обеспечения криминологической безопасности [5, с. 95–98].

Активное представление будущего, в сущности, и есть планирование – т. е. прогнозирование «из будущего к настоящему»: от соответствующего образа и желаемых результатов к пошаговой росписи необходимых мер. На профессиональном языке это называется «нормативное прогнозирование»¹. План, нормативное прогнозирование предполагают строительство будущего, объединяются с некоторыми комплексными проблемами по поводу сценарного веера возможностей, состояния будущего. И эта комплексность предполагает объединение теории и практики в очень широком спектре прикладных областей².

В свою очередь задача прогнозирования видится главным образом в преадаптации к всплывающим проблемам: их своевременном опознании и поиске путей разрешения. Кроме того, вовремя распознанные новации подчас являются ценным ресурсом развития [3, с. 119–138]. Видится, что прогнозирование – это один из инструментов борьбы за будущее. Прогноз носит не только нормативный и инерционный характер, но и своего рода спекулятивный характер, так как иногда прогнозирование является одним из элементов сложной игры, в которой отдельные группы активно борются за доминирование в той или иной исторической ситуации.

Вместе с тем в настоящее время появляются инновационные формы прогнозирования, одной из которых является форсайт (*foresight* – с англ. предусмотрительность, предвидение, взгляд в будущее). Актуальность форсайта в современном мире прогнозирования заключается в использовании мнений все большего количества экспертов, это комплексное исследование, это метод, где одновременно применяется и сценарирование, и прогнозирование, и проектирование, т. е. пассивное и активное представление будущего [6, с. 93–101].

Цель форсайта заключается в создании желаемого образа будущего с написанием отчета о его достижении. В ходе размышлений о будущем мы воздействуем на завтра и способны достичь большего здесь и сейчас³. И если обычно форсайт успешно используется для переориентации

¹ Неклесса А. И. Будущее где-то рядом // Следующий шаг. 2009–2010. № 9/10. URL: <http://www.inesnet.ru/2010/02/публикация-александра-неклессы-в-жур/>

² Активное представление будущего. URL: http://www.maib.ru/prognostication/finamfm/2008/10/03/finamfm_82.html

³ URL: https://упок.пф/library/forsajttechnologie_052247.html

социального проекта с процесса на результат, для создания прогнозных сценариев развития общества, то не вызывает сомнения определенная эффективность его применения в обеспечении криминологической безопасности личности. Так, при выборе критических технологий может использоваться критерий достижения минимального уровня преступности, а при построении технологической дорожной карты – выявление потенциальных рисков и угроз и выбор технологий, позволяющих максимально быстро разработать меры по эффективному противодействию тем или иным угрозам [7, р. 257–278]. Выбор стратегии развития производится на основе последовательности широких экспертных консультаций, что позволяет предвидеть самые неожиданные пути развития событий и возможные «подводные камни».

В основе идеологии форсайта лежат современные разработки в области прогнозирования, футурологии, стратегического анализа. Вместе с тем, не следует полагать, что форсайт сводится лишь к прогнозированию, это нечто большее, ведь его задачей является не только представить некое далекое будущее, но и получить план действий достижения желаемой картинки этого будущего.

Кроме того, в отличие от традиционного прогнозирования, форсайт всегда подразумевает участие многих экспертов из всех сфер деятельности, в той или иной степени связанных с тематикой конкретного форсайт-проекта, а иногда и проведение опросов определенных групп населения (жителей региона, молодежи и др.), прямо заинтересованных в решении проблем, рассматривающихся в рамках проекта.

Результатом форсайт-сессии, в отличие от других методов прогнозирования и планирования, является «карта будущего» – визуально богатое пространство, позволяющее увидеть как целое всю предметную сферу, образ ее будущего, а также различные способы и пути достижения тех или иных желательных и нежелательных состояний, и факторы, влияющие на вероятность воплощения того или иного варианта развития событий. Карта будущего может быть в свою очередь трансформирована участниками в целеориентированную «дорожную карту» – не просто и не только визуальный образ совместного

будущего, включающий ключевые тренды, прогноз развития технологий, события, стратегические развилки, но и точки принятия решений и запуска конкретных социальных или технологических действий или проектов, план законодательных и лоббистских мер⁴.

Сегодня органы государственной власти РФ на законодательном уровне все большее внимание уделяют именно стратегическому планированию, призванному упорядочить сложный и многогранный процесс предупредительного воздействия, сделать его целеустремленным. Так, систему документов стратегического планирования в РФ представляют стратегии, концепции, доктрины, программы и т. д.

Понятие «стратегия» берет свое начало в Древней Греции. Первоначально оно подразумевало элементы военного искусства и включало вопросы ведения войны. Следует отметить, что использовалось данное понятие и в древнекитайской литературе. Еще в период 480–221 гг. до н. э. была написана книга «Искусство стратегии». До сих пор продолжаются споры об авторстве данного произведения, но большая часть исследователей полагают, что автором книги является Сунь-цзы, поскольку именно от его лица идет повествование. Сунь-цзы писал: «Тот, кто одержал сотни побед в сотнях конфликтов, вряд ли обладает высоким мастерством. Тот, кто владеет высоким мастерством использования стратегии, покоряет других, не вступая с ними в конфликт»⁵. Трудно даже представить, что еще 23 века тому назад понятие стратегии было одним из элементов мировоззрения людей. Уже в то время стратегию можно было бы назвать нормой оптимального поведения индивида.

Кроме отмеченных выше подходов к пониманию термина «стратегия» необходимо обратиться к более классическим источникам. Так, в словаре С. И. Ожегова под стратегией в переносном смысле понимается «искусство руководства общественной, политической борьбой, а также вообще искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах. С. научного поиска»⁶.

В научных источниках можно встретить разные определения стратегии, в частности, понимаемой как искусство проведения различных мероприятий, в том числе их подготовку

⁴ Rapid методология foresight. URL: https://srosovet.ru/content/editor/Metodichka_foresight.pdf

⁵ Сунь-цзы. Искусство стратегии. М., 2009. С. 21.

⁶ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1949. С. 70.

и применение имеющихся сил и средств таким образом, чтобы добиться конкретных целей [8, р. 26–37].

Наряду с рассмотренными выше подходами к определению термина «стратегия» целесообразно представить авторское видение данного понятия. Под стратегией необходимо понимать искусство руководства общественными отношениями, основанное на тщательной организации и использовании имеющихся в распоряжении средств и сил в целях достижения соответствующего результата.

В то же время планирование заключается в установлении целей деятельности соответствующих субъектов правоотношений на определенный период, путей их достижения, а также возможности организационного и ресурсного обеспечения. Таким образом, осуществляется разработка комплекса мероприятий, определяющих последовательность достижения поставленных целей с учетом наиболее эффективного использования имеющихся в распоряжении органов государственной власти ресурсов.

В настоящее время, учитывая обстановку, сложившуюся на международной арене, а также наличие множества криминальных угроз, органы государственной власти особое внимание уделяют именно криминологическому планированию, призванному упорядочить сложный и многогранный процесс предупредительного воздействия, сделать его целеустремленным, выбрать такие тактические методы и приемы, которые обеспечили бы эффективное достижение целей предупреждения преступного поведения в конкретной сложившейся ситуации. Так, криминологическое планирование представляет собой целенаправленную деятельность по разработке плана, целями и задачами которого является борьба с преступностью, намечаются пути и средства их решения, нормативного, информационного, организационного и ресурсного обеспечения на определенный период.

Процесс планирования работы по обеспечению криминологической безопасности включает следующие взаимосвязанные этапы:

- формирование общих целей развития системы безопасности;
- определение конкретных целей и задач системы безопасности в целом и отдельных

субъектов профилактики на соответствующие периоды;

- определение путей и средств достижения целей;
- обоснование потребности ресурсного обеспечения для достижения поставленных целей;
- обеспечение контроля за достижением поставленных целей и задач посредством сопоставления плановых показателей с фактически достигнутыми результатами⁷.

Как видим, содержание криминологического планирования определяется его целями, задачами и, конечно же, сроками. В связи с чем различают планирование текущее и перспективное (стратегическое).

Планирование криминологической безопасности несовершеннолетних представляет собой многогранную деятельность, которая охватывает широкий спектр правовых, организационных, экономических и иных аспектов, которые взаимообусловлены и взаимосвязаны, поскольку объединены общими целями и задачами, стоящими перед обществом и органами государственной власти.

Так, стратегическое планирование обеспечения криминологической безопасности несовершеннолетних представляет собой государственное планирование, разработку и организацию долгосрочных установок в целях комплексного обеспечения состояния защищенности несовершеннолетних от криминальных угроз, поиск наиболее эффективных методов и средств, необходимых для достижения этих целей, и анализ достигнутых результатов.

В нашем государстве на законодательном уровне принят ряд нормативных правовых актов стратегического характера, направленных на обеспечение защиты прав граждан и особенно несовершеннолетних, в том числе обеспечение их криминологической безопасности. Среди этих документов принципиально важную роль играет Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁸. Данный закон создает основу для построения комплексной системы государственного стратегического планирования социального и экономического развития, объединяет множество разрозненных документов стратегического характера (прогнозы,

⁷ URL: <http://sheriff.ru/planirovanie-bezopasnosti-v-sovremennix-usloviyax/>

⁸ О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 18 июля 2019 г. № 183-ФЗ) // Рос. газета. 2014. 3 июля ; 2019. 22 июля.

стратегии, программы и др.) в новую, взаимосвязанную и эффективную систему управления государством⁹.

К документам стратегического планирования, разрабатываемым на федеральном уровне, относятся:

– Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 года;

– Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ в 2015 г.¹⁰;

– Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

Краткое содержание вышеназванных документов представлено в нижеприведенной таблице.

Таблица

Название документа	Цели	Основные направления
Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 года	Поддержка, укрепление и защита семьи и ценностей семейной жизни, создание необходимых условий для выполнения семьей ее функций, повышение качества жизни семей и обеспечение прав членов семьи в процессе ее общественного развития	Утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи
Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года	Определение приоритетов государственной политики в области воспитания и социализации детей, основных направлений и механизмов развития институтов воспитания, формирования общественно-государственной системы воспитания детей в Российской Федерации, учитывающих интересы детей, актуальные потребности современного российского общества и государства, глобальные вызовы и условия развития страны в мировом сообществе	1. Развитие социальных институтов воспитания: – поддержка семейного воспитания; – развитие воспитания в системе образования; – расширение воспитательных возможностей информационных ресурсов. 2. Обновление воспитательного процесса с учетом современных достижений науки и на основе отечественных традиций: – гражданское воспитание; – патриотическое воспитание и формирование российской идентичности; – духовное и нравственное воспитание детей на основе российских традиционных ценностей; – приобщение детей к культурному наследию; – физическое воспитание и формирование культуры здоровья; – трудовое воспитание и профессиональное самоопределение и др.; – экологическое воспитание
Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года	Совершенствование правовых, социально-экономических и организационных условий для успешной самореализации молодежи, направленной на раскрытие ее потенциала для дальнейшего развития Российской Федерации, а также содействие успешной интеграции молодежи в общество и повышению ее роли в жизни страны	Гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских позиций на мировой арене

⁹ Информационно-аналитические материалы Государственной Думы: государственное стратегическое планирование. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4980/20034/>

¹⁰ Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 23, ст. 3357.

Анализ содержания данных документов стратегического характера показал следующее:

1. В сфере семейной политики в РФ создаются условия для уменьшения числа малоимущих семей с несовершеннолетними детьми; повышается адресность предоставления социальных услуг; развивается инфраструктура оказания услуг, организации семейного отдыха, оздоровления и досуга; повышается авторитет семей; создаются условия для развития форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семьи российских граждан в случае невозможности их возвращения к кровным родителям и др.

Полагаем, что данная Концепция представляет собой некую модель взаимоотношений семьи и государства – законодательство «высшего уровня». Однако действительно улучшить положение российских семей можно только при неукоснительном исполнении положений документа и соблюдении уже принятых и действующих законов в сфере семейной политики.

2. В сфере развития воспитания в РФ акцентируется внимание на общенациональном приоритете всестороннего воспитания детей (семейном, гражданском, патриотическом, духовном и нравственном, физическом, трудовом и экологическом). При этом приоритетной задачей РФ в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины.

3. В сфере молодежной политики РФ реализуются задачи, направленные на формирование гармоничной личности; воспитание патриотичной молодежи; развитие моделей адресной помощи молодежи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации; снижение уровня молодежной безработицы и преступности; профилактику экстремизма, дискриминации по социальным, религиозным, расовым, национальным и другим признакам и др.

Кроме того, в целях совершенствования государственной политики в сфере защиты детства

наряду с вышеназванными документами был принят Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства»¹¹, который пришел на смену соответствующей Национальной стратегии действий в интересах детей. В соответствии с Указом был утвержден план основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства (далее – план)¹², который содержит в общей сложности 131 мероприятие, структурирован по 15 разделам: повышение благосостояния детей и семей с детьми, современная инфраструктура детства, обеспечение безопасности детей, всестороннее образование, культурное развитие детей, развитие физкультуры и спорта, социальная защита детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья и их интеграция в современное общество и целый ряд других направлений.

При этом у каждого региона должны появляться собственные планы, согласованные с федеральным. Безусловно, это должна быть единая выстроенная политика в части детства-сбережения, к работе над которой важно привлекать широкий круг общественных организаций и институтов гражданского общества, родителей, педагогов, экспертов, специалистов – всех неравнодушных людей. Детство должно стать для страны, для государства и общества важнейшим приоритетом, особенно, если речь идет о безопасном детстве.

В то же время, на наш взгляд, сегодня в РФ в недостаточной степени развито стратегическое планирование, направленное на выстраивание оптимальной и эффективной модели обеспечения безопасности детей от различного рода угроз. Разработка теоретических и организационных основ, а также правовых гарантий криминологической безопасности несовершеннолетних должна стать важной составляющей стратегического уровня защиты прав детей. Внимание к этим вопросам совершенно закономерно, поскольку дети являются потенциалом поступательного развития современного правового общества, в котором несовершеннолетние по различным причинам могут стать как преступниками, так и жертвами криминальных угроз стремительно меняющегося мира.

¹¹ Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства : указ Президента Рос. Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 23, ст. 3309.

¹² Об утверждении плана основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 6 июля 2018 г. № 1375-р (ред. от 14 дек. 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 29, ст. 4475.

Вместе с тем, несмотря на то что на данный момент не существует стратегического документа, направленного непосредственно на обеспечение криминологической безопасности несовершеннолетних, законодательство РФ содержит ряд актов криминологического характера, ориентированных на защиту граждан, в частности и детей, от актуальных угроз. К ним следует отнести:

1. *Стратегии:*

- Стратегию государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года;
- Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года;
- Стратегию экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года;
- Стратегию безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы.

2. *Доктрины:*

- Доктрина информационной безопасности Российской Федерации.

3. *Концепции:*

- Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации;
- Концепция общественной безопасности в Российской Федерации.

Анализ вышеназванных документов стратегического планирования показал, что они достаточно качественные, нацелены на эффективное противодействие актуальным угрозам с выделением приоритетных направлений борьбы. Документы направлены на обеспечение безопасности современного общества и государства от имеющихся и вновь возникающих угроз, таких как наркотизм, экстремизм, терроризм, воздействие информационных угроз, приносящих вред личности, обществу и государству.

При этом необходимо отметить, что Концепция общественной безопасности в Российской Федерации¹³ в некотором роде объединяет и дополняет все вышеназванные документы стратегического характера, причисляя терроризм, экстремизм, коррупцию, высокий уровень преступности к главным угрозам безопасности со-

временного общества. В то же время, как отмечается в Концепции, состояние общественной безопасности в стране пока охарактеризовано как нестабильное.

С этим следует согласиться, ведь несмотря на то что в целом с момента утверждения вышеназванных документов стратегического характера уже удалось добиться приостановления роста ряда преступлений, многие проблемы по-прежнему сохраняют свою актуальность. Так, по данным ГИБДД РФ в 2019 г. на территории РФ наблюдался рост дорожно-транспортных происшествий с участием детей: было зарегистрировано 1 946 дорожно-транспортных происшествий (+0,4 % к АППГ), в которых погибло 57 несовершеннолетних (+ 5,6 % к АППГ)¹⁴.

Кроме того, неблагоприятная тенденция наблюдается и в плане преступлений террористического характера. По итогам 2019 г. зарегистрировано 1 806 таких преступлений¹⁵, что на 7,6 % больше АППГ.

В то же время наблюдается и противоположная тенденция. По данным ГИАЦ МВД России, за период с 2015 г. по 2019 г. произошло снижение числа несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения, в 6,7 раз; в 2,3 раза уменьшилось количество преступлений экстремистской направленности¹⁶.

Как видим, несмотря на то что сегодня в РФ создана и активно функционирует довольно эффективная законодательная система противодействия наиболее актуальным криминальным угрозам, ситуация в стране остается беспокойной. Причинами этого может быть недостаточное внимание отдельных субъектов РФ к стратегическому планированию, несвязанность стратегических документов с бюджетными ресурсами и целевыми программами развития, несогласованность документов стратегического планирования регионального и федерального уровней, отсутствие у большинства регионов эффективной системы мониторинга реализации стратегических документов и т. д.

Своеобразным индикатором непростой ситуации в ряде субъектов РФ является преступность

¹³ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации : утв. Президентом Рос. Федерации 14 нояб. 2013 г. № Пр-2685. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Официальный сайт ГИБДД РФ. URL: <http://stat.gibdd.ru/>

¹⁵ Официальный сайт Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart/

¹⁶ Исследование проведено А. И. Савельевым в 2020 г. на основе официальных статистических сведений ГИАЦ МВД России за период времени с 2015 г. по 2019 г.

несовершеннолетних. Так, по итогам 2018–2019 гг. к субъектам РФ с наиболее высоким удельным весом преступлений (от числа расследованных), совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, относятся Республика Карелия, Республика Тыва, Ненецкий автономный округ, Забайкальский край, Свердловская область.

Весьма показательно можно представить современное состояние преступности несовершеннолетних в регионах РФ, разбив их по коэффициенту криминальной пораженности несовершеннолетних и, таким образом, выделить три группы:

1. *Низкой криминальной пораженности* (от 0,0 до 600,0 выявленных несовершеннолетних лиц, совершивших преступления на 100 тыс. населения соответствующего возраста – 14–17 лет). Включает такие регионы, как Чеченская Республика, Республика Хакасия, г. Москва, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Санкт-Петербург, Московская область, Тюменская область (включая Ханты-Мансийский АО и Ямало-Ненецкий АО), Кабардино-Балкарская Республика¹⁷; Ханты-Мансийский АО, Белгородская область, Рязанская область, Карачаево-Черкесская Республика, Краснодарский край, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Пензенская область, Ямало-Ненецкий АО, Республика Крым, Ярославская область, Самарская область, Республика Мордовия, Тульская область, Республика Татарстан, Ленинградская область, Ростовская область, Республика Башкортостан, г. Севастополь, Саратовская область, Орловская область, Курская область, Брянская область, Омская область, Нижегородская область, Липецкая область, Ульяновская область, Ставропольский край¹⁸;

2. *Средней криминальной пораженности* (от 600,0 до 1200,0 выявленных несовершеннолетних лиц, совершивших преступления на 100 тыс. населения соответствующего возраста – 14–17 лет). К ней относятся Воронежская область, Чувашская Республика, Оренбургская

область, Владимирская область, Калининградская область, Республика Марий Эл, Тверская область, Астраханская область, Тамбовская область, Ивановская область, Калужская область, Волгоградская область, Удмуртская Республика, Республика Саха (Якутия), Костромская область, Чукотский АО, Красноярский край, Новосибирская область, Смоленская область, Еврейская АО, Пермский край, Мурманская область, Псковская область, Кировская область, Сахалинская область, Алтайский край, Томская область, Новгородская область, Архангельская область¹⁹; Республика Коми, Магаданская область, Свердловская область, Вологодская область, Камчатский край, Иркутская область, Челябинская область, Приморский край²⁰;

3. *Высокой криминальной пораженности несовершеннолетних* (свыше 1200,0 выявленных несовершеннолетних лиц, совершивших преступления на 100 тыс. населения соответствующего возраста – 14–17 лет). Входят Хабаровский край, Кемеровская область-Кузбасс, Курганская область, Республика Бурятия, Амурская область, Республика Алтай, Ненецкий АО, Республика Карелия, Забайкальский край и Республика Тыва²¹.

Таким образом, наблюдается разрыв между наиболее и наименее благополучными регионами почти в 11 раз.

Подробный анализ региональных особенностей преступности несовершеннолетних представлен и в трудах Г. И. Забрянского [2, с. 89], который разделил регионы РФ по коэффициенту криминальной пораженности несовершеннолетних на шесть групп (классов):

- 1) низкой;
- 2) низко-средней;
- 3) средне-низкой;
- 4) средне-высокой;
- 5) высоко-средней;
- 6) высокой криминальной пораженности несовершеннолетних.

Представляется, что классификация субъектов РФ по коэффициенту криминальной пораженности несовершеннолетних помогает

¹⁷ Исследование проведено А. И. Савельевым в 2020 г. по данным официального сайта Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2019 г. URL: http://crimestat.ru/offenses_map/

¹⁸ Там же.

¹⁹ Исследование проведено А. И. Савельевым в 2020 г. по данным официального сайта Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2019 г. URL: http://crimestat.ru/offenses_map/

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

довольно ясно и полно представить картину современного состояния данной преступности.

Далее целесообразно соотнести вышеназванные группы с социально-экономическим положением регионов РФ. Так, регионы с высокой криминальной пораженностью несовершеннолетних занимают, как правило, последние строчки в рейтинге социально-экономического положения регионов РФ. К ним относятся Республика Тыва (последнее, 85 место, рейтинга), Республика Алтай (83 место), Республика Карелия (76 место), Республика Бурятия (67 место), Амурская область (65 место).

Субъектами с низкой криминальной активностью несовершеннолетних оказались г. Москва (первое место рейтинга), г. Санкт-Петербург (2 место), Московская область (3 место), Республика Татарстан (4 место), которые, как видим, занимают лидирующие позиции в соответствующем социально-экономическом рейтинге²².

И это вполне объяснимо, так как по данным Роструда, например, самая высокая средняя зарплата в Центральном федеральном округе – 58,8 тыс. рублей. При этом внутри округа есть г. Москва со средней зарплатой в 91,4 тыс. рублей, Московская область с 54,2 тыс. рублей²³.

Таким образом, подтверждается тезис о том, что, как правило, регионы, в которых наблюдается повышенный уровень социально-экономической напряженности, в большей степени обладают благодатной почвой для преступной активности, в том числе несовершеннолетних.

При этом приходится констатировать тот факт, что в нашей стране на сегодняшний день около 19 млн человек находятся за чертой бедности²⁴. Среди тех, кто чаще всего сталкивается с бедностью, – многодетные, неполные семьи, семьи, где есть инвалиды. За десять лет доля детей среди бедного населения РФ увеличилась на 25 %²⁵. Коммерциализация здравоохранения и образования, учреждений культуры, отдыха, спорта, туризма усугубляет и без того бедственное положение семьи. Кроме того, рас-

тет процент и тех, кто уже экономит на самом главном – еде.

В частности, именно социально-экономическая ситуация явилась основным фактором, который негативно повлиял на состояние и уровень подростковой преступности в Забайкальском крае. По данным краевого УМВД основу подростковой преступности как раз составляют преступления имущественного характера: кражи, грабежи, разбои, при этом кражи чужого имущества носят подавляющий характер, а Забайкальский край, в свою очередь, входит в число субъектов, где интенсивность преступности превышает среднероссийский показатель²⁶.

В этих условиях социальная поддержка семей должна стать приоритетной задачей для государства. Вместе с тем наконец-то введены меры социальной поддержки, связанные с выплатой пособия бедным семьям в размере прожиточного минимума ребенка. Однако следует констатировать, что критерии нуждаемости и механизмы выплаты недостаточно продуманы.

Кроме того, в политике детствосбережения заметен крен в сторону стимулирования рождаемости, а не поддержки родившихся. Государство стимулирует рождение детей, но на какие средства эти дети и семьи будут жить, также до конца не продумано. Майский указ и социальные меры, провозглашенные президентом, эту проблеме тоже, вероятно, не решат. «Новые меры опять связаны с демографией. Но демография и бедность – это разные вещи. Новые меры помогут незначительно снизить бедность среди семей, в которых родился первый ребенок. Но эти положительные изменения будут столь незначительны, что на статистически значимом уровне мы их даже не заметим»²⁷.

Таким образом, напрашивается один вывод – по-прежнему очень высока вероятность, что детская бедность уже стала системной проблемой нашей страны. Ведь получается, что Россия вошла в цикл самовоспроизводства бедности: когда в малоимущей семье появляется ребенок,

²² URL: <https://riarating.ru/infografika/20190604/630126280.html>

²³ URL: <https://rg.ru/2019/09/10/srednemesiachnaia-zarplata-v-rf-v-pervoj-polovine-goda-uvlechilas-na-19.html>

²⁴ *Послание* Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. // Рос. газета. 2019. 21 февр.

²⁵ *Государственные* социальные меры привели к обнищанию той категории населения, о которой думали меньше всего. URL: https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.ng.ru%2F2Feconomics%2F2018-08-01%2F2_7279_bednost.html

²⁶ *Краевое* УМВД объяснило причины роста подростковой преступности в Забайкалье. URL: <https://www.chita.ru/news/122523/#sel=1:6:hhU,1:9:4Uh/>

²⁷ *Овчарова Л. Н.* Сокращение бедности в 2 раза к 2024 году – национальный приоритет развития России URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/0/>

он, к сожалению, с рождения чуть ли не обречен на бедное существование. Считаем, что проблеме низких доходов не решить до тех пор, пока государство не сформирует четкую программу борьбы с бедностью и повышения уровня жизни населения.

Кроме того, не меньшего внимания заслуживает этнический аспект криминализации несовершеннолетних, довольно часто исследуемый в науке [1]. В связи с этим необходимо отметить, что Республика Тыва и Республика Бурятия относятся к регионам с высоким коэффициентом пораженности несовершеннолетних. Анализ ситуации показал, что причинами этого можно назвать, во-первых, деморализацию и алкоголизацию населения вследствие существенного отставания социально-экономического развития регионов в современный период (низкого уровня жизни людей и высокого уровня безработицы), а во-вторых, высокий уровень преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, превышающий общероссийский показатель в 1,5–2 раза (в частности, в Бурятии) [4, с. 214].

И это не удивительно, ведь классическим доходом восточных бурят из сельской местности (а это примерно 90 % Бурятии) можно назвать торговлю наркотическими средствами, а именно – коноплей. В деревнях «конопляный промысел» стал уже семейным ремеслом, но самое страшное то, что даже 10-летний ребенок может объяснить процедуру собирания конопли и процесс ее приготовления. Особенно развита этнонаркотическая преступность в Кяхтинском, Джидинском и Селенгинском районах Бурятии. Там растут целые плантации конопли.

Следовательно, особенности криминологической характеристики преступности в данных республиках в значительной мере определяются спецификой образа жизни граждан, их деятельности, социальных позиций и ролей в обществе. А явное доминирование в республиках общеуголовной преступности взаимосвязано с проблемами этнического самосознания, ранней деморализации и криминализации лиц, совершающих преступления, трудностями их позитивной ресоциализации, что в свою очередь определяет в значительной мере тенденции развития рецидивной, профессиональной, организованной преступности.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что, к сожалению, современные тенденции не дают оснований для оптимистического

прогноза относительно преступности на ближайшие годы. Он подкрепляется и негативными тенденциями фоновых криминогенных явлений (алкоголизма и наркотизма; беспризорности и безнадзорности; распространенности среди несовершеннолетних эгоизма, культа потребления; нравственной деградация подрастающего поколения) и низкой эффективностью деятельности системы уголовной юстиции.

Можно ли решить весь этот комплекс проблем единым методом, в системе, во взаимосвязи? Представляется, что можно. На уровне субъектов РФ с учетом особенностей географии преступности весьма эффективной может показать себя технология форсайт, которая работает с отдаленным будущим, учитывает альтернативные сценарии развития, имеет дело не только с возможными и вероятными рисками и угрозами, но и с так называемыми непредвиденными вновь возникающими угрозами, которые потенциально могут оказать значительное влияние на безопасное будущее в том или ином субъекте РФ. Вариантом работы с непредвиденными вновь возникающими угрозами является, например, методология поиска тех причин изменений в настоящем, которые в будущем способны повлиять на развитие событий.

В контексте обеспечения криминологической безопасности несовершеннолетних, с учетом острых проблем в разных субъектах РФ, работа должна быть представлена следующим образом:

- экспертиза существующих документов стратегического характера, направленных на защиту прав и свобод несовершеннолетних (семейной политики, развития воспитания, антинаркотической политики, противодействия экстремизму и др.);
- разработка проектной (дорожной) карты на основе документов стратегического характера, с учетом особенностей криминогенной обстановки в субъекте РФ, синтез рабочих групп по ее реализации;
- оценка эффективности существующей дорожной карты, определение кризисных точек;
- построение прогноза и обновление дорожной карты с учетом изменений в оперативной обстановке субъекта РФ.

Ситуация может быть рутинной — например, ежегодное обновление дорожной карты в свете меняющихся обстоятельств. Тем не менее форсайт-технология является весьма эффективным

методом, способным учитывать актуальность существующих и вновь возникающих угроз и обеспечивать своевременное противодействие им. Это означает, что авторы и участники форсайта не просто по отдельности оценивают вероятности возникновения тех или иных угроз, а занимают активную позицию и совместно проектируют свою текущую и будущую деятельность таким образом, чтобы усилить положительные тренды, увеличить вероятность желаемых событий и погасить отрицательные, нежелательные последствия.

Чтобы создать эффективную систему, направленную на развитие личности ребенка, защиту его прав и интересов, на федеральном уровне целесообразно для начала разработать концептуальную модель, предусматривающую решение конкретных проблем в сфере детствосбережения. Считаем, что это должна быть Концепция, затрагивающая как общие, так и конкретные проблемы в данной сфере, а также определяющая действенный контроль со стороны государственных органов.

Документ должен предусматривать проблемы низких доходов и повышения уровня жизни населения, духовно-нравственной деградации подрастающего поколения, отвечать на уже существующие и новые вызовы и угрозы, появляющиеся в процессе развития общества, предлагать меры по борьбе с преступлениями несовершеннолетних, а также в отношении них, в частности, учитывать этническую составля-

ющую преступности. Таким образом, Концепция условно должна состоять из 2-х частей: первая часть – социальные нормы; вторая часть – нормы, направленные на борьбу с криминальными угрозами.

При этом принятие соответствующей нормативной правовой базы обусловлено необходимостью развития системного и согласованного сотрудничества всех субъектов профилактики в противодействии современным вызовам и угрозам, активизации усилий компетентных органов в указанных сферах деятельности, а также оптимизации количества организационно-практических мероприятий в целях повышения их качества и эффективности выполнения.

Базой для такого документа должны стать как уже принятые, так и вновь разрабатываемые правила и методические рекомендации, обеспечивающие безопасность несовершеннолетних. Значимым был бы акцент в идеологии концептуального планирования на переход к пониманию создаваемой системы как средства получения синергетического эффекта от методологической выдержанности, гармонизации и внутренней сбалансированности ее элементов, выражающегося в повышении качества и результативности концептуального управления.

Таким образом, анализ документов стратегического характера показал, что предупреждение преступности – важная общегосударственная задача, для реализации которой требуются усилия всех субъектов профилактики.

Список литературы

1. Вишневецкий К. В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 398 с.
2. Забрянский Г. И. Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности: статистико-криминологическое исследование. М. : Рудомино, 2000. 148 с.
3. Неклесса А. И. Сердце тьмы // Свободная мысль. 2015. № 3. С. 119–138.
4. Раднаева Э. Л., Бюрбю Ю. А. Региональные особенности преступности (на примере Республики Бурятия и Республики Тыва) // Современные проблемы теории и практики права глазами молодых исследователей : материалы X всерос. молодеж. науч.-практ. конф. / науч. ред. И. А. Шаралдаева. Улан-Удэ : Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2016. С. 213–217.
5. Шалахин И. В. Природа преступного и основы стратегии государства в области ограничения и предупреждения преступности, обеспечения криминологической безопасности личности // Вестник Академии. 2010. № 3. С. 95–98.
6. Foresight and the role of innovation in the development of education / G. K. Kassymova, I. Y. Aksarina, A. V. Demchuk, G. A. Stepanova, Y. S. Aksarina, M. A. Bogach, S. N. Brovkina, A. V. Kosov, M. R. Arpentieva, S. K. Dossayeva // Вестник Национальной академии наук Республики Казахстан. 2019. № 4 (380). С. 93–101. DOI: 10.32014/2019.2518-1467.96.
7. Reznikov D. O., Makhutov N. A., Akhmetkhanov R. S. Analysis of Terrorist Attack Scenarios and Measures for Countering Terrorist Threats // Probabilistic Modeling in System Engineering / ed. by A. Kostogryzov. London : IntechOpen, 2018. P. 257–278. DOI: 10.5772/intechopen.75099.
8. Security strategy as a factor in the sustainable development of the republic of Kazakhstan / E. Sergazin, Z. Esimova, A. Kozhakhmetova, M. Mukasheva // Central Asia and the Caucasus. 2018. Vol. 19, iss. 1. P. 26–37.

References

1. Vishnevetskii K. V. *Kriminogennaya viktimizatsiya sotsial'nykh grupp v sovremennom obshchestve*. Dis. d-ra yurid. nauk [Criminogenic Victimization of Social Groups in Modern Society. Dr. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2008. 398 p.
2. Zabryanskii G. I. *Nakazanie nesovershennoletnikh i ego regional'nye osobennosti: statistiko-kriminologicheskoe issledovanie* [Punishment of Minors and its Regional Characteristics: Statistical and Criminological Research]. Moscow, Rudomino Publ., 2000. 148 p.
3. Neklessa A. I. Serdtse t'my [Heart of Darkness]. *Svobodnaya mysl' – Free Thought*, 2015, no. 3, pp. 119–138.
4. Radnaeva E. L., Byurbyu Yu. A. Regional'nye osobennosti prestupnosti (na primere Respubliki Buryatiya i Respubliki Tyva) [Regional Features of Crime (The Republic of Buryatia and the Republic of Tuva)]. *Sovremennye problemy teorii i praktiki prava glazami molodykh issledovatelei – Modern Problems of Theory and Practice of Law Through the Eyes of Young Researchers*. Ulan-Ude, East Siberia State University of Technology and Management Publ., 2016, pp. 213–217.
5. Shalakhin I. V. Priroda prestupnogo i osnovy strategii gosudarstva v oblasti ogranicheniya i preduprezhdeniya prestupnosti, obespecheniya kriminologicheskoi bezopasnosti lichnosti [The Nature of Crime and the Foundations of the State's Strategy in the Field of Limiting and Preventing Crime, Ensuring Criminological Security of the Individual]. *Vestnik Akademii – Academy Bulletin*, 2010, no. 3, pp. 95–98.
6. Kassymova G. K., Aksarina I. Y., Demchuk A. V., Stepanova G. A., Aksarina Y. S., Bogach M. A., Brovkina S. N., Kosov A. V., Arpentieva M. R., Dossayeva S. K. Foresight and the Role of Innovation in the Development of Education. *Vestnik Natsional'noi akademii nauk Respubliki Kazakhstan – Bulletin of National academy of sciences of the Republic of Kazakhstan*, 2019, no. 4 (380), pp. 93–101. DOI: 10.32014/2019.2518-1467.96 .
7. Reznikov D. O., Makhutov N. A., Akhmetkhanov R. S. Analysis of Terrorist Attack Scenarios and Measures for Countering Terrorist Threats. *Probabilistic Modeling in System Engineering*. London, IntechOpen Publ., 2018, pp. 257–278. DOI: 10.5772/intechopen.75099.
8. Sergazin E., Esimova Zh., Kozhakhmetova A., Mukasheva M. Security Strategy as a Factor in the Sustainable Development of the Republic of Kazakhstan. *Central Asia and the Caucasus*, 2018, vol. 19, iss. 1, pp. 26–37.

Дата поступления статьи | Article received date

27.01.2021

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date

02.02.2021

Дата приема к публикации | Article accepted date

02.02.2021

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.1

DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-1-42-54

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ: ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

ДИВАЕВ Александр Борисович*

✉ divalex09@mail.ru

Пр. Октябрьский, 49, Новокузнецк, Кемеровская
область, 654066, Россия

***Аннотация.** Традиционно право исследуется преимущественно как средство регулирования и охраны общественных отношений. Статья представляет собой попытку переосмысления данной парадигмы применительно к уголовно-процессуальному праву, с точки зрения того, что оно представлено здесь как средство воздействия на социальный конфликт. Автор подвергает критическому анализу имеющиеся к настоящему времени немногочисленные работы по заявленной проблематике. В частности, им указывается на недопустимость смешения таких категорий, как «конфликт» и «противоречие», следствием чего является мнение о пользе конфликта как фактора развития общественных систем, к числу которых он относит систему уголовно-процессуальных отношений. В противоположность представленной точке зрения статья рассматривает конфликт как наименее эффективное средство разрешения социальных противоречий, а, следовательно, одной из задач уголовно-процессуального права является минимизация социальных конфликтов в сфере уголовно-процессуальных отношений.*

Подробно исследован вопрос о природе социальных конфликтов, возникающих в сфере отношений, подверженных воздействию уголовно-процессуального права. В своих рассуждениях автор статьи исходит из того, что основой таких конфликтов является противоречие целей, интересов их участников, а также средств, используемых ими при их реализации. Это позволило ему выделить три вида уголовно-процессуальных конфликтов: конфликт целей, конфликт интересов и конфликт средств.

Уголовно-процессуальный конфликт в статье отнесен к числу социальных конфликтов, что отличает подход автора от привычного криминалистического взгляда на данную проблему. Причем к таким конфликтам отнесены и межличностные конфликты, возникающие между участниками уголовно-процессуальных отношений. Кроме межличностных уголовно-процессуальных конфликтов, в статье анализируется природа и социальные основы конфликта между обществом и государством, который может быть спровоцирован уголовно-процессуальным правом.

В проведенном исследовании уголовно-процессуальное право рассматривается под несколько иным углом, нежели это имело место ранее, а именно как социальный инструмент минимизации конфликтов, возникающих в связи с применением норм уголовно-процессуального законодательства.

***Ключевые слова:** уголовно-процессуальное право, социальный конфликт, цель деятельности, социальные интересы.*

* Декан юридического факультета Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Criminal Procedure Conflict: Development Prerequisites, Concept and Types

Divaev Aleksandr B.**

✉ divalex09@mail.ru

49 Oktyabrsky pr., Novokuznetsk, Kemerovo region,
654066, Russia

Abstract. Traditionally, law is studied primarily as a means of regulating and protecting public relations. The article is an attempt to rethink this paradigm in relation to criminal procedure law, from the point of view of the fact that it is presented here as a means of influencing social conflict. The Author submits a critical analysis of the currently available few works on the stated problem. In particular, he points out the inadmissibility of mixing such categories as “conflict” and “contradiction”, which results in an opinion about the benefits of conflict as a factor in the development of social systems, to which he refers to the system of criminal procedure relations. In contrast to the presented point of view, the article considers conflict as the least effective means of resolving social contradictions, and, therefore, one of the tasks of criminal procedure law is to minimize social conflicts in the field of criminal procedure relations.

The issue of the nature of social conflicts arising in the sphere of relations subject to the influence of criminal procedure law is considered in detail. In his reasoning, the Author of the article proceeds from the fact that the basis of such conflicts is the conflict of goals, interests of their participants, as well as the means used by them in their implementation. This allowed him to identify three types of criminal procedure conflicts: conflict of goals, conflict of interests and conflict of funds.

The criminal procedural conflict in the article is classified as a social conflict, which distinguishes the Author's approach from the usual forensic view of this problem. Moreover, such conflicts also include interpersonal conflicts arising between participants in criminal procedural relations. In addition to interpersonal criminal procedural conflicts, the article examines the nature and social foundations of the conflict between society and the state, which can be provoked by criminal procedure law.

In the study, criminal procedure law is viewed from a slightly different angle than it was before, namely, as a social tool for minimizing conflicts arising in connection with the application of the norms of criminal procedure legislation.

Keywords: criminal procedure law, social conflict, purpose of activity, social interests.

На протяжении длительного времени, вплоть до 80-х гг., в теории права и в отраслевых правовых науках господствовал подход к пониманию права как к средству регулирования или охраны общественных отношений. Сама по себе эта точка зрения вполне приемлема, однако ее нельзя признать достаточной, так как она практически игнорирует тот факт, что право является еще и важным инструментом общесоциального воздействия, способным как сбалансировать общественные связи, так и деструктивно воздействовать на них, став причиной явления, названного в науке социальным конфликтом.

Сказанное, как представляется, в полной мере относится к уголовно-процессуальному праву, нормы которого могут не только предотвращать и разрешать социальные конфликты в сфере уголовно-процессуального воздействия, но и порождать их. Природа этих конфликтов не-

очевидна и, по нашему мнению, нуждается в обстоятельном изучении.

Как показал анализ исследований по рассматриваемой тематике, категория «уголовно-процессуальный конфликт» для уголовно-процессуальной теории сравнительно нова. При этом работы, прямо или косвенно затрагивающие эту проблему, носят преимущественно «пограничный» характер, находясь на стыке двух сфер правового знания – уголовно-процессуальной науки и криминалистики. Следствием этого стал несколько односторонний взгляд на сущность уголовно-процессуального конфликта, сформированный в науке: обычно это явление рассматривается как выражение межличностного взаимодействия участников уголовно-процессуальной деятельности, а система средств противодействия ему – как совокупность тактических рекомендаций, направленных на предотвращение возможного

** Dean of the Faculty of Law at the Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Candidate of Legal Sciences, Docent.

конфликта между участниками производства по уголовному делу или его разрешение, если такой конфликт между ними уже возник.

Разработкой конфликтных ситуаций предварительного следствия, в частности, занимался О. А. Баев, который конфликты в деятельности следователя рассматривал как «форму проявления и разрешения межличностных и внутриличностных диалектических *противоречий* (выделено нами. – А. Д.), которые возникают у следователя в процессе выполнения им функциональных обязанностей по достижению общих целей уголовного судопроизводства и в связи со спецификой этой трудовой деятельности» [1, с. 11].

В связи с дискуссией о конфликтности сферы уголовно-процессуальных отношений нельзя не упомянуть и о, пожалуй, одном из самых известных исследований позднего советского периода, посвященных социальным противоречиям в уголовно-процессуальной сфере, работе В. Т. Томина «Острые углы уголовного судопроизводства» [13]. Написанный в последние годы существования Советского государства, этот научный труд впервые комплексно отразил все главные для того периода противоречия, накопившиеся в сфере уголовно-процессуального регулирования, причинами которых были и наметившееся в то время все возрастающее несоответствие уголовно-процессуального закона практике его применения, и недостаточность усилий одной лишь правоохранительной системы для их разрешения.

Если говорить о современных авторах, то, безусловно, на фоне остальных здесь выделяется диссертационное исследование Ю. В. Францифорова, в котором он определяет уголовно-процессуальные противоречия как «особое взаимодействие различий в системе уголовно-процессуального законодательства и практике его применения, составляющих диалектические и формально-логические формы проявления противоположных интересов взаимодействующих сторон обвинения и защиты» [15, с. 11]. При этом социальный конфликт автор рассматривает как «высшую степень выражения... противоречия, возникающего между сторонами при остром их противодействии друг другу», что обусловлено «существенным различием интересов и целей у стороны обвинения и стороны защиты» [14, с. 12].

Кроме Ю. В. Францифорова, в настоящее время так или иначе проблемой уголовно-процессу-

ального конфликта также занимаются и другие авторы [2; 3; 5; 6; 7; 10; 11].

В ряду их работ стоит выделить исследование Н. Ю. Лебедева, которое непосредственно посвящено уголовно-процессуальному конфликту. В его трактовке: «Уголовно-процессуальный конфликт – это нормальное и неизбежное проявление правовых связей и отношений между участниками уголовно-процессуальной деятельности, преследующих различные, а чаще всего несовместимые цели и интересы на протяжении как отдельных этапов расследования, так и всего хода производства по уголовному делу» [9, с. 94].

Что прежде всего обращает на себя внимание в данном определении, так это признание «неизбежности» уголовно-процессуального конфликта, что, как показывает практика, верно. В то же время с утверждением Н. Ю. Лебедева о том, что уголовно-процессуальный конфликт – это нормальное и полезное явление, мы согласиться не можем.

Это мнение – прямое следствие получившей распространение научной концепции, отождествляющей категории «социальное противоречие» и «социальный конфликт». Если исходить из данной посылки, учитывая при этом, что противоречия, складывающиеся между элементами какой-либо системы, являются необходимым условием ее развития, то действительно, конфликт можно считать не только нормальным, но и необходимым условием ее жизнеспособности.

Однако нам такое видение соотношения этих категорий представляется неверным. «Противоречие» и «конфликт», вне всяких сомнений, близкие, но не тождественные категории. Здесь уместно привести мнение известного социолога А. Г. Здравомыслова, который писал: «Существует большое искушение рассматривать конфликт как проявление и обнаружение объективных противоречий... Однако... противоречия далеко не всегда влекут за собой конфликты. Для превращения противоречий в конфликты необходимо осознание противоположности интересов и соответствующая мотивация поведения» [8, с. 13–14].

«Искушение», о котором пишет автор цитаты, часто преследует и исследователей уголовно-процессуального конфликта, что затрудняет поиск реальных средств противодействия ему. Дело в том, что выявление социального противоречия во многих случаях не представляется большой проблемой – эти противоречия нередко

лежат на поверхности. Возьмем, например, объективное противоречие между обвинением и защитой – по мнению многих, базовое противоречие уголовного судопроизводства. Если исходить из отождествления категорий «конфликт» и «противоречие», необходимо согласиться с тем, что между обвинением и защитой всегда существует конфликт, что, однако, не соответствует действительности. Действительно, перед участниками уголовного судопроизводства, представляющими стороны, всегда стоят противоположные цели, что в свою очередь является причиной несовпадения их интересов, однако эти противоречия не всегда влекут за собой конфликтную ситуацию. Например, если обвиняемый признает себя виновным, не противодействует уголовному преследованию и всеми силами старается содействовать ему, заглаживает по возможности вред, причиненный преступлением, то о каком конфликте может идти речь? При этом противоположность сторон не исчезла, она не нивелирована поведением обвиняемого. Насколько возможно устранить, разрешить противоречие обвинения и защиты? Как представляется, оно принципиально не устранимо. Противоположность позиций обвинения и защиты – это основа уголовного процесса. Если устраняется это противоречие, то исчезает сам уголовный процесс как сфера общественной жизни, система общественных отношений, так как вне его уголовно-процессуальная деятельность теряет всяческий смысл.

Чтобы противоречия целей и интересов обвинения и защиты вылились в конфликт, самих противоречий недостаточно. Необходимы еще два фактора: 1) осознание данного противоречия; 2) соответствующая мотивация представителя стороны снять противоречие с помощью наиболее радикального средства – путем вступления в конфликт.

Таким образом, *конфликт – это не само противоречие, а способ его разрешения, когда одна из сторон предпринимает попытку достижения своей цели или удовлетворения своих интересов за счет интересов другой стороны либо неприемлемыми для нее средствами.*

С этой точки зрения, если рассматривать конфликт как наиболее острую фазу развития противоречий и весьма специфический способ их разрешения, то следует критически отнестись к ставшему популярным в последнее время тезису о пользе социального конфликта [4; 12]. Так,

известный российский теоретик права В. А. Лентаев прямо пишет: «Представляется перспективной разработка технологий урегулирования конфликта, построенных на введении правил, ограничивающих конфликтные взаимодействия, поскольку такой подход позволяет использовать различные формы институционализированного разрешения конфликта, в том числе и создание правил, запрещающих искоренять конфликты, несущие позитивные функции» [12, с. 10].

Казалось бы, сама по себе концепция «полезного» конфликта выглядит чрезвычайно привлекательно, когда из хаоса и нестабильности рождается что-то новое, более устойчивое, менее подверженное энтропии. Известен и источник происхождения этой концепции – работы известного германо-американского социолога Л. Козера [16; 17], получившие признание и распространение в западной социологии [18; 19]. Однако, взяв за основу данную концепцию, необходимо учитывать, что, в соответствии с ней, разрешение противоречий в конфликте происходит не путем взаимного согласования позиций и консенсуса, а за счет уступок одной из сторон конфликтного взаимодействия. Причем эти уступки часто происходят не потому, что у «победившей» стороны имеются более рациональные, прогрессивные, верные и т. п. средства разрешения противоречий, а только потому, что у нее имеется больший ресурс (например, власть над проигравшим). Так что считать конфликт социально «полезным» если и можно, то с изрядной долей условности: сильная сторона социального конфликта должна действительно нести нечто прогрессивное, развивать систему общественных отношений или, по крайней мере, уменьшать ее энтропию. В противном случае конфликт – это объективное препятствие развитию социальной системы.

По нашему мнению, на проблему неизбежности конфликта и его функционала нужно смотреть несколько по-другому и это явственно проявляется в уголовно-процессуальных отношениях. Действительно, социальный конфликт – это неизбежная данность в любой социальной системе. Причина этого – внутренние противоречия, являющиеся следствием ее развития, а также противоречия, возникающие во взаимодействии данной системы с окружающей социальной средой. Как раз они, эти противоречия, но не сам конфликт, есть фактор развития системы, и было бы крайне желательным разрешать

их исключительно бесконфликтным путем (например, путем переговоров, достижения консенсуса, убеждения в правоте и др.). В противном случае у одной из потенциальных сторон такого конфликта, представленной лицом или органом, ведущим производство по уголовному делу – обладателем властных полномочий, всегда будет присутствовать соблазн облегчить себе жизнь и разрешить конфликт властным велением, «раз и навсегда». Но удовлетворяет ли такой способ разрешения процессуальных противоречий требованиям объективности, законности и справедливости, которые предъявляются обществом к уголовному процессу как средству, с помощью которого реализуется наиболее строгий вид юридической ответственности? Вряд ли.

Значит, *уголовно-процессуальный социальный конфликт можно определить как наименее эффективный способ преодоления противоречий целей, интересов субъектов отношений, подверженных воздействию уголовно-процессуального права, а также тех средств, которые используются ими для реализации этих целей и интересов.*

С этой точки зрения конфликтность сферы отношений, попадающих в сферу уголовно-процессуального воздействия, можно и нужно рассматривать в качестве индикатора эффективности такого воздействия. Сам по себе социальный конфликт в этой сфере – это данность, и полностью избавиться от него не может даже такое мощное средство воздействия на общественные отношения, как уголовно-процессуальное право. Однако оно вполне способно минимизировать конфликтность этих отношений, на что и должны быть направлены усилия законодателя.

В этом же направлении, как представляется, должна развиваться и правоприменительная практика, которая вполне способна противостоять уголовно-процессуальному конфликту наряду с законом и даже играть в этом деле главенствующую роль. Как бы не была привлекательна идея о том, что закон должен быть единственным средством воздействия на уголовно-процессуальные отношения, нужно признать, что законодатель не всесилен. В конечном счете закон – это лишь некий образ, отражение реально сложившихся социальных отношений, который сам по себе, в отрыве от того, кто его реализует, его реальной правовой деятельности, мертв. Закон «живет» только в правовой действительности, в поведении конкретных субъектов права, их действиях и решениях, а поэтому

многое в воздействии на уголовно-процессуальный социальный конфликт зависит не от закона, а от того, как его реализуют реальные участники уголовного судопроизводства.

И речь здесь идет вовсе не о том, соблюдают ли они закон. Здесь мы говорим о более сложной форме правовой деятельности, чем противоправное поведение, а именно о конфликтогенном поведении субъекта права в случаях, когда он, действуя в рамках правовых предписаний, тем не менее своим поведением провоцирует конфликт. В таких случаях, каков бы ни был закон, правоприменительная практика становится ведущим средством, отвечающим за антиконфликтность уголовно-процессуальной сферы отношений.

Уголовно-процессуальный конфликт, безусловно, относится к числу *социальных* конфликтов, что предопределяет систему средств противодействия ему, которыми могут быть исключительно социальные инструменты, к которым относится право. Это существенно отличает данный тип конфликтов от конфликтов личного или внутриличностного характера. Соответственно, тот тип уголовно-процессуального конфликта, о котором идет речь в данной работе, лучше называть «уголовно-процессуальным социальным конфликтом».

При этом «социальность» уголовно-процессуального конфликта предопределяется не количеством его участников, являющихся, в терминологии социологической науки, акторами (т. е. активными, заинтересованными участниками) данного конфликта, а их социальными характеристиками. В связи с этим социальный конфликт может носить не только общественный (межгрупповой), но и межличностный характер. Даже если в конфликте участвуют конкретные лица, а не социальные коллективы или сообщества, данный факт еще не дает оснований говорить о том, что это личный, а не социальный конфликт. Здесь важно определить, в каком качестве эти лица участвуют в конфликте, их социальные роли.

Допустим, конфликтная ситуация, возникшая во взаимоотношениях лица, ведущего производство по уголовному делу, и любого другого участника уголовного судопроизводства, несмотря на внешне индивидуальный характер, на самом деле является социальным конфликтом. Это объясняется тем обстоятельством, что как первый, так и второй его участник – носители определенной социальной роли, воплощенной в конкретном их уголовно-процес-

судебном статусе. Этим участникам уголовного судопроизводства связывает не личная симпатия или, наоборот, неприязнь. Связь между ними носит исключительно социальный характер. Она может возникнуть только при условии, что эти лица, встроившись в систему уголовно-процессуальных отношений, начнут осуществлять определенную социальную роль, формализованную посредством соответствующего процессуального статуса. В такой ситуации само наличие социального отношения, а, следовательно, и конфликта, возникшего между ними, продиктовано не их личными желаниями или потребностями, а исключительно тем, что первый, будучи представителем власти, является носителем публичных полномочий, а второй – лицом, вовлекаемым в производство по уголовному делу, и оба они в силу требований закона обязаны вступить в это отношение. В остальном, на межличностном уровне, эти индивидуумы вполне могут быть друг другу безразличны, а значит, при прочих условиях никаких личных отношений между ними развиваться не могло. Более того, если между данными участниками уголовного судопроизводства имеются личные отношения, которые могут спровоцировать личный конфликт – это основание для исключения одного из них, а именно лица, ведущего производство по уголовному делу, из числа участников производства по уголовному делу.

Как уголовно-процессуальный социальный конфликт должен рассматриваться и межличностный конфликт, возникший между участниками уголовного судопроизводства, не наделенными властью (например, конфликт двух обвиняемых, заинтересованных в различном исходе дела), так как он также предопределен не их личными отношениями, а той социальной ролью, которая воплощена в процессуальном статусе этих участников уголовного судопроизводства. Только через нее, социальную роль обвиняемого, защитника, потерпевшего и др., формализованную нормами уголовно-процессуального права в статус субъекта права, эти лица осуществляют цели уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуальные интересы, по поводу которых между ними может возникнуть социальный конфликт.

Естественно, факт нахождения тех или иных участников уголовного судопроизводства в системе уголовно-процессуальных отношений вовсе не исключает наличия личного конфликта

между ними. Например, часто, такой конфликт характеризует отношения пострадавшего от преступления и причинителя вреда. Иногда он заходит так далеко, что эти лица буквально не могут находиться в одном помещении друг с другом, выдержано вести диалог и т. п. В таких сложных ситуациях наличие социального конфликта обвиняемого и потерпевшего усугубляется личными неприязненными отношениями, конфликтом двух людей, между которыми имеется взаимное неприятие. При этом средства воздействия на эти конфликты совершенно различны. Если в первом случае конфликт может быть нивелирован исключительно социальными средствами – реализацией тех правовых возможностей и запретов, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законом, то для купирования второго такие средства бессильны. Его можно преодолеть другими средствами, недоступными праву, например, средствами психологического характера.

Существование межличностных уголовно-процессуальных социальных конфликтов не является секретом для законодателя, предусмотревшего в уголовно-процессуальном законе ряд норм, которые имеют явно «антиконфликтный» характер. Индикатором этого служит тот факт, что они предусматривают механизм разрешения потенциальных конфликтов, которые могут возникнуть в процессе производства по делу между его участниками. В качестве примера можно привести положения ч. 6 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. (далее — УПК РФ), предусматривающей механизм разрешения разногласий между руководителем следственного органа, следователем и прокурором. Или сходную по направленности норму ч. 3 ст. 39 УПК РФ, которая призвана разрешать конфликты, возникшие между руководителем следственного органа и следователем.

Есть в УПК РФ и нормы, позволяющие разрешать уголовно-процессуальные социальные межличностные конфликты, которые могут возникнуть между участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты. Например, в таком качестве вполне могут рассматриваться положения ст. 52 УПК РФ, регламентирующие порядок отказа от защитника. Как показывает практика, подозреваемый или обвиняемый пользуются этим правом в том числе и при возникновении противоречий их процессуальной позиции с позицией защитника по делу.

Исчерпывают ли межличностные уголовно-процессуальные конфликты участников уголовного судопроизводства весь спектр уголовно-процессуальных социальных конфликтов? Думается, что нет. Во-первых, и это по какой-то причине не учитывается исследователями, межличностные уголовно-процессуальные конфликты могут возникать и вне основного производства по уголовному делу, между участниками уголовно-процессуальных отношений, являющихся содержанием дополнительных уголовно-процессуальных производств (например, производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора).

И во-вторых, говоря об активных участниках социальных конфликтов, нельзя обойти вниманием таких субъектов, как государство и общество, которые являются выразителями определенных социальных целей, и носителями соответствующих интересов. Данное обстоятельство, по нашему мнению, позволяет говорить о возможности возникновения уголовно-процессуального социального конфликта между ними.

Сразу скажем, что данный конфликт может быть исключительно конфликтом их уголовно-процессуальных интересов и никогда не может быть социальным конфликтом, вызванным противоречием целей, которые преследуют государство и общество в сфере уголовно-процессуальных отношений. Данный вывод вытекает из природы этих целей и интересов.

Как постановка целей, так и появление интересов обуславливаются общей причиной – возникновением потребностей. Учитывая, что любой социальный инструмент целенаправлен (в противном случае, он просто не появился бы), нужно признать, что уголовный процесс также появился как средство реализации определенной социальной цели, сформированной как ответ на возникновение социальной потребности. Такой потребностью явилась необходимость учреждения *средства легитимации акта привлечения к ответственности лица, посягнувшего на личную и общественную безопасность*. В удовлетворении этой потребности в равной степени были заинтересованы и общество, и государство, что и привело к реализации их совместной цели – учреждению особого общественного института, который известен в настоящее время под названием «уголовный процесс».

Повторим, в существовании этого института в *равной мере* заинтересованы и государ-

ство, и общество, а следовательно, в этой части их цели противоречить не могут, а поэтому и социального конфликта на этой почве между ними случиться не может.

Несколько иначе обстоит дело с уголовно-процессуальными интересами государства и общества. В основе формирования социального интереса также лежат социальные потребности, однако в отличие от той общей, базовой уголовно-процессуальной потребности, которая привела к постановке единой для государства и общества социальной цели и формированию уголовного процесса, потребности, отвечающие за формирование интересов этих социальных субъектов в сфере уголовно-процессуальных отношений, могут противоречить и стать причиной уголовно-процессуального социального конфликта между ними.

Социальные свойства любого субъекта общественной жизни, включая государство и общество, находятся в постоянном движении. Следствием этого является постоянное изменение количества и качества их потребностей. Соответственно, дальнейшее развитие уголовно-процессуальных отношений, с появлением которых была удовлетворена базовая социальная потребность в средстве легитимации акта привлечения к уголовной ответственности, привела в движение процесс формирования все новых и новых социальных потребностей, которые могут быть удовлетворены только посредством учреждения, реорганизации или отмены уголовно-процессуальных норм и институтов. Именно эти потребности стали основой появления уголовно-процессуальных интересов.

Все социальные интересы в социологии принято делить на личные и общественные. Однако реалии современного уголовного процесса позволяют утверждать, что в сфере уголовно-процессуальных отношений присутствует еще один самостоятельный вид социальных интересов – государственные, и обойти вниманием вопрос о том, в каком соотношении они находятся с общественными интересами нельзя.

В теории по отношению к категории «общественный интерес» сформированы два подхода. Один из них предлагает рассматривать это явление чисто механически, как обычную «сумму» личных интересов, что, считаем, выглядит несколько идеалистично. В таком понимании общественные интересы могут рассматриваться только в том случае, если личные интересы, являющиеся слагаемыми этой суммы, совпадают,

что, конечно, возможно, однако характерно исключительно для малых групп.

Если же говорить об общественном интересе в самом общем смысле этого термина, как об интересе общества в целом, то здесь такой подход неприемлем. Трудно представить крупную общественную структуру, интересы представителей которой полностью бы совпадали, позволяя их суммировать. О какой сумме личных интересов участников уголовного судопроизводства можно вести речь, когда известно, что эти интересы практически всегда находятся в противоречии? Как, например, суммировать интересы потерпевшего и обвиняемого? Или интересы обвиняемого и защитника, от которого он отказывается? А ведь речь идет о микроскопическом в сравнении со всем социумом сообществе, возникшим ситуативно в связи с встраиванием конкретных лиц в систему уголовно-процессуальных отношений.

Так что, думается, в реальности все обстоит намного сложнее. Сумму личных интересов нельзя рассматривать как общественный интерес. Это немного более, чем просто сумма интересов, при совпадении которых их носители могут складывать свои усилия для реализации этих интересов. С этой точки зрения такой вид интересов уместнее называть не общественным, а общим интересом, который вполне может стать объединяющим началом в малых группах.

Более точно общественный интерес определяет другой подход, основанный на представлении о нем как об отдельном социальном явлении. В такой интерпретации общественный интерес – это не производное от личного интереса. Его носителем является самостоятельный социальный субъект – общество, а следовательно, общественный интерес – это самостоятельный вид социального интереса, нередко противоположный личным интересам его же представителей.

Общественные интересы множественны, однако в сравнении с личными интересами носят более стабильный характер, что вполне объяснимо. В основе личных интересов лежит личная потребность, возникновение которой полностью обусловлено личными желаниями и устремлениями его носителя. Отсюда и его изменчивость. Обвиняемый, сегодня не признающий себя виновным в совершении преступления или отказывающийся от дачи показаний, завтра может полностью изменить модель своего поведения, посчитав, что в его интересах будет признать

себя виновным и дать показания по делу. Естественно, на это обстоятельство могут влиять внешние факторы, например, мнение защитника, ознакомление с доказательствами, имеющимися в распоряжении следователя, беседа с родными и близкими и др., однако это сути не меняет.

Иначе формируются общественные интересы. Как общественные интересы не являются суммой личных интересов, так и общество не «сумма личностей» – оно нечто большее. Вполне очевидно, что массовые процессы и тенденции, которые развиваются в обществе, не подвержены индивидуальному сознанию, а поэтому не зависимы от него. Отсюда вполне очевидным является тот факт, что общество развивается по объективным законам и реализация отдельными его представителями их личных интересов может лишь способствовать общественному прогрессу, если личные и общественные интересы совпадают или, наоборот, тормозить развитие общества, если между ними имеется противоречие.

Общественные интересы необходимо отделять от личных интересов, так как они связаны не с личными предпочтениями отдельных членов общества, а с теми глубинными процессами, которые протекают внутри него. Следовательно, общественный интерес – это самостоятельный вид формирующихся объективно интересов, который не суммирует, а обобщает все частные интересы целого, выражая генеральную, доминирующую тенденцию общественного развития в определенной сфере, коей в нашем случае является уголовный процесс. В таком понимании личный интерес в его общественно значимой части – это основа общественного интереса, так как игнорирование личных интересов, формирование общественного интереса «сверху», разрыв связи между ним и жизненными интересами конкретных представителей общества ведет к тому, что сам общественный интерес перестает соответствовать общественным потребностям.

Процесс формирования общественного уголовно-процессуального интереса можно проиллюстрировать на примере формирования любого социального института, ставшего частью системы уголовно-процессуальных отношений. Возьмем для примера институт защиты в том понимании, в котором он известен современному уголовному процессу.

В настоящее время объективность и общественная значимость этого социально-правового

института неоспоримы, что как раз и объясняется тем, что он – отражение объективно сложившегося общественного интереса.

Первоначально возникнув, процедура легитимации акта привлечения к ответственности, ставшая прообразом уголовного процесса, естественно, не имела тех форм обвинения и защиты, которые характеризуют современный уголовный процесс, хотя как виды деятельности и обвинение, и защита в этом квазипроцессе присутствовали – по-другому просто быть не может. Правда, осуществлялись эти разнонаправленные виды деятельности в тот период самими пострадавшим и его обидчиком в весьма произвольном порядке, что до определенных пор вполне отвечало интересам общества в его догосударственном состоянии.

Первоначальным толчком, повлекшим появление социальной потребности в развитии института защиты, стала трансформация частного обвинения в государственное уголовное преследование. Это произошло не сразу и не по всему спектру преступлений, однако, со временем углубление этой тенденции привело к появлению публичного (официального) уголовного процесса, в рамках которого частное обвинение стало рассматриваться как исключение из правил.

Почему мы считаем именно этот момент той отправной точкой, от которой необходимо вести отсчет формированию самой идеи о необходимости появления института защиты, противопоставленного государственному обвинению, ставшей на определенном этапе социальной потребностью? Ответ заключается в следующем. До тех пор, пока обвинение и защита были личным делом обидчика и пострадавшего, государство вмешивалось в их взаимоотношения только на уровне реализации наказания и контроля за тем, чтобы, с одной стороны, обидчик выполнил все обязательства перед пострадавшим, а с другой – пострадавший или его родственники не истребовали от наказанного более того, что ему было присуждено. Таким образом, процессуальный паритет, а, следовательно, и баланс возможностей участников уголовно-процессуальной деятельности в целом соблюдался. Тут же произошло следующее: обвинение стало государственным делом, осуществляемым его чиновником, спектр возможностей которого стал просто несопоставим с возможностями обвиняемого в совершении преступлений.

Еще более усугубила ситуацию произошедшая позднее специализация части государствен-

ного аппарата на деятельности по поддержанию обвинения в суде, в силу чего появились профессиональные государственные обвинители, знания, навыки и умения которых не шли ни в какое сравнение со способностями противостоящего им обвиняемого.

Процессы, описанные выше, носят естественный характер, а поэтому появление обвинительного государствоцентричного инквизиционного процесса было неизбежным. Однако, этим был нарушен тот баланс интересов государства, общества и личности, который существовал до сих пор, а поэтому общество и личность утратили чувство безопасности перед лицом государства, а это, в свою очередь, поставило под сомнение легитимность акта уголовной ответственности: общество перестало признавать справедливыми эти акты, осуществляемые в одностороннем порядке. Государство, конечно, могло до поры до времени считать их легитимными односторонне, без учета их общественного признания, но рано или поздно это может стать основой для уголовно-процессуального макроконфликта интересов государства и общества. Единственным способом его предотвращения является восстановление баланса их интересов посредством учреждения социально-правовых институтов (института защиты, в нашем случае) и изменения уголовно-процессуального законодательства.

С этой точки зрения, если государство считать средством управления обществом, которое обществом же и учреждается, которому общество делегирует управленческие полномочия, в том числе и полномочия по обеспечению безопасности общества и личности от преступных посягательств, идеальным видится абсолютное совпадение государственных и общественных интересов, воплощаемых в так называемом публичном интересе. Однако это именно идеальное соотношение, так как государство – это не общество. В настоящее время мы уже можем констатировать, что попытка построения государства на основе монолитного, бесконфликтного общества, которое не было бы раздираемо внутренними противоречиями, предпринятая в советский период развития нашего государства, пока не увенчалась успехом, а, следовательно, считать современное государство выразителем интересов всего общества при всем желании нельзя. Современное российское государство – это государство, предпринимающее попытки в своей политике отразить интересы общественного

большинства, учитывая при этом интересы общественного меньшинства, а отсюда и все противоречия: какие бы шаги государство не приняло в уголовно-процессуальной сфере, определенная часть общественности все равно будет не согласна с этим, так как это идет вразрез с ее интересами.

Более того, на современном этапе развития уголовного процесса государство иногда проявляет себя как самостоятельный социальный актор, действующий исключительно в своих интересах, без оглядки на общество. Это очень спорный способ совершенствования уголовно-процессуальной реальности, который, как минимум, может сказаться на эффективности уголовно-процессуального воздействия, так как те уголовно-процессуальные предписания, которые принимаются в таком порядке, часто просто не воспринимаются обществом и даже саботируются им. В максимальном же варианте развития событий противоречие уголовно-процессуальных предписаний общественным интересам может стать причиной социального конфликта.

Примеров таких норм уголовно-процессуального закона, которые явно видятся противоречащими общественным интересам, можно привести немало. Так, известно, что уголовное правосудие весьма затратно, а поэтому государство всячески заинтересовано в оптимизации процессуальной формы, в том числе и в сторону ее удешевления. И в самом процессе ее оптимизации ничего плохого нет. Да и общественность в этом заинтересована. Однако, когда этот процесс переходит все границы, как это случилось, например, с сокращенной формой дознания по уголовным делам, когда законодатель совершенно рационально сократив форму досудебного производства, по совершенно непонятным для нас причинам предусмотрел для этих дел и особый, без проведения судебного следствия, порядок судебного разбирательства, он ничего, кроме возражений, вызывать не может.

Точно такие же сомнения в соответствии общественным интересам вызывает и практически полное устранение общественности из сферы уголовно-процессуальных отношений, в том числе и сведение до минимума форм ее участия в отправлении правосудия. Если до 2005 г. представители общества в качестве народных заседателей участвовали практически в каждом судебном заседании по уголовным делам,

то теперь их участие возможно только в роли присяжных заседателей по мизерному количеству дел – по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за весь прошлый год судами по первой инстанции с участием присяжных рассмотрено 718 уголовных дел, что составляет чуть более 0,1 % от общего количества рассмотренных судами уголовных дел (763 533 дела).

При этом не выдерживает критики мнение о том, что народные заседатели не выполняли своей роли, были зависимы от председательствующего и полностью в своих решениях следовали ему. Во-первых, это утверждение не имеет эмпирической основы. Конечно, мы не исключаем того, что такие факты имели место на практике, однако экстраполировать эти негативные явления на весь институт народных заседателей представляется явной ошибкой. А во-вторых, даже если это утверждение верно, участие народных заседателей в судебном разбирательстве и обсуждении приговора в любом случае являлось мощнейшим сдерживающим фактором от злоупотреблений со стороны председательствующего. По сути, помимо непосредственно правосудия, народные заседатели осуществляли и общественный контроль за представителем власти – профессиональным судьей. Разве это противоречило общественным интересам?

Постепенно «отмирает» и институт понятых в уголовном процессе: пределы их участия в следственных мероприятиях в настоящее время сведены к минимуму. Сегодня, согласно ст. 170 УПК РФ они в обязательном порядке принимают участие только в трех следственных действиях: обыске, личном обыске и предъявлении для опознания. В остальном их участие либо вообще не предусматривается, либо обуславливается приглашением следователя или дознавателя.

А между тем еще в недавнем прошлом понятые принимали участие в большинстве следственных действий и об изменении их роли в уголовном процессе речи не велось. Сейчас же законодатель решил, что они не нужны и им на смену должны прийти средства технического аудио- и визуального контроля. Однако забывается, что понятые никогда не являлись помехой применению этих средств. Почему же теперь законодателю пришлось выбирать из этих альтернатив? И при этом не учитывается, что участие

понятых – это не просто формальность. Это также и вид общественного контроля за законностью деятельности следователя или дознавателя, чем законодатель пренебрег.

У проблемы соотношения государственных и общественных интересов в сфере уголовного процесса есть и еще один аспект. До этого, говоря об их возможном противоречии, мы вели речь об этом исключительно в негативном ключе – как о возможной причине макросоциального уголовно-процессуального конфликта. Однако, думается, нужно сказать и о положительном моменте такого противоречия, когда оно несет несомненную пользу. Здесь мы имеем в виду ситуацию, когда государство в противоречие с общественными интересами встает на защиту личных интересов.

Личность вообще достаточно специфический участник общественных отношений. Ее интересы потенциально могут противоречить интересам сразу двух социальных субъектов: государства и общества. В первом случае следствием такого противоречия может стать правовой конфликт личности и государства, влекущий применение государственных мер воздействия. При этом последние четко формализованы законом и по содержанию, и по порядку применения, а поэтому, по крайней мере с этой точки зрения, личность может себя чувствовать относительно спокойно – вряд ли государство в лице его органов применит те меры воздействия, которые не предусмотрены законом. Даже если это произойдет, каждый вправе обжаловать это решение в вышестоящий орган, который, проверив, отменит или подтвердит его.

Совершенно иначе обстоит дело с общественным воздействием на личность, которое совершенно не формализовано и может носить самый разнообразный и подчас неконтролируемо жестокий характер. Такое воздействие может считаться вполне отвечающим общественным интересам общества, однако это глубочайшее заблуждение: вряд ли общество на самом деле может быть заинтересовано в расправе над своим же представителем. Но на фоне общественного возмущения, экзальтации общественного мнения, общественность вполне может воспринять этот ложный интерес как истину.

В такой ситуации защитить личность может только государство, которое должно в уголовно-процессуальном законе предусматривать механизмы противодействия конфликту интересов

общества и личности, даже вопреки общественным интересам. Примерами такого механизма являются институт обязательного участия защитника (ст. 51 УПК РФ) или возможность проведения закрытого судебного разбирательства в целях обеспечения безопасности его участников (ст. 241 УПК РФ).

Итак, социальный конфликт государства и общества в связи с осуществлением уголовно-процессуальной деятельности возможен. Однако возникает вопрос о том, насколько правомерно рассматривать этот конфликт в качестве уголовно-процессуального, учитывая, что его акторы не могут быть отнесены к числу участников уголовно-процессуальных отношений.

Думается, что для этого есть все основания. В нашем понимании уголовно-процессуальное право – это не только совокупность норм, регламентирующих порядок производства по уголовному делу и сопутствующих ему дополнительных производств. Это еще и мощное средство общесоциального воздействия, позволяющее, при умелом его применении, стабилизировать общественное развитие. Такое его воздействие простирается гораздо дальше классического отраслевого «предмета правового регулирования» и вполне может затрагивать не только межличностные отношения конкретных участников уголовно-процессуальных отношений. Оно, в противоположность тому, которое направлено «вовнутрь», на предмет уголовно-процессуального права, является неким «внешним» воздействием, оказываемым данной отраслью права на всю систему общественных отношений в целом. Таким образом, социальный конфликт государства и общества по поводу легитимации акта привлечения к уголовной ответственности уголовно-процессуален по своей природе, так как он возникает в связи с реализацией социальной функции уголовного процесса и провоцируется недостаточно эффективным действием уголовно-процессуального права.

Более того, уголовно-процессуальный характер данного социального конфликта подчеркивает тот факт, что воздействие на него, предотвращение этого социального конфликта может быть осуществлено исключительно процессуальными средствами: внесением в уголовно-процессуальный закон своевременных, объективно обусловленных, отражающих потребности социального развития корректировок и совершенствованием практики его применения.

Список литературы

1. Баев О. А. Конфликтные ситуации на предварительном следствии. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 132 с.
2. Баева Н. А. Конфликты в деятельности адвоката – защитника в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2007. 26 с.
3. Боева М. В. Тактико-коммуникативная компетентность следователя. М. : Юрлитинформ, 2010. 152 с.
4. Бушмелев А. А. Конфликт как фактор самоорганизации общества : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Н. Новгород, 2005. 39 с.
5. Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2002. 544 с.
6. Горохов С. В. Конфликты в деятельности судьи при разбирательстве уголовных дел: понятие, виды, правовые средства предупреждения и разрешения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011. 24 с.
7. Жидков М. А. Механизмы выявления и разрешения социальных конфликтов в деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. 20 с.
8. Здравомыслов А. Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 12–21.
9. Лебедев Н. Ю. К вопросу о понятии уголовно-процессуальных конфликтов // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 2 (62). С. 92–94.
10. Лебедев Н. Ю. Теоретические основы конфликтов, возникающих в процессе досудебного и судебного производства по уголовному делу и пути их разрешения. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2012. 323 с.
11. Лебедев Н. Ю. Уголовно-процессуальные конфликты, возникающие в ходе расследования преступления: характеристика, функции, виды // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 84–87.
12. Летяев В. А. Насколько эффективно сочетание междисциплинарных практик для институализации конфликта? // Социальный конфликт в различных нормативно-семиотических системах : моногр. / под ред. В. А. Летяева. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2012. С. 10–35.
13. Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М. : Юрид. лит., 1991. 239 с.
14. Францифоров Ю. В. Противоречия уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 75 с.
15. Францифоров Ю. В. Противоречия уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 569 с.
16. Coser L. A. Continuities in the Study of Social Conflict. N. Y. : The Free Press, 1967. 290 p.
17. Coser Lewis A. The Function of Social Conflict. London : Routledge, 2001. 93 p.
18. Knight J. Institutions and Social Conflict. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. 234 p.
19. Vago S., Barcan S. E. Law and Society. London : Routledge, 2018. 340 p.

References

1. Baev O. A. *Konfliktnye situatsii na predvaritel'nom sledstvii* [Conflict Situations During the Preliminary Investigation]. Voronezh, Voronezh University Publ., 1984. 132 p.
2. Baeva N. A. *Konflikty v deyatel'nosti advokata – zashchitnika v rossiiskom ugolovnom sudoproizvodstve*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Conflicts in the Activities of a Lawyer – Defender in Russian Criminal Proceedings. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Voronezh, 2007. 26 s.
3. Boeva M. V. *Taktiko-kommunikativnaya kompetentnost' sledovatelya* [Tactical and Communicative Competence of the Investigator]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2010. 152 p.
4. Bushmelev A. A. *Konflikt kak faktor samoorganizatsii obshchestva*. Avtoref. dis. kand. filosof. nauk [Conflict as a Factor in the Self-Organization of Society. Ext. Abstr. Cand. Philosophical Sci. Dis.]. Nizhny Novgorod, 2005. 39 p.
5. Golovko L. V. *Al'ternativy ugolovnomu presledovaniyu v sovremennom prave* [Alternatives to Criminal Prosecution in Modern Law]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr «Press» Publ., 2002. 544 p.
6. Gorokhov S. V. *Konflikty v deyatel'nosti sud'i pri razbiratel'stve ugolovnykh del: ponyatie, vidy, pravovye sredstva preduprezhdeniya i razresheniya*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Conflicts in the Activities of a Judge in Criminal Proceedings: Concept, Types, Legal Means of Prevention and Resolution. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Voronezh, 2011. 24 p.
7. Zhidkov M. A. *Mekhanizmy vyavleniya i razresheniya sotsial'nykh konfliktov v deyatel'nosti organov vnutrennikh del*. Avtoref. dis. kand. sotsiol. nauk [Mechanisms for Identifying and Resolving Social Conflicts in the Activities of Internal Affairs Bodies. Ext. Abstr. Cand. Sociological Sci. Dis.]. Moscow, 2008. 20 p.
8. Zdravomyslov A. G. Fundamental'nye problemy sotsiologii konflikta i dinamika massovogo soznaniya [Fundamental Problems of the Sociology of Conflict and the Dynamics of Mass Consciousness]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 1993, no. 8, pp. 12–21.
9. Lebedev N. Yu. K voprosu o ponyatii ugolovno-protsessual'nykh konfliktov [Definition of Criminal and Judicial Conflicts]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta – The News of Altai State University*, 2009, no. 2 (62), pp. 92–94.
10. Lebedev N. Yu. *Teoreticheskie osnovy konfliktov, voznikayushchikh v protsesse dosudebnogo i sudebnogo proizvodstva po ugolovnomu delu i puti ikh razresheniya* [Theoretical Foundations of Conflicts Arising in the Process of Pre-Trial and Trial Proceedings in a Criminal Case and Ways to Resolve Them]. Novosibirsk, Novosibirsk State Technical University Publ., 2012. 323 p.
11. Lebedev N. Yu. Ugolovno-protsessual'nye konflikty, voznikayushchie v khode rassledovaniya prestupleniya: kharakteristika, funktsii, vidy [The Criminal-Procedure Conflicts, Arising During Crime Detection: a Characteristics, Functions, Conclusions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2008, no. 306, pp. 84–87.
12. Letyaev V. A. Naskol'ko effektivno sochetanie mezhdistitsiplinarnykh praktik dlya instutualizatsii konflikta? [How Effective Is the Combination of Interdisciplinary Practices for Institutionalizing Conflict?]. *Sotsial'nyi konflikt v razlichnykh*

normativno-semioticheskikh sistemakh – Social Conflict in Various Normative-Semiotic Systems. Kazan, Kazan University Publ., 2012, pp. 10–35.

13. Tomin V. T. *Ostrye ugly уголовного sudoproizvodstva* [Sharp Corners of Criminal Proceedings]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1991. 239 p.

14. Frantsiforov Yu. V. *Protivorechiya уголовного sudoproizvodstva*. Avtoref. dis. d-ra yurid. nauk [Contradictions in Criminal Proceedings. Ext. Abstr. Dr. Legal Sci. Dis.]. Nizhny Novgorod, 2007. 75 p.

15. Frantsiforov Yu. V. *Protivorechiya уголовного sudoproizvodstva*. Dis. d-ra yurid. nauk [Contradictions in Criminal Proceedings. Dr. Legal Sci. Dis.]. Nizhny Novgorod, 2007. 569 p.

16. Coser L. A. *Continuities in the Study of Social Conflict*. New York, The Free Press, 1967. 290 p.

17. Coser L. A. *The Function of Social Conflict*. London, Routledge, 2001. 93 p.

18. Knight J. *Institutions and Social Conflict*. Cambridge, Cambridge University Press, 1992. 234 p.

19. Vago S., Barcan S. E. *Law and Society*. London, Routledge, 2018. 340 p.

Дата поступления статьи | Article received date

15.02.2021

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date

05.03.2021

Дата приема к публикации | Article accepted date

05.03.2021

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 342.951

DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-1-55-64

ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ЧАСТЬЮ 4.1 СТАТЬИ 7.30 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

РУКАВИШНИКОВ Сергей Михайлович*

✉ s.rukavishnikov2013@yandex.ru

Ул. Вольская, 1, Саратов, 410056, Россия

Аннотация. Регулятивные нормы законодательства о контрактной системе в сфере закупок и законодательства о защите конкуренции обеспечиваются охранительными нормами, закрепленными в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Иногда в диспозиции одной охранительной нормы могут быть объединены требования, установленные разными отраслями права. Одним из таких примеров является ч. 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ.

В законодательстве о защите конкуренции для случаев осуществления закупок товаров, работ, услуг в целях обеспечения государственных и муниципальных нужд установлен запрет на включение в состав одного лота, объекта закупки товаров, работ, услуг, технологически и функционально не связанных между собой, если такое действие приводит к ограничению конкуренции. Специфика привлечения лиц к административной ответственности по ч. 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ за нарушение данного запрета в научной литературе должного освещения не получила. Особенностью производства по делам об административных правонарушениях по ч. 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ является отсутствие дефиниций понятий «функциональная связь» и «технологическая связь». Неопределенность понятий создает ситуацию, когда граница между противоправными и правомерными действиями весьма условна, что вызывает случаи необоснованного привлечения лиц к административной ответственности.

Частью 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ предусмотрена также административная ответственность за включение в описание объекта закупки требований и указаний в отношении товарных знаков, знаков обслуживания, фирменных наименований, патентов, полезных моделей, промышленных образцов, наименования места происхождения товара или наименования производителя, требований к товарам, информации, работам, услугам при условии, что такие требования влекут ограничение количества участников закупки, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок. Данный запрет установлен в законодательстве о контрактной системе в сфере закупок.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о привлечении в ряде случаев должностных лиц к административной ответственности без доказывания условия, установленного в ч. 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ, что такие требования заказчика влекут ограничение количества участников закупки.

По результатам исследования выявлены недостатки текста охранительной нормы в ч. 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ, даны предложения о дополнении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Автором указывается на необходимость нормативного определения дефиниций понятий «функциональная связь» и «технологическая связь».

* Старший преподаватель кафедры конкурентного права Саратовской государственной юридической академии.

Ключевые слова: антимонопольный орган, административный штраф, должностное лицо, дефиниция, функциональная связь, технологическая связь, защита конкуренции, контрактная система, закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд, предмет доказывания.

Issues of the Involvement of Officers in Administrative Responsibility for Committing an Administrative Offense Provided By Part 4.1 of Article 7.30 of the Russian Federation Code on Administrative Offenses

Rukavishnikov Sergei M.**

✉ s.rukavishnikov2013@yandex.ru

1 Volskaya st., Saratov, 410056, Russia

Abstract. The regulatory standards of the legislation on the contractual system in the field of procurement and legislation on the protection of competition are provided with the protective norms enshrined in the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. Sometimes in the disposition of one protective norm, the requirements established by different branches of law can be combined. One such example is Part 4.1 of Art. 7.30 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses.

In the legislation on the protection of competition, for cases of procurement of goods, works, services in order to meet state and municipal needs, there is a prohibition on the inclusion of goods, works, services that are technologically and functionally unrelated to each other in one lot, if such an action leads to limit competition. The specifics of bringing persons to administrative responsibility under Part 4.1 of Art. 7.30 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses for violation of this prohibition in the scientific literature did not receive proper coverage. A feature of the proceedings in cases of administrative offenses under Part 4.1 of Art. 7.30 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses is the absence of definitions of the concepts of “functional communication” and “technological communication”. Uncertainty of concepts creates a situation where the border between illegal and lawful actions is very conditional, which causes cases of unjustified bringing persons to administrative responsibility.

Part 4.1 of Art. 7.30 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses also provides for administrative responsibility for the inclusion in the description of the object of the procurement of requirements and instructions regarding trademarks, service marks, trade names, patents, utility models, industrial designs, appellation of origin of goods or manufacturer's name, requirements for goods, information, works, services, provided that such requirements entail a limitation of the number of participants in the procurement, with the exception of cases provided for by the legislation of the Russian Federation on the contractual system in the field of procurement. This prohibition is established in the legislation on the contractual system in the field of procurement.

An analysis of law enforcement practice indicates that in a number of cases, officials were brought to administrative responsibility without proving the conditions established in Part 4.1 of Art. 7.30 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses that such requirements of the customer entail a limitation of the number of participants in the procurement.

According to the results of the study, the shortcomings of the text of the protective norm in Part 4.1 of Art. 7.30 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, proposals were made to amend the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. The Author points out the need for a normative definition of the definitions of the concepts “functional connection” and “technological connection”.

Keywords: antimonopoly authority, administrative fine, official, definition, functional relation, technological relation, competition protection, contract system, procurement for state and municipal needs, subject of proof.

Анализ правоприменительной практики Федеральной антимонопольной службы (далее — антимонопольный орган) позволяет выявить некоторые проблемы, связанные с несовершенством законодательства об административных

правонарушениях. Одной из таких проблем являются случаи необоснованного привлечения лица к административной ответственности в ситуации, когда граница между противоправными и правомерными действиями весьма условна.

** Senior Lecturer of the Department of Competition Law at the Saratov State Law Academy.

Указанная проблема может иметь место при производстве по делам об административных правонарушениях, имеющих различные объекты посягательства, в том числе и в области охраны собственности, к которым относится нарушение порядка осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Административная ответственность является постоянным объектом исследований в научной сфере. Вопросы, связанные с производством по делам об административных правонарушениях, квалификацией административных правонарушений, привлечением лиц к административной ответственности, рассматривались многими авторами [2; 3; 8; 13; 16; и др.]. Исследования в области административной ответственности за нарушения законодательства о контрактной системе проводились Л. В. Борисовой и А. А. Саволайнен [1], В. С. Ворошиловым и В. А. Тищенко [4], Е. В. Евсиковой и Е. М. Севастьяновым [5], И. В. Курлевским и Г. В. Огриной [9], Г. С. Спирчаговым [12], А. Е. Юрициным и Ю. Б. Лавровым [14]. Тема запрета на объединение в составе одного лота товаров, работ, услуг освещалась в работах В. В. Кваниной [6], Д. А. Плеханова [10]. При проведении фундаментальных исследований по административному праву авторами анализировались вопросы осуществления государственных закупок и антимонопольного регулирования [15, с. 187–210, 225–248]. Вместе с тем специфика антимонопольного запрета в сфере осуществления закупок на включение в состав одного лота, объекта закупки товаров, работ, услуг, технологически и функционально не связанных между собой, должного освещения не получила. Необходимо выявление особенностей применения мер административного принуждения за данное правонарушение. Вопрос о привлечении должностных лиц-заказчиков к административной ответственности по ч. 4.1 ст. 7.30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) «Нарушение порядка осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» требует детального рассмотрения.

Часть 4.1 ст. 7.30 появилась в КоАП РФ в результате внесения в него изменений Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 160-ФЗ¹. С 1 января 2014 г. вступила в силу ее новая редакция. С указанной даты и по настоящее время ч. 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность:

1) за включение в описание объекта закупки требований и указаний в отношении товарных знаков, знаков обслуживания, фирменных наименований, патентов, полезных моделей, промышленных образцов, наименования места происхождения товара или наименования производителя, требований к товарам, информации, работам, услугам при условии, если такие требования влекут за собой ограничение количества участников закупки, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок (далее – Нарушение требований к описанию объекта закупки);

2) за включение в состав одного лота, объекта закупки товаров, работ, услуг, технологически и функционально не связанных между собой (далее – Нарушение требований к составу объекта закупки).

В настоящее время основным нормативным правовым актом, регулирующим сферу государственных и муниципальных закупок, является Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе)². Норма, запрещающая нарушение требований к описанию объекта закупки, содержится в п. 1 ч. 1 ст. 33 Закона о контрактной системе. Кроме того, важным ориентиром также являются положения, закрепленные в статье 8 названного Закона. Так, согласно ч. 2 ст. 8 Закона о контрактной системе, запрещается совершение заказчиками, специализированными организациями, их должностными лицами, комиссиями по осуществлению закупок, членами таких комиссий, участниками закупок любых действий, которые противоречат требованиям Закона о контрактной системе, в том числе приводят к ограничению конкуренции, в частности к необоснованному ограничению числа участников закупок.

¹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 17 июля 2009 г. № 160-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 29, ст. 3597.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14, ст. 1652 ; 2020. № 31, ч. 1, ст. 5008.

Анализ правоприменительной практики показывает, что при привлечении должностных лиц за нарушение требований к описанию объекта закупки антимонопольным органом в ряде случаев не доказывается условие, установленное в ч. 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ, что такие требования влекут за собой ограничение количества участников закупки.

Так, в постановлении о назначении административного наказания по делу об административном правонарушении антимонопольный орган установил, что в нарушение п. 1 ч. 1 ст. 33 Закона о контрактной системе в техническом задании извещения о проведении запроса котировок на поставку вычислительных электронных цифровых машин, содержащих устройства для автоматической обработки данных (запоминающие устройства, устройства ввода, устройства вывода), заказчиком указан товарный знак материнской платы ASUS без указания слов «или эквивалент»³.

В другом постановлении о назначении административного наказания по делу об административном правонарушении антимонопольный орган указал, что ответственный за содержание документации об аукционе, установив излишние требования в составе заявки на участие в аукционе, допустил нарушение п. 1 ч. 1 ст. 33 Закона о контрактной системе, ответственность за нарушение которого предусмотрена ч. 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ⁴.

Вопрос о том, повлекло ли нарушение требований к описанию объекта закупки ограничение количества участников закупки, в вышеуказанных постановлениях не рассматривался. Вместе с тем само по себе включение в документацию указания на товарный знак или установление дополнительных требований к товарам, информации, работам, услугам не свидетельствует о безусловном нарушении положений Закона о контрактной системе. Включение в документацию указания на товарный знак или установление требований к товарам, информации, работам, услугам образует объективную сторону правонарушения, предусмотренного ч. 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ, в том случае, если такие указание или установление требований влекут за собой

ограничение количества участников закупки, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок.

В Законе о контрактной системе запрет по включению в состав одного лота, объекта закупки товаров, работ, услуг, технологически и функционально не связанных между собой, отсутствует. Норма, запрещающая ограничение конкуренции в случае закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд путем включения в состав лотов товаров, работ, услуг, технологически и функционально не связанных с товарами, работами, услугами, поставки, выполнение, оказание которых являются предметом торгов, запроса котировок, запроса предложений, содержится в ч. 3 ст. 17 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции)⁵.

Таким образом, действующее законодательство устанавливает запрет на нарушение требований к составу объекта закупки, если такое действие приводит к ограничению конкуренции. При этом диспозиция нормы ч. 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ предусматривает в качестве противоправного действия нарушение требований к составу объекта закупки без каких-либо оговорок. Другими словами, административным правонарушением, предусмотренным ч. 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ, является любое включение в состав одного лота, объекта закупки товаров, работ, услуг, технологически и функционально не связанных между собой, даже если это не приводит к ограничению конкуренции. Представляется, что в данном случае имеется противоречие между регулятивными и охранительными нормами права.

Еще одной особенностью производства по делам об административных правонарушениях по ч. 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ, вызывающей случаи необоснованного привлечения лиц к административной ответственности, является отсутствие дефиниций понятий «функциональная связь» и «технологическая связь». На это также указывает Д. А. Плеханов: «Проблема необоснованного укрупнения лота связана

³ Постановление Мордовского УФАС России от 26 января 2018 г. о назначении административного наказания по делу № 12 об административном правонарушении. URL: <https://br.fas.gov.ru/>

⁴ Постановление Калининградского УФАС России от 4 апреля 2019 г. о наложении штрафа по делу об административном правонарушении № 039/04/7.30-131/2019. URL: <https://br.fas.gov.ru/>

⁵ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3434 ; 2020. № 17, ст. 2718.

с неопределенностью таких понятий, как «функциональная связь» и «технологическая связь». По этой причине отсутствует четкое понимание, какие именно товары (работы, услуги) могут быть связаны с предметом торгов и включены в лот, а в каких случаях объединение товаров (работ, услуг) следует признать недопустимым. Следствием изложенного является тот факт, что суды по-разному оценивают обстоятельства аналогичных дел, выносят диаметрально противоположные с точки зрения юридического наполнения решения, что способствует формированию противоречивой правоприменительной практики и порождает многочисленные дискуссии» [10, с. 136]. Нельзя не согласиться с И. П. Кожокарем, утверждающим, что «понятийно-категориальный аппарат – это каркас правовой науки, и он диалектичен: с одной стороны, он содержит давно устоявшиеся, традиционные понятия; с другой стороны, он требует постоянного обновления уже известных и давно применяемых понятий и пополнения новыми понятиями, отражающими новые правовые явления. Перманентный процесс фиксации новых правовых явлений требует непрерывной работы над усовершенствованием понятийного аппарата правовой науки... Любое новое правовое понятие должно быть гармонично вписано в уже существующую понятийную систему и должно найти в ней свое “законное” место» [7, с. 571].

Учитывая сохраняющуюся в настоящее время терминологическую неопределенность таких понятий, как «функциональная связь» и «технологическая связь», привлечение должностных лиц заказчиков к административной ответственности по ч. 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ не является бесспорным.

Приведем примеры.

Давая правовую оценку совершенному деянию, антимонопольный орган указал, что заказчиком в один объект закупки объединено выполнение работ по ремонту автомобильных дорог, расположенных в границах разных сельских поселений Курского района, не связанных между собой и не имеющих общих границ, а также функционально и (или) технологически неразрывно не связанных между собой, что привело к необоснованному увеличению объема

выполняемых работ, начальной (максимальной) цены контракта, суммы обеспечения исполнения контракта, и тем самым привело к ограничению количества участников электронного аукциона⁶.

Вывод антимонопольного органа о том, что выполнение работ по ремонту автомобильных дорог, расположенных в границах разных сельских поселений, технологически и функционально не связано между собой, представляется спорным. Более того, контролирующими органами разделение данного заказа может быть расценено как «дробление закупки» (см., напр.: [4, 11]).

В другом случае антимонопольный орган отметил, что заказчиком установлено следующее наименование товаров, подлежащих закупке: Комплект мебели и оборудования для номера повышенной комфортности в общежитии, в том числе: кровать односпальная, матрац для кровати, панель прикроватная (изголовье), туба прикроватная, шкаф 2-секционный, стол рабочий однотумбовый, тумба двухстворчатая, подставка для багажа, панель с зеркалом и крючками, диван нераскладной 1,5-местный, холодильник двухкамерный, 40-дюймовый телевизор с разрешением Full HD. Таким образом, объединив в один объект закупки различные товары, заказчик создал препятствия для участия в закупке хозяйствующих субъектов, осуществляющих производство и/или продажу мебели с установленными характеристиками, но не осуществляющих продажу/производство оборудования (холодильник, телевизор) и наоборот⁷.

Вывод антимонопольного органа о том, что в результате объединения в один объект закупки различных товаров заказчик создал препятствия для участия в закупке хозяйствующим субъектам, представляется спорным. Полагаем, что никто не мешает производителю или продавцу мебели приобрести и поставить холодильник и телевизор в рамках закупки.

Объединяет обе вышеприведенные квалификации противоправности действий лиц за нарушение требований к составу объекта закупки позиция антимонопольного органа, состоящая в том, что действия заказчиков привели к ограничению количества участников закупки. Другими словами, указанные действия заказчиков,

⁶ Постановление Курского УФАС России от 30 апреля 2019 г. о назначении административного наказания по делу № 046/04/7.30-209/2019 об административном правонарушении. URL: <https://br.fas.gov.ru/>

⁷ Постановление Краснодарского УФАС России от 25 марта 2016 г. о наложении штрафа по делу об административном правонарушении № 184 А-РЗ/2016. URL: <https://br.fas.gov.ru/>

по мнению антимонопольного органа, привели к ограничению конкуренции.

Однако в аналогичной ситуации Управление Федеральной антимонопольной службы по Саратовской области (далее – УФАС России) признало жалобу на неправомерное объединение товаров в один лот необоснованной, указав, что заявителем не представлено доказательств невозможности поставки реагентов и расходных материалов, необходимых для Заказчика, в рамках закупки⁸. Обжалованное решение Тульского УФАС России, также не усмотревшего в действиях заказчика ограничения конкуренции при объединении товаров в один лот, судами было признано законным⁹.

Таким образом, по ч. 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ наблюдается противоречивая правоприменительная практика.

Необходимо отметить, что федеральные органы исполнительной власти свою позицию по вопросу о возможности включения некоторых товаров (работ, услуг) в один лот при формировании предмета закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд высказывают в письмах¹⁰. Правовые позиции по отдельным вопросам применения Закона о контрактной системе, выработанные судами, излагаются Верховным Судом Российской Федерации в обзорах судебной практики¹¹. Руководствуясь данными разъяснениями, должностное лицо антимонопольного органа, осуществляющее производство по делу об административном правонарушении, принимает соответствующее решение. В случае обжалования постановления о назначении административного наказания окончательную точку в спорном вопросе ставит суд.

В некоторых случаях антимонопольный орган использует охранительную норму права ч. 4.1

ст. 7.30 КоАП РФ, даже когда товары технологически и функционально связаны между собой, если объединение их в один лот запрещено подзаконными нормативными правовыми актами, регулирующим сферу государственных и муниципальных закупок. Так, привлекая должностное лицо к административной ответственности, антимонопольный орган указал, что заказчиком неправомерно включены в объект закупки камеры, поскольку в соответствии с п. 5 постановления Правительства РФ от 26 сентября 2016 г. № 968 «Об ограничениях и условиях допуска отдельных видов радиоэлектронной продукции, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹² для целей ограничения допуска отдельных видов радиоэлектронной продукции, происходящих из иностранных государств, не могут быть предметом одного контракта (одного лота) виды радиоэлектронной продукции, включенные в Перечень, утвержденный данным Постановлением, и не включенные в него. В Перечень отдельных видов радиоэлектронной продукции, происходящих из иностранных государств, в отношении которых устанавливаются ограничения и условия допуска для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд входит только товар с ОКПД 2 26.40.33.110: Видеокамеры¹³.

Однако ответственность за нарушение данного запрета в ч. 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ не предусмотрена.

По вопросу квалификации административных правонарушений А. В. Куракин и А. Д. Бадулин обращают внимание на то, что «как составная часть деятельности компетентных должностных лиц (органов) по применению законодательства об административных правонарушениях квалификация

⁸ Решение Саратовского УФАС России от 7 июля 2016 г. № 218-16/гз о признании жалобы необоснованной. URL: <https://br.fas.gov.ru/>

⁹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа по делу № А68-13440/2014 от 10 марта 2016 г. URL: <https://kad.arbitr.ru/>

¹⁰ См., напр.: Письмо Федеральной антимонопольной службы от 21 мая 2014 г. № АЦ/20578/14 ; Письмо Федеральной антимонопольной службы от 17 октября 2014 г. № ИА/42194/14 ; Письмо Федеральной антимонопольной службы от 9 февраля 2015 г. № АЦ/5147/15 ; Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 19 сентября 2017 г. № 24-06-06/60727 ; Письмо Федеральной антимонопольной службы от 9 апреля 2019 г. № МЕ/28771/19 и Министерства просвещения Российской Федерации от 10 апреля 2019 г. № АН-439/09. Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См., напр.: Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : утв. Президиумом Верхов. Суда Рос. Федерации 28 июня 2017 г. // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2017. № 12.

¹² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 40, ст. 5748 ; 2019. № 21, ст. 2564 (утратил силу).

¹³ Постановление Мордовского УФАС России от 5 марта 2018 г. о назначении административного наказания по делу № 102 об административном правонарушении. URL: <https://br.fas.gov.ru/>

представляет собой мыслительный процесс того или иного лица, заключающийся в сопоставлении признаков совершенного деяния с признаками, включенными законодателем в конструкцию определенного состава. Результатом этого сопоставления является правовая оценка совершенного деяния. Данная оценка заключается в выводе о том, что деяние содержит признаки состава административного правонарушения, предусмотренного той или иной статьей КоАП РФ» [8, с. 63].

Административно-юрисдикционная деятельность должна быть четко регламентирована законом. Полагаем, что без внесения изменений в КоАП РФ, направленных на устранение противоречий между регулятивными и охранительными нормами права, вопрос о противоправности включения государственными и муниципальными заказчиками в состав одного лота различных товаров, работ, услуг будет оставаться дискуссионным.

Учитывая изложенное, считаем необходимым уточнить диспозицию части 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ, изложив ее следующим образом:

«4.1. Включение в описание объекта закупки требований и указаний в отношении товарных знаков, знаков обслуживания, фирменных наименований, патентов, полезных моделей, промышленных образцов, наименования места происхождения товара или наименования производителя, требований к товарам, информации, работам, услугам при условии, если такие требования влекут за собой ограничение количества участников закупки, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок, или включение в состав одного лота, объекта закупки товаров, работ, услуг, технологически и функционально не связанных между собой, если такое действие привело или могло привести к ограничению конкуренции».

Частью 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность в размере не менее десяти тысяч рублей и не более пятидесяти тысяч рублей. Штраф налагается на должностных лиц. Вместе с тем санкция в ч. 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ определяется таким образом, что повторность совершения правонарушения не может быть учтена, поскольку налагаемый штраф устанавливается в размере 1 % начальной (максимальной) цены контракта.

В настоящее время высказывается мнение о необходимости усиления мер ответственности

за правонарушения в сфере государственных закупок. Однако это предлагается делать системно и с учетом индивидуального подхода. Так, по мнению И. В. Курлевского и Г. В. Огриной, «нельзя исключать человеческий фактор: подобное нарушение может быть связано с формальной ошибкой, потому исключение допущения подобных ошибок является нерациональным. Если должностное лицо вследствие ошибки или недостаточной внимательности совершило правонарушение и после спустя долгий период времени столкнулось с этим, считаем, что мера усиления ответственности будет излишней. В случае, когда должностное лицо отнеслось к совершенному ранее правонарушению без должной серьезности и осознания и вновь совершило его в течение 3 лет с момента совершения первого, мера ответственности должна быть ужесточена» [9, с. 91]. А. С. Телегин и Н. В. Тиунова предлагают «в каждой статье КоАП РФ, которая закрепляет составы административных правонарушений, предусмотреть дополнительную часть с самостоятельным квалифицирующим признаком повторности с более строгой санкцией» [13, с. 647].

Учитывая мнения ученых, полагаем, что усилить меры ответственности за правонарушения в сфере государственных и муниципальных закупок может дополнение ст. 7.30 КоАП РФ частью 4.3 следующего содержания:

«4.3. Действия, предусмотренные частью 4.1 настоящей статьи, совершенные должностным лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное административное правонарушение более двух раз, –

влекут наложение административного штрафа в размере от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей или дисквалификацию на срок от одного года до двух лет».

Указанная охранительная норма права позволит правоприменителю исключить из сферы государственных и муниципальных закупок лиц, в отношении которых ранее принятые меры административной ответственности оказались неэффективными. Тем самым будут достигнуты цели административного наказания, установленные в ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ, согласно которым административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.

При противодействии нарушениям в сфере государственных и муниципальных закупок, кроме административно-правовых средств воздействия, контрольно-надзорными органами также используются и гражданско-правовые средства. Так, нарушение требований к описанию объекта закупки или нарушение требований к составу объекта закупки может послужить основанием для признания недействительным контракта, заключенного по итогам такой закупки.

Например, в ходе рассмотрения дела № А46-20467/2019 Арбитражным судом Омской области было установлено, что действия заказчика не соответствуют положениям ст. 33 Закона о контрактной системе, а также содержат признаки ограничения конкуренции путем создания преимущественных условий для участия в торгах (п. 2 ч. 1 ст. 17 Закона о защите конкуренции) и ограничения количества участников закупки. Заказчиком в нарушение требований Закона о контрактной системе в описании объекта закупки установлены требования, влекущие ограничение участников закупки, поскольку указанные в техническом задании характеристики автомобиля в совокупности соответствуют исключительно автомобилю Toyota Camry.

Суд, удовлетворив иски о признании Запдно-Сибирской транспортной прокуратуры,

признал недействительным договор между заказчиком и поставщиком, а также применил последствия недействительности сделки¹⁴.

20 октября 2020 г. постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа решение Арбитражного суда Омской области от 19 мая 2020 г. и постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 13 августа 2020 г. по делу № А46-20467/2019 оставлены без изменения, а кассационные жалобы – без удовлетворения¹⁵.

В заключение необходимо отметить, что при привлечении должностного лица к административной ответственности по ч. 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ в предмет доказывания по делу об административном правонарушении входит установление следующего обстоятельства: действия должностного лица повлекли ограничение количества участников закупки.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что полностью проблема необоснованного привлечения должностных лиц к административной ответственности по ч. 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ не может быть устранена до тех пор, пока будет сохраняться неопределенность понятий «функциональная связь» и «технологическая связь». Необходимо нормативное определение дефиниций указанных понятий.

Список литературы

1. Борисова Л. В., Саволайнен А. А. Виды нарушений и ответственность заказчика в сфере осуществления закупок для обеспечения государственных или муниципальных нужд // Самоуправление. 2019. Т. 2, № 2 (115). С. 38–40.
2. Борисова Л. Н. Применение статьи 2.9 КоАП РФ при рассмотрении дел об административных правонарушениях о злоупотреблениях доминирующим положением // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 4 (99). С. 71–75.
3. Ведяшкин С. В. Охранительная функция административного права: концепт и реализация // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 26. С. 33–44. DOI: 10.17223/22253513/26/3.
4. Ворошилов В. С., Тищенко В. А. К вопросу об административной ответственности за дробление закупок // Baikal Research Journal. 2020. Vol. 11, № 2. С. 20. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.11(2).20.
5. Евсикова Е. В., Севастьянов Е. М. К вопросу о привлечении к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71), № 2. С. 270–281.
6. Кванина В. В. Объединение в один лот товаров, работ, услуг: проблемы правоприменения // Юрист. 2016. № 7. С. 20–27.
7. Кожокар И. П. О правовых дефектах и правовой дефектологии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. (4) 42. С. 558–586. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-558-586.
8. Куракин А. В., Бадулин А. Д. Проблемы реализации мер административной ответственности в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции // Административное и муниципальное право. 2012. № 6. С. 59–66.
9. Курлевский И. В., Огрина Г. В. Административная ответственность за нарушение законодательства о контрактной системе в сфере государственных закупок // Теория и практика общественного развития. 2017. № 4. С. 89–91. DOI: 10.24158/tpor.2017.4.20.
10. Плеханов Д. А. Конструкция «Технологическая и функциональная связь товаров (работ, услуг)» в антимонопольном законодательстве // Вестник Российского университета кооперации. 2016. № 4 (26). С. 135–140.

¹⁴ Решение Арбитражного суда Омской области по делу № А46-20467/2019 от 19 мая 2020 г. URL: <https://kad.arbitr.ru/>.

¹⁵ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа по делу № А46-20467/2019 от 20 октября 2020 г. URL: <https://kad.arbitr.ru/>.

11. Рукавишников С. М. К вопросу о дроблении государственной и муниципальной закупки // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16, № 2. С. 240–244. DOI: 10.19073/2658-7602-2019-16-2-240-244.
12. Спирчагов Г. С. Ответственность в сфере законодательства о контрактной системе // Симбирский научный вестник. 2018. № 1 (31). С. 58–64.
13. Телегин А. С., Тиунова Н. В. Повторность совершения административного правонарушения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 626–650. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-626-650.
14. Юрицин А. Е., Лавров Ю. Б. О некоторых проблемах реализации административной ответственности за нарушения законодательства о контрактной системе в сфере закупок // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14, № 4. С. 105–108. DOI: 10.19073/2306-1340-2017-14-4-105-108.
15. Global Administrative Law and EU Administrative Law. Relationships, Legal Issues and Comparison / ed. by E. Chiti, B. G. Mattarella. Heidelberg : Springer, 2011. 409 c. DOI: 10.1007/978-3-642-20264-3.
16. Sokolov A. Y., Krotov K. S., Batova V. N., Dzhamirze B. Y. The Problems of Administrative Liability for the Unfair Usage of Digital Platforms // Digital Future Economic Growth, Social Adaptation, and Technological Perspectives. Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Т. 111. С. 115–121. DOI: 10.1007/978-3-030-39797-5_12.

References

1. Borisova L. V., Savolainen A. A. Vidy narushenii i otvetstvennost' zakazchika v sfere osushchestvleniya zakupok dlya obespecheniya gosudarstvennykh ili munitsipal'nykh nuzhd [Types of Violations and Responsibility of the Customer in the Field of Procurement of Purchases for Ensuring Government or Municipal Needs]. *Samoupravlenie*, 2019, vol. 2, no. 2 (115), pp. 38–40.
2. Borisova L. N. Primenenie stat'i 2.9 KoAP RF pri rassmotrenii del ob administrativnykh pravonarusheniyakh o zloupotrebleniyakh dominiruyushchim polozheniem [The Application of Article 2.9 of the Administrative Code When Examining Cases on Administrative Offences of Abuse of Dominant Position]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii – Saratov State Law Academy Bulletin*, 2014, no. 4 (99), pp. 71–75.
3. Vedyashkin S. V. Okhranitel'naya funktsiya administrativnogo prava: kontsept i realizatsiya [Protective Function of Administrative Law: Concept and Realization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*, 2017, no. 26, pp. 33–44. DOI: 10.17223/22253513/26/3.
4. Voroshilov V. S., Tishchenko V. A. K voprosu ob administrativnoi otvetstvennosti za droblenie zakupok [On the Issue of Administrative Liability for Split Purchases]. *Baikal Research Journal*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 20. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.11(2).20.
5. Evsikova E. V., Sevastianov E. M. K voprosu o privlechenii k administrativnoi otvetstvennosti za narushenie antimonopol'nogo zakonodatel'stva [To the Question of Administrative Prosecution for Violation of the Antitrust Law]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki – Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, 2019, vol. 5 (71), no. 2, pp. 270–281.
6. Kvanina V. V. Ob"edinenie v odin lot tovarov, rabot, uslug: problemy pravoprimereniya [One Lot Consolidation of Merchandises, Works, Services: Law Application Issues]. *Yurist – Jurist*, 2016, no. 7, pp. 20–27.
7. Kozhokar I. P. O pravovykh defektakh i pravovoi defektologii [On Legal Defects and Legal Defectology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2018, iss. 4 (42), pp. 558–586. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-558-586.
8. Kurakin A. V., Badulin A. D. Problemy realizatsii mer administrativnoi otvetstvennosti v sfere proizvodstva i oborota etilovogo spirta, alkohol'noi i spirtosoderzhashchei produktsii [The Problem of Implementation of Administrative Measures in the Sphere of Production and Sales of Ethyl Alcohol, Alcoholic and Alcohol-Containing Products]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo – Administrative and Municipal Law*, 2012, no. 6, pp. 59–66.
9. Kurlevsky I. V., Ogrina G. V. Administrativnaya otvetstvennost' za narushenie zakonodatel'stva o kontraktnoi sisteme v sfere gosudarstvennykh zakupok [Administrative Responsibility for Violation of Legislation on Contract System in Public Procurement]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*, 2017, no. 4, pp. 89–91. DOI: 10.24158/tpor.2017.4.20.
10. Plekhanov D. A. Konstruktsiya "Tekhnologicheskaya i funktsional'naya svyaz' tovarov (rabot, uslug)" v antimonopol'nom zakonodatel'stve [The Structure "Technological and Functional Relation of Goods (Operations, Services)" in Antimonopoly Legislation]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii – Vestnik of the Russian University of Cooperation*, 2016, no. 4 (26), pp. 135–140.
11. Rukavishnikov S. M. K voprosu o droblenii gosudarstvennoi i munitsipal'noi zakupki [On the Issue of Split of State and Municipal Procurement]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie – Siberian Law Review*, 2019, vol. 16, no. 2, pp. 240–244. DOI: 10.19073/2658-7602-2019-16-2-240-244.
12. Spirchagov G. S. Otvetstvennost' v sfere zakonodatel'stva o kontraktnoi sisteme [Responsibility in the Field of Legislation on Contracting]. *Simbirskii nauchnyi vestnik – Simbirsk Scientific Journal Vestnik*, 2018, no. 1 (31), pp. 58–64.
13. Telegin A. S., Tiunova N. V. Povtornost' soversheniya administrativnogo pravonarusheniya [Repetition of Administrative Offenses]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2019, iss. (4) 46, pp. 626–650. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-626-650.
14. Yuritsin A. E., Lavrov Yu. B. O nekotorykh problemakh realizatsii administrativnoi otvetstvennosti za narusheniya zakonodatel'stva o kontraktnoi sisteme v sfere zakupok [Some Problems of the Implementation of Administrative Responsibility for Violations of the Legislation on Contract System in the Procurement Sphere.]. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii – Vestnik of the Omsk Law Academy*, 2017, vol. 14, no. 4, pp. 105–108. DOI: 10.19073/2306-1340-2017-14-4-105-108.

15. Chiti E., Mattarella B. G. (Eds.). *Global Administrative Law and EU Administrative Law. Relationships, Legal Issues and Comparison*. Heidelberg, Springer, 2011. 409 p. DOI: 10.1007/978-3-642-20264-3.

16. Sokolov A. Y., Krotov K. S., Batova V. N., Dzhmirze B. Y. The Problems of Administrative Liability for the Unfair Usage of Digital Platforms. *Digital Future Economic Growth, Social Adaptation, and Technological Perspectives. Lecture Notes in Networks and Systems*, 2020, vol. 111, pp. 115–121. DOI: 10.1007/978-3-030-39797-5_12.

Дата поступления статьи | Article received date

01.02.2021

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date

24.02.2021

Дата приема к публикации | Article accepted date

04.03.2021

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.9

DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-1-65-75

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ПРИЗНАНИИ ИСКА ОТВЕТЧИКОМ

ДЕРХО Даниил Сергеевич*

✉ derxo@list.ru

Ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия

Аннотация. Изменения, которые внесены законодателем в ст. 333.40 Налогового кодекса Российской Федерации, в части, определяющей порядок возвращения государственной пошлины при признании ответчиком исковых требований, предполагают необходимость их научного осмысления, поскольку допускают существование разных подходов к решению ряда практических задач. Данная статья посвящена анализу изменившегося правового регулирования и выработке оптимальных путей решения некоторых вопросов, связанных с основаниями и порядком возвращения истцу государственной пошлины из федерального бюджета при реализации ответчиком права на признание исковых требований полностью или в части на различных этапах рассмотрения арбитражным судом гражданского дела.

Автором рассмотрены следующие вопросы: каким образом может быть реализовано право на признание иска, какова внешняя форма его выражения; подлежит ли возврату из федерального бюджета государственная пошлина в случае признания ответчиком иска после вынесения определения о принятии искового заявления к производству, но при неисполнении требований в добровольном порядке; каковы основания и условия применения подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ при решении вопроса о возвращении государственной пошлины в случае признания иска в судах апелляционной или кассационной инстанций; подлежит ли возврату из бюджета государственная пошлина в случае отказа истца от иска в части или частичного признания иска ответчиком (и каким образом в таких ситуациях определяется сумма государственной пошлины, подлежащая возврату); подлежит ли возврату из федерального бюджета государственная пошлина в случае утверждения мирового соглашения, если по его условиям размер обязательств между сторонами согласован в меньшем размере, нежели размер ранее заявленных исковых требований, а также если сторонами достигнуто условие о распределении расходов по уплате государственной пошлины.

Ключевые слова: возвращение государственной пошлины; признание иска ответчиком; признание иска в первой инстанции; признание иска в апелляционной или кассационной инстанциях.

* Судья Арбитражного суда Западно-Сибирского округа, доцент кафедры гражданского процесса Сибирского юридического университета, кандидат юридических наук.

Some Issues Regarding the Application of Procedural and Tax Legislation When Recognizing a Claim by the Defendant

Derkho Daniil S.**

✉ derxo@list.ru

12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia

Abstract. Changes made by the legislator to Art. 333.40 of the Tax Code of the Russian Federation, in the part that determines the procedure for the return of the state duty when the defendant recognizes the claims, suggest the need for their scientific understanding, since they admit the existence of different approaches to solving a number of practical problems. This article is devoted to the analysis of the changed legal regulation and the development of optimal ways to resolve some issues related to the grounds and procedure for returning the state duty to the plaintiff from the federal budget when the defendant exercises the right to recognize claims in full or in part at various stages of the arbitration court's civil case.

The Author considers the following questions: how can the right to recognize a claim be exercised, what is the external form of its expression; whether the state fee is subject to return from the federal budget if the defendant recognizes the claim after a ruling on the acceptance of the statement of claim for production is made, but in case of non-fulfillment of the requirements on a voluntary basis; what are the grounds and conditions for the application of Sub. 3 P. 1 of Art. 333.40 of the Tax Code of the Russian Federation when deciding on the return of the state fee in case of recognition of the claim in the courts of appeal or cassation; whether the state fee is subject to return from the budget in the event of the plaintiff's refusal from the claim in part or partial recognition of the claim by the defendant (and how in such situations the amount of the state fee to be returned is determined); whether the state fee is subject to return from the federal budget in the event of an amicable agreement, if, according to its terms, the amount of obligations between the parties has been agreed in a smaller amount than the amount of the previously declared claims, and also if the parties have reached a condition on the distribution of expenses for paying the state fee.

Keywords: return of the state fee; recognition of the claim by the defendant; recognition of the claim in the first instance; recognition of the claim in the appellate or cassation instances.

В процессуальном праве различных юрисдикций сложилось два принципиально различных метода распределения судебных издержек между сторонами: «американское правило», согласно которому каждая сторона несет свои издержки, и «английское правило», согласно которому проигравшая сторона несет издержки обеих сторон [15].

Российскому процессуальному праву присущ второй подход¹, в соответствии с которым общим принципом распределения судебных рас-

ходов (включая расходы по уплате государственной пошлины) выступает возмещение судебных расходов лицу, которое их понесло, за счет лица, не в пользу которого принят итоговый судебный акт по делу², т. е. возмещение издержек правой стороны за счет неправой³.

Вместе с тем статьей 333.40 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) предусмотрены основания для полного или частичного возврата государственной пошлины из бюджета (в том числе при ее переплате,

** Judge of the Arbitration Court of the West Siberian District, Docent of the Department of Civil Procedure at the Siberian Law University, Candidate of Legal Sciences.

¹ Статья 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статья 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. (Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

² Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела». (Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

³ По делу о проверке конституционности статей 15, 16, части первой статьи 151, статей 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1, 2 и 3 статьи 24.7, статей 28.1 и 28.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также статьи 13 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобами граждан Р. А. Логинова и Р. Н. Шарафутдинова : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации № 36-П от 15 июля 2020 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

возвращении заявления, прекращении производства по делу, оставлении судом заявления без рассмотрения, признании иска ответчиком).

По смыслу норм главы 9 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) обязательным условием для возмещения судебных расходов является их реальный характер⁴. Процессуальный закон не предусматривает возможности взыскания с лица, участвующего в деле, судебных расходов в размере, превышающем объем расходов, фактически понесенных стороной⁵, что соотносится с отмечаемой некоторыми авторами юридической литературы правовой природой таких расходов, как процессуальные убытки [3, 9, 11]. Следовательно, по общему правилу, при наличии императивно установленных ст. 333.40 НК РФ оснований для возврата государственной пошлины какая-либо дискреция в выборе способа получения заявителем ранее внесенной им в качестве обязательного сбора денежной суммы (в порядке возврата из бюджета или путем взыскания со стороны, проигравшей спор) отсутствует, и реализации подлежит механизм, предусмотренный ст. 333.40 НК РФ, поскольку соответствующие расходы заявителя утрачивают реальный, фактический (необратимый) характер и не подлежат возложению на процессуального оппонента.

В соответствии с этим вопросы, связанные с определением оснований для возврата государственной пошлины, имеют принципиальное значение и подлежат разрешению арбитражным судом соответствующей инстанции в судебном акте при распределении между сторонами судебных расходов (ст.ст. 112, 168, 170, 271, 289 АПК РФ), что предполагает необходимость выработки единых правоприменительных подходов.

Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 198-ФЗ «О внесении изменений в статью 333.40 части

второй Налогового кодекса Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур»⁶ (далее – Закон № 198-ФЗ) абзац второй подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ изложен в новой редакции, согласно которой при заключении мирового соглашения (соглашения о примирении), отказе истца от иска, признании ответчиком иска, в том числе по результатам проведения примирительных процедур, до принятия решения судом первой инстанции возврату истцу подлежит 70 % суммы уплаченной им государственной пошлины, на стадии рассмотрения дела судом апелляционной инстанции – 50 %, на стадии рассмотрения дела судом кассационной инстанции, пересмотра судебных актов в порядке надзора – 30 %.

1. Каким образом может быть реализовано признание иска? Какова внешняя форма его выражения?

В соответствии с одним из основных начал гражданского законодательства⁷, установленным п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и п. 1 ст. 9 ГК РФ, граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют принадлежащие им гражданские права своей волей, в своем интересе и по своему усмотрению.

В арбитражном процессе названный принцип реализован путем обеспечения равноправия (ч. 1 ст. 8 АПК РФ) и состязательности (ч. 1 ст. 9 АПК РФ) сторон, которые в связи с этим несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий (ч. 2 ст. 9 АПК РФ).

Признание иска является особым распорядительным действием ответчика⁸ [4, с. 51; 6, с. 10] со специальными правовыми последствиями [1, с. 43], которое по смыслу ч. 3 ст. 49 АПК РФ может быть совершено им только в активной форме, т. е. путем непосредственного указания

⁴ Что следует, в том числе, из правовой позиции, содержащейся в определении Конституционного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 1236-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Гавань-два” на нарушение конституционных прав и свобод отдельными положениями статей 59, 61, 101, 110, 112 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, статей 32, 40, 45 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью” и статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» (Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гниденко Вячеслава Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 98 и статьей 214 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 16 дек. 2010 г. № 1593-О-О. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Рос. газ. 2019. 31 июля.

⁷ Как на это, например, указано в постановлении Конституционного Суда РФ от 24 марта 2017 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е. Н. Беспутина, А. В. Кульбацкого и В. А. Чапланова» (Рос. газ. 2017. 5 апр.).

⁸ Пункт 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» (Рос. газ. 2008. 2 июля).

на признание иска в обращенных суду процессуальных документах (например, в письменных пояснениях, отзыве на исковое заявление – ст.ст. 81, 131 АПК РФ) либо в устных пояснениях с занесением их в протокол судебного заседания (ч. 1 ст. 159 АПК РФ).

Отсутствие со стороны ответчика возражений против требований истца полностью или в части, непринятие им мер к их оспариванию, равно как и другие варианты активного и (или) пассивного процессуального поведения [5, с. 17; 10, с. 56], включая признание обстоятельств, на которые указывает оппонент (чч. 2, 3, 3.1 ст. 70 АПК РФ), признанием иска не являются⁹, не позволяют суду использовать предусмотренный ч. 4 ст. 170 АПК РФ упрощенный порядок составления мотивировочной части решения и не создают условий для возвращения истцу из бюджета государственной пошлины по основаниям абзаца второго подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ¹⁰.

Статья 112 и ч. 5 ст. 170 АПК РФ обязывают суд первой инстанции при разрешении спора по существу распределить между сторонами судебные расходы, отразив результаты такого распределения в содержании принятого решения.

Неправильное разрешение этого вопроса, например, вследствие оставления судом первой инстанции без внимания факта признания иска со стороны ответчика (непринятия в связи с этим судом мер к возврату из бюджета 70 % государственной пошлины, уплаченной при подаче иска, и ошибочное распределение ее между сторонами), сопряжено с нарушением норм материального права (НК РФ) и поэтому служит основанием для изменения судебных актов в апелляционном и (или) кассационном порядке (ст.ст. 270, 288 АПК РФ) с приведением соответствующих расчетов в соответствии с законом, что не вызывает затруднений в правоприменительной практике¹¹.

2. Подлежит ли возврату из федерального бюджета государственная пошлина в случае признания ответчиком иска после вынесения определения о принятии искового заявления к производству, но при неисполнении требований в добровольном порядке?

В соответствии с общепринятыми в науке процессуального права подходами признание иска представляет собой адресованное арбитражному суду безусловное согласие ответчика с материально-правовыми требованиями истца [2].

Еще Судебник 1550 г. вслед за более ранним законодательством относил признание стороны к главнейшим доказательствам, исключающим необходимость доказывания по делу. В случае признания ответчиком иска или его части суд должен был выносить решение, основываясь только на этом признании [8].

Действующее процессуальное законодательство (ч. 3 ст. 49 АПК РФ) предусматривает право ответчика при рассмотрении дела в арбитражном суде любой инстанции признать иск полностью или частично. Такое признание принимается арбитражным судом, если оно не противоречит закону и не нарушает права других лиц (ч. 5 ст. 49 АПК РФ), и предоставляет арбитражному суду право указать в мотивировочной части решения только на признание иска ответчиком и принятие его судом (ч. 4 ст. 170 АПК РФ). Следовательно, в случае признания иска ответчиком суд освобождается от необходимости обоснования решения, которым удовлетворяется иск: он не устанавливает фактических обстоятельств, не исследует доказательства и не приводит иные данные, которые должны содержаться в мотивированном судебном акте в соответствии с положениями ст. 170 АПК РФ¹².

В пояснительной записке к Закону № 198-ФЗ и его финансово-экономическом обосновании

⁹ О различиях в правовой природе признания иска и признания стороной обстоятельств, на которой другая сторона основывает свои требования, смотри пп. 3, 4 Рекомендаций Научно-консультативного совета при АС Западно-Сибирского округа «По вопросам, возникающим при применении арбитражного процессуального законодательства Российской Федерации и законодательства об энергоснабжении», утвержденных на заседании Президиума АС Западно-Сибирского округа 15 ноября 2019 г. (Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁰ *Постановление* Восьмого арбитражного апелляционного суда от 11 июня 2020 г. по делу № А46-20107/2019 ; *Постановление* Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 авг. 2020 г. по делу № А60-3191/2020 ; *Постановление* Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 июня 2020 г. по делу № А48-6030/2019. Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ *Постановление* Пятого арбитражного апелляционного суда от 26 марта 2020 г. по делу № А51-9377/2019. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы некоммерческого партнерства «Союз частных перевозчиков» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 65 и статьей 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 27 февр. 2018 г. № 520-О. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

автором законодательской инициативы (Верховный Суд РФ) в качестве цели внесения изменений в ст. 333.40 НК РФ продекларировано дополнительное стимулирование сторон к использованию примирительных процедур. При этом особо отмечено, что основанием взимания государственной пошлины является рассмотрение судом дела заявителя, поэтому уменьшение объема юридически значимых действий, совершаемых судом в ходе рассмотрения дела, должно отражаться и на размере такой пошлины, уменьшение которой возможно после досрочного завершения производства по делу путем возврата части суммы.

Приведенные выше тезисы согласуются с отмечаемой в юридической литературе двойственной правовой природой государственной пошлины, которая, с одной стороны, является обязательным платежом, а, с другой – платой за оказание «специальной» услуги, состоящей в совершении государственным органом специфических действий¹³, взимании государством платы за пользование судами [12].

Телеологическое толкование абзаца второго подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ как юридического стимула к совершению сторонами распорядительных действий, направленных на досрочное завершение судебных разбирательств, позволяет заключить, что сделанное ответчиком после принятия арбитражным судом искового заявления к производству признание иска является самостоятельным основанием для возврата истцу соответствующей части государственной пошлины (в случае разрешения спора в его пользу) из бюджета. При этом, учитывая, что реализация процессуальных последствий признания иска (в части указания в мотивировочной части решения суда только на признание иска и принятие его судом) является правом суда, а не его обязанностью, возврат государственной пошлины следует производить вне зависимости от того, использовано ли такое право судом либо мотивировочная часть решения составлена по общим правилам ст. 170 АПК РФ.

Между тем при решении вопроса о возврате государственной пошлины в случае признания иска ответчиком следует также принять во внимание, что с введением в действие Закона № 198-ФЗ положения абзаца третьего подп. 3

п. 1 ст. 333.40 НК РФ сохранены в неизменной редакции, согласно которой не подлежит возврату уплаченная государственная пошлина при добровольном удовлетворении ответчиком требований истца после его обращения в арбитражный суд и вынесения определения о принятии искового заявления к производству.

Такое соотношение абзацев второго и третьего подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ вызывает затруднения в правоприменении, исходя из того, что признание иска как формализованное распорядительное действие названо законом в качестве основания для возврата истцу государственной пошлины из бюджета с исключением возможности ее последующего возложения на ответчика, тогда как фактическое удовлетворение ответчиком требований истца (т. е. непосредственное достижение искомого материально-правового результата) после вынесения судом определения о принятии искового заявления к производству препятствует реализации соответствующего механизма и предполагает распределение уплаченной при подаче иска государственной пошлины между сторонами по общим правилам ст. 110 АПК РФ.

Подобное нормативное регулирование демотирует ответчика, создавая условия для признания иска, но уклонения при этом от совершения реального исполнения до завершения судебных процедур во избежание дополнительного принятия на себя бремени возмещения уплаченной истцом при подаче иска государственной пошлины, что отчасти идет вразрез с отмеченными выше целями совершенствования примирительных процедур.

Тем не менее абзац третий подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ носит общий характер и равным образом распространяется на все без исключения предусмотренные абзацем вторым подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ процессуальные действия (заключение мирового соглашения, отказ истца от иска, признание ответчиком иска). При этом в отношении случаев отказа от иска в п. 11 постановления Пленума ВАС РФ от 11 июля 2014 г. № 46 «О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах»¹⁴ (далее – Постановление № 46) содержится прямое разъяснение о том, что если отказ от иска связан с добровольным

¹³ Кавелина Н. Ю. Комментарий к Федеральному закону от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

удовлетворением ответчиком заявленных требований после подачи искового заявления в арбитражный суд, то государственная пошлина не возвращается. Более общий подход выражен в п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела»¹⁵ (далее – Постановление № 1), где указано, что в случае добровольного удовлетворения исковых требований ответчиком после обращения истца в суд и принятия судебного решения по такому делу судебные издержки подлежат взысканию с ответчика независимо от того, заявлен ли истцом отказ от иска¹⁶.

Правовых и фактических оснований для применения к институту признания иска ответчиком иного подхода, отличного от случаев отказа истца от иска, не имеется.

Таким образом, добровольное удовлетворение ответчиком требований истца после его обращения в арбитражный суд и вынесения определения о принятии искового заявления к производству исключает возврат истцу государственной пошлины, в том числе при признании иска ответчиком, и предполагает реализацию общего порядка распределения соответствующей части судебных расходов между сторонами (ст. 110 АПК РФ).

3. Каковы основания и условия для применения подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ при решении вопроса о возвращении государственной пошлины при признании иска в судах апелляционной или кассационной инстанций?

Часть 3 ст. 49 АПК РФ позволяет ответчику реализовать право на признание иска (как полностью, так и в части) при рассмотрении дела в арбитражном суде любой инстанции, что применительно к современной редакции абзаца второго подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ предполагает необходимость возврата истцу соответствующей части уплаченной при подаче иска государственной пошлины, в том числе в тех случаях, когда о признании иска ответчиком заявлено при решении апелляционной и кассационной жалоб

(с одновременным изменением судебных актов нижестоящих инстанций в части указания на порядок распределения судебных расходов).

Поскольку такое нормативное регулирование потенциально может быть использовано недобросовестным ответчиком неправовым образом, (например, путем обращения с апелляционной или кассационной жалобой по делам, завершившимся удовлетворением исковых требований, исключительно в целях последующей подачи заявления о признании иска для освобождения от части присужденной в пользу истца компенсации судебных расходов), к решению вопроса о порядке применения абзаца второго подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ в судах последующих инстанций могут быть предложены различные подходы.

Первый подход состоит в том, что признание иска в апелляционном и кассационном судах может быть заявлено ответчиком и принято судом (с возвратом 50 % и 30 % государственной пошлины, уплаченной при подаче иска, соответственно) вне зависимости от результата разрешения спора в суде первой инстанции.

Такая позиция основана на грамматическом толковании ч. 3 ст. 49 АПК РФ, которая не ставит возможность реализации ответчиком права на признание иска в апелляционном или кассационном судах в какую-либо зависимость от результатов разрешения спора в предыдущих судебных инстанциях.

Придерживаясь подобного подхода, апелляционные суды¹⁷ принимают признание иска ответчиком и возвращают из бюджета 50 % уплаченной истцом при подаче иска государственной пошлины (с внесением соответствующих изменений в решение суда первой инстанции и перераспределением судебных расходов), в том числе в тех случаях, когда решением суда иск был удовлетворен и его признание на стадии рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции привело лишь к освобождению ответчика от обязанности по возмещению истцу части судебных расходов по уплате государственной пошлины, возвращенной судом апелляционной инстанции из бюджета.

¹⁵ Рос. газ. 2016. 1 марта.

¹⁶ Аналогичная позиция приведена в определении Верховного Суда РФ от 10 марта 2020 г. № 18-КГ19-170 (Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁷ Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 5 июня 2020 г. по делу № А51-18882/2019 ; Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 февраля 2020 г. по делу № А55-21289/2019 ; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 июля 2020 г. по делу № А60-44151/2019. Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Представляется, что при формальном соответствии положениям части 3 статьи 49 АПК РФ и абзаца второго подпункта 3 пункта 1 статьи 333.40 НК РФ обозначенный подход входит в смысловое противоречие с отмеченными выше целями совершенствования примирительных процедур и вместо стимулирования досрочного завершения судебных разбирательств создает основания для обжалования ответчиками положительных для истцов судебных актов исключительно с целью формальной реализации механизма признания (уже удовлетворенного) иска в вышестоящих судах для уменьшения бремени судебных расходов, что, во-первых, противоречит общепризнанным представлениям об оптимальном состоянии процессуального права, которое должно гарантировать: экономическую эффективность судебных расходов; исключение ненужных затрат на процесс; распределение расходов по принципу причинителя [13], а, во-вторых, является частным случаем злоупотребления правом в сфере налогообложения (оптимизацией фискальных издержек в обход закона [14], которое не может быть пресечено общими мерами налогового контроля и поэтому подлежит судебному контролю.

Отсюда вытекает *второй подход*¹⁸, который заключается в том, что механизм признания иска в судах последующих инстанций может быть реализован исключительно при сохранении своего процессуального смысла.

В этом случае предусмотренная абзацем вторым подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ «шкала» возвращаемой при признании иска в судах первой, апелляционной и кассационной инстанций государственной пошлины (70 %, 50 % и 30 %) толкуется совместно с декларируемыми законодателем целями совершенствования примирительных процедур – досрочным завершением судебных разбирательств (т. е. реально достигнутой процессуальной экономией).

Иными словами, если исковые требования признаны ответчиком при разрешении спора в суде первой инстанции и цели правосудия достигнуты уже на этом (начальном) этапе,

то из бюджета истцу возвращается 70 % уплаченной при подаче иска государственной пошлины, как следствие достигнутого признанием иска положительного эффекта – скорейшего завершения судебных разбирательств. Если в суде первой инстанции иск не признан и спор разрешен по существу, то дальнейшее признание ответчиком иска в апелляционном суде сохраняет процессуальный смысл лишь по той части требований, в удовлетворении которой решением суда отказано. Именно в этом случае принятие апелляционным судом признания иска достигает требуемого эффекта – процессуальной экономии в достижении итогового результата (которым является удовлетворение иска¹⁹), но поскольку соответствующее признание состоялось (привело к окончательному итогу) на более позднем этапе, то сумма возвращаемой из бюджета государственной пошлины снижается до 50 %. Аналогичная логика транслируется на разрешение спора в кассационном суде, где возврат 30 % уплаченной истцом при подаче иска государственной пошлины становится возможным лишь по той части требований, в удовлетворении которой судами первой и (или) апелляционной инстанций отказано.

Существует также *третий подход*²⁰, при котором возможность реализации процедуры признания иска с последующим возвратом истцу из бюджета части государственной пошлины сохраняется для ответчика в судах апелляционной и кассационной инстанций независимо от результата разрешения спора на предыдущих стадиях разбирательств, но может быть ограничена при установлении судом факта злоупотребления ответчиком процессуальным правом на обжалование судебного акта исключительно в целях осуществления «последующего» признания иска и безосновательного освобождения от части судебных расходов (ч. 2 ст. 41, ст. 111 АПК РФ).

Устойчивой судебной практике по данному вопросу только предстоит сложиться, однако представляется, что на данном этапе более перспективен именно третий подход как соответствующий буквальному толкованию

¹⁸ Как, например, в постановлении Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 февраля 2020 г. по делу № А61-2851/2019 (Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁹ По аналогии с ч. 2 ст. 326¹ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которой в случае признания ответчиком иска и принятия его судом апелляционной инстанции принимается решение об удовлетворении заявленных истцом требований.

²⁰ Сходный по своим основаниям с разъяснениями, приведенными в п. 22 Постановления № 1 относительно случаев злоупотребления истцом правом на уменьшение размера исковых требований.

применимых норм процессуального и налогового законодательства, но при этом учитывающий дискреционные полномочия суда, позволяющие в каждом конкретном деле выявить (при наличии) злоупотребление процессуальными правами и пресечь их.

4. Подлежит ли возврату из бюджета государственная пошлина в случае отказа истца от иска в части или частичного признания иска ответчиком, и каким образом в таких ситуациях определяется сумма государственной пошлины, подлежащая возврату?

В тексте абзаца второго подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ не содержится прямого указания на случаи отказа истца от части иска и частичного признания иска ответчиком, в связи с этим в судебной практике сложилось два правовых подхода относительно возможности применения в подобных ситуациях соответствующего правового механизма возврата государственной пошлины.

Согласно *первому подходу*²¹, основанному на грамматическом толковании рассматриваемой нормы права, уменьшение объема юридически значимых действий, совершаемых в ходе рассмотрения дела судом по причине частичного признания иска ответчиком с учетом требований ст. 170 АПК РФ, не является основанием для применения абзаца второго подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ.

Уплаченная при обращении в арбитражный суд государственная пошлина может быть возвращена истцу из федерального бюджета в размере 70 %, 50 % или 30 % (в зависимости от судебной инстанции, в которой реализовано соответствующее распорядительное действие) от суммы уплаченной им государственной пошлины только в случае полного отказа истца от иска или признания ответчиком исковых требований в полном объеме либо в части, но в ситуации, когда часть требования представляет собой самостоятельный предмет (например: одновременно заявлены имущественное и неимущественное требования). Соответственно, при частичном отказе от иска или частичном

признании иска в рамках одного требования (например, имущественного требования, подлежащего оценке) положения абзаца второго подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ не применяются.

Согласно *второму подходу*²² положения абзаца второго подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ применяются и при отказе от иска в части или частичном признании иска.

Как указано в пояснительной записке к Закону № 198-ФЗ, целью его принятия являлось дополнительное стимулирование сторон к использованию примирительных процедур. В силу ст. 138² АПК РФ к примирительным процедурам относятся переговоры, посредничество, в том числе медиация, судебное примирение, а также иные процедуры, не противоречащие федеральному закону.

Распорядительные действия по признанию иска и отказу от иска, в том числе частичном), как правило, являются следствием проведенных сторонами переговоров (письменных или устных), осуществляемых согласно ч. 2 ст. 138³ АПК РФ на условиях, определяемых сторонами.

При этом результатами примирения лиц, участвующих в деле, по ст. 138⁶ АПК РФ могут быть: 1) мировое соглашение в отношении всех или части заявленных требований; 2) *частичный* или полный отказ от иска; 3) *частичное* или полное признание иска; 4) полный или *частичный* отказ от апелляционной, кассационной жалобы, надзорной жалобы (представления).

Таким образом, исходя из системного толкования приведенных норм в их взаимосвязи, полагаем, что распорядительные действия стороны по частичному признанию иска или частичному отказу от иска, будучи результатом примирительных процедур, в случае их принятия судом являются основаниями для применения абзаца второго подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ. В этом случае арбитражный суд производит возврат из федерального бюджета соответствующей части суммы государственной пошлины (70 %, 50 %, 30 %), приходящейся на ту часть требования, которая признана ответчиком или от которой истец отказался.

²¹ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 23 июня 2020 г. по делу № А46-21420/2019 ; Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 7 июля 2020 г. по делу № А46-298/2020 ; Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 2 июля 2020 г. по делу № А46-147199/2019 (Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

²² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 2 июля 2020 г. по делу № А42-10119/2019 ; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30 июля 2020 г. по делу № А40-281378/2019 ; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 22 июля 2020 г. по делу № А41-103880/2019 ; Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 июля 2020 г. по делу № А62-11654/2019 (Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

Сходные правила длительное время действуют при определении части государственной пошлины, подлежащей возврату истцу из бюджета, и иной части затрат по уплате государственной пошлины, относимой на ответчика в качестве судебных расходов, при добровольном полном или частичном удовлетворении ответчиком исковых требований после обращения истца в суд (абзац третий подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ, п. 11 Постановления № 46, п. 26 Постановления № 1).

Расчет подлежащей возврату истцу пошлины должен производиться с учетом: 1) нормативных правил, регулирующих порядок ее уплаты при подаче искового заявления; 2) объема распорядительного действия (размера и характера требования, от которого отказался истец или которое признал ответчик); 3) судебной инстанции, в которой реализовано соответствующее распорядительное действие (первая, апелляционная, кассационная).

Так, в силу подп. 1 п. 1 статьи 333.22 НК РФ при подаче исковых заявлений, содержащих одновременно требования как имущественного, так и неимущественного характера, одновременно уплачиваются государственная пошлина, установленная для исковых заявлений имущественного характера, и государственная пошлина, установленная для исковых заявлений неимущественного характера.

Аналогичным образом, согласно разъяснениям, содержащимся в п. 22 Постановления № 46, если в заявлении, поданном в арбитражный суд, объединено несколько взаимосвязанных требований неимущественного характера, то по смыслу подп. 1 п. 1 ст. 333.22 НК РФ уплачивается государственная пошлина за каждое самостоятельное требование.

При подаче, например, иска об изменении договора (предполагающего в силу подп. 2 п. 1 ст. 333.21 НК РФ уплату государственной пошлины в размере 6 000 руб.), объединенного с требованием о возмещении убытков в размере 100 000 руб. (предполагающим в силу подп. 1 п. 1 ст. 333.21 НК РФ уплату государственной пошлины в размере: $100\,000 \times 4\% = 4\,000$ руб.) (всего: 6 000 руб. + 4 000 руб. = 10 000 руб.) и последующим признанием ответчиком в суде первой инстанции иска в части 50 000 руб. убытков, возврату истцу будет подлежать государственная пошлина в размере 1 400 руб. ($((4\,000 \text{ руб.}/2) \times 70\%)$), а остальные расходы по уплате государственной пошлины в размере 8 600 руб.

(6 000 руб. + (4 000 руб. – 1 400 руб.)) подлежат распределению между сторонами в зависимости от результата разрешения спора в целом.

Если при тех же обстоятельствах признание части иска о взыскании убытков на сумму 50 000 руб. состоится только в суде апелляционной инстанции, то из 10 000 руб., уплаченных при подаче иска за два исковых требования, возврату истцу будет подлежать государственная пошлина в размере 1 000 руб. ($((4\,000 \text{ руб.}/2) \times 50\%)$), а 9 000 руб. (6 000 руб. + (4 000 руб. – 1 000 руб.)) – перераспределению между сторонами в зависимости от исхода дела.

Следует учитывать также, что поскольку в силу п. 23 Постановления № 46 при частичном удовлетворении требования неимущественного характера, в том числе имеющего денежную оценку (например, требования о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок), расходы по уплате государственной пошлины в полном объеме взыскиваются с противоположной стороны по делу, то и частичное признание ответчиком такого требования (как и частичный отказ от него истцом) не создают оснований для возвращения истцу уплаченной при подаче такого иска государственной пошлины ни полностью, ни в части.

5. Подлежит ли возврату из федерального бюджета государственная пошлина в случае утверждения мирового соглашения, если по его условиям размер обязательств между сторонами согласован в меньшем размере, нежели размер ранее заявленных исковых требований?

Государственная пошлина за подачу искового заявления, как правило, уплачивается до обращения в суд (п. 2 ч. 1 ст. 126 АПК РФ) и по исковым требованиям имущественного характера, подлежащим оценке, поставлена в зависимость от их размера (ст. 333.21 НК РФ). В соответствии с ч. 2 ст. 150 АПК РФ в случае утверждения мирового соглашения арбитражный суд прекращает производство по делу (т. е. по исковому требованию в целом, независимо от цены иска).

В силу прямого указания абзаца второго подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ заключение мирового соглашения предусматривает возврат истцу определенной части (70 %, 50 %, 30 % – в зависимости от судебной инстанции, в которой реализовано данное распорядительное действие) от уплаченной им при подаче иска государственной пошлины.

Таким образом, размер возвращаемой из бюджета суммы не зависит от содержания мирового соглашения (применительно к согласованию сторонами меньшего объема обязательства, чем цена иска), а определяется в процентах от величины правильно исчисленного при обращении в суд фискального сбора.

6. Подлежит ли возврату из бюджета государственная пошлина в случае утверждения мирового соглашения, если сторонами достигнуто условие о распределении расходов по уплате государственной пошлины?

К решению этого вопроса возможны два подхода.

*Первый подход*²³ основан на императивном характере абзаца второго подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ, который в качестве последствий заключения сторонами арбитражного спора мирового соглашения предполагает возврат истцу из бюджета соответствующей части уплаченной при подаче иска государственной пошлины, а не распределение ее между сторонами в порядке ст. 110 АПК РФ. При этом содержащееся в п. 27 Постановления № 1 разъяснение о том, что при заключении мирового соглашения судебные издержки распределяются в соответствии с его условиями, не применимо к решению судьбы государственной пошлины, которая не входит в состав судебных издержек (ст. 101 АПК РФ), является фискальным сбором и в силу этого подчинена специальным и императивным правилам налогового законодательства (ст.ст. 102, 104 АПК РФ, глава 25.3 НК РФ).

Второй подход учитывает особую природу мирового соглашения как сделки, которая подчиняется общим правилам гражданского права о договорах (включая предусмотренную ст. 421 ГК РФ свободу договора), но утверждается судом [7]. Разъяснения, содержащиеся в п. 27 Постановления № 1, в этом случае толкуются расширительно и позволяют сторонам по аналогии процессуального закона (ч. 5 ст. 3 АПК РФ) согласовать, в том числе распределение между собой понесенных истцом расходов по уплате государственной пошлины. При этом отступлений от требований налогового законодательства в таком случае не происходит, поскольку государственная пошлина как фискальный сбор поступила в бюджет, а ее возврат в силу ч. 3 ст. 333.40 НК РФ носит заявительный характер. Распределяя по своей воле соответствующие расходы между собой, и не пользуясь правом на возврат государственной пошлины, стороны не допускают нарушений закона и посягательств на охраняемые интересы других лиц, что обязывает суд утвердить мировое соглашение на достигнутых ими условиях (ч. 5 ст. 49, ст.ст. 139, 141 АПК РФ).

Более предпочтительным в данном случае видится первый подход, как учитывающий общепризнанную императивную природу налогового и процессуального законодательства, которые не оставляют за судом возможность выбора одного из вариантов поведения, а предполагают необходимость возвращения государственной пошлины из федерального бюджета при наличии к тому предусмотренных законом оснований.

Список литературы

1. Алиев Т. Т., Балашов А. Н. Проблемные аспекты реализации права на отказ от иска и на признание иска в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 2. С. 43–46.
2. Арбитражный процесс : учеб. / отв. ред. В. В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2017. 752 с.
3. Бортникова Н. А. Упрощенные производства в гражданском судопроизводстве. М., 2019. 167 с.
4. Бочкарев А. Е. Отказ от иска, признание иска, заключение мирового соглашения и проведение процедуры медиации в суде апелляционной инстанции // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 2 (27). С. 51–56.
5. Бубон К. В. Признание иска ответчиком: все ли очевидно? // Адвокат. 2015. № 8. С. 17–26.
6. Вараксин А. Е. О понятии и признаках распорядительного права в гражданском судопроизводстве // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. 2013. № 17 (308). С. 10–14.
7. Кузнецов С. А. Мировое соглашение в гражданском процессе. Адвокатский кейс : учеб.-практ. пособие. Добрянка : Изд. г. Добрянка Пермск. края, 2015. 48 с.
8. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / под ред. М. А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. 656 с.
9. Скуратовский М. Л. Процессуальная функция гражданского права (на примере общих положений об обязательствах) // Частное право. Преодолевая испытания: к 60-летию Б. М. Гонгало. М. : Статут, 2016. С. 90–97.

²³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28 мая 2020 г. по делу № А43-28108/2019 ; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 4 февр. 2020 г. по делу № А78-10372/2019 ; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 2 июля 2020 г. по делу № А73-12454/2019 ; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22 мая 2020 г. по делу № А70-15536/2019 (Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

10. Солохин А. Е. Примирение сторон в гражданском и арбитражном процессе: история, итоги и перспективы // Третейский суд. 2014. № 5. С. 55–66.
11. Тарасов И. Н. Категория «судебные издержки» в гражданском процессуальном праве // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8. С. 9–12.
12. Baumgärtel G. Chancengleichheit vor Gericht durch Pflichtrechtsschutzversicherung oder Prozeßhilfe? Zugleich ein Beitrag zur Funktion der Prozeßkosten // JuristenZeitung. 1975. № 14. S. 425–430.
13. Müller L. Streitpunkt Parteientschädigung – Das Kriterium der Notwendigkeit bei berufsmässiger Vertretung zur Bestimmung der Parteientschädigung // Aktuelle Juristische Praxis. 2018. № 8. S. 979–989.
14. Ovcharova E., Tasalov K., Osina D. Tax Compliance in the Russian Federation, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, and the United States of America: Forcing and Encouraging Lawful Conduct of Taxpayers // Russian Law Journal. 2019. Vol. 7, № 1. P. 4–54. DOI: 10.17589/2309-8678-2019-7-1-4-54.
15. Snyder E. A., Hughes J. W. The English Rule for Allocating Legal Costs: Evidence Confronts Theory // Journal of Law, Economics, and Organization. 1990. Vol. 6, № 2. P. 345–380.

References

1. Aliev T. T., Balashov A. N. Problemnye aspekty realizatsii prava na otkaz ot iska i na priznanie iska v grazhdanskom sudoproizvodstve [Problematic Aspects of the Exercise of the Right to Withdraw from a Claim and the Acceptance of a Claim in Civil Proceedings]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess – Arbitrazh and Civil Procedure*, 2008, no. 2, pp. 43–46.
2. Yarkov V. V. (Ed.). *Arbitrazhnyi protsess* [Arbitration Process]. 7th ed. Moscow, Statut Publ., 2017. 752 p.
3. Bortnikova N. A. *Uproshchennye proizvodstva v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Simplified Proceedings in Civil Proceedings]. Moscow, 2019. 167 p.
4. Bochkarev A. E. Otkaz ot iska, priznanie iska, zaklyuchenie mirovogo soglasheniya i provedenie protsedury mediatsii v sude apellyatsionnoi instantsii [Nonsuit, Cognovit, Amicable Conclusion and Mediation Procedure in the Appeal Court]. *Vestnik Vladimirovskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2013, no. 2 (27), pp. 51–56.
5. Bubon K. V. Priznanie iska otvetchikom: vse li ochevidno? [Confession of Claim by the Defendant: Is Everything Obvious?]. *Advokat – Advocate*, 2015, no. 8, pp. 17–26.
6. Varaksin A. E. O ponyatii i priznakakh rasporyaditel'nogo prava v grazhdanskom sudoproizvodstve [About Concept and Signs of the Administrative Right in a Civil Procedural Law]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo – Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*, 2013, no. 17, pp. 10–14.
7. Kuznetsov S. A. *Mirovye soglasheniya v grazhdanskom protsesse. Advokatskii keis* [Settlement Agreement in the Civil Procedure. Lawyer Case]. Dobryanka, 2015. 48 p.
8. Fokina M. A. (Ed.). *Kurs dokazatel'stvennogo prava: Grazhdanskii protsess. Arbitrazhnyi protsess. Administrativnoe sudoproizvodstvo* [Course of Evidence: Civil Procedure. Arbitration Process. Administrative Proceedings]. 2nd ed. Moscow, Statut Publ., 2019. 656 p.
9. Skuratovskii M. L. Protsessual'naya funktsiya grazhdanskogo prava (na primere obshchikh polozhenii ob obyazatel'stvakh) [Procedural Function of Civil Law (on the Example of General Provisions on Obligations)]. *Chastnoe pravo. Preodolevaya ispytaniya: k 60-letiyu B. M. Gongalo – Private Law. Overcoming Trials: to the 60th Anniversary of B. M. Gongalo*. Moscow, Statut Publ., 2016, pp. 90–97.
10. Solokhin A. E. Primirenie storon v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: istoriya, itogi i perspektivy [The Conciliation of the Parties in Civil and Arbitration Procedure: History, Results and Prospects]. *Treteiskii sud – Arbitration*, 2014, no. 5, pp. 55–66.
11. Tarasov I. N. Kategoriya «sudebnye izderzhki» v grazhdanskom protsessual'nom prave [The Category of “Legal Costs” in Civil-Procedure Law]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess – Arbitrazh and Civil Procedure*, 2013, no. 8, pp. 9–12.
12. Baumgärtel G. Chancengleichheit vor Gericht durch Pflichtrechtsschutzversicherung oder Prozeßhilfe? Zugleich ein Beitrag zur Funktion der Prozeßkosten. *JuristenZeitung*, 1975, no. 14, pp. 425–430.
13. Müller L. Streitpunkt Parteientschädigung – Das Kriterium der Notwendigkeit bei berufsmässiger Vertretung zur Bestimmung der Parteientschädigung. *Aktuelle Juristische Praxis*, 2018, no. 8, pp. 979–989.
14. Ovcharova E., Tasalov K., Osina D. Tax Compliance in the Russian Federation, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, and the United States of America: Forcing and Encouraging Lawful Conduct of Taxpayers. *Russian Law Journal*, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 4–54. DOI: 10.17589/2309-8678-2019-7-1-4-54.
15. Snyder E. A., Hughes J. W. The English Rule for Allocating Legal Costs: Evidence Confronts Theory. *Journal of Law, Economics, and Organization*, 1990, vol. 6, no. 2, pp. 345–380.

Дата поступления статьи | Article received date

23.01.2021

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date

10.03.2021

Дата приема к публикации | Article accepted date

10.03.2021

УДК 341

DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-1-76-82

ПРИМЕНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫМИ СУДАМИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЧУРКИНА Людмила Михайловна*

✉ lch2015@mail.ru

Ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45, Екатеринбург,
620144, Россия

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме применения международных договоров российскими судами при разрешении споров. Правовые позиции судебных органов, сформированные с учетом норм международных договоров, влияют на содержание национального законодательства. Предметом исследования в данной статье являются нормы национального и международного права, которые выступают юридическим основанием применения международных договоров на внутригосударственном уровне. Рассматриваются положения Конституции Российской Федерации, федерального законодательства, регламентирующие процесс применения международно-правовых актов в национальных судах. Обобщается практический опыт посредством анализа судебной практики, включая практику арбитражных судов. Автор выделяет и описывает характерные особенности российского законодательства и правоприменительной практики, направленных на обязательность применения международных норм в судах России. В статье анализируются вопросы реализации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентной практики Европейского Суда по правам человека в национальной судебной практике. Автор отмечает, что в Российской Федерации закрепление международных стандартов, включая европейские, является возможным благодаря Конституции Российской Федерации, а также иным нормам внутригосударственного права. Особое внимание в статье уделено постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащим указания для судей по применению международных договоров Российской Федерации. Отмечается тенденция возрастания использования международно-правовых норм в процессе рассмотрения дел различных категорий судебными органами, прежде всего Конституционным Судом и Верховным Судом Российской Федерации. На основе проведенного исследования автор делает вывод об обязательности применения международных договоров Российской Федерации для эффективного и справедливого отправления правосудия и необходимости единообразного применения норм международного права на практике, в том числе высшими судебными органами. Правовые позиции данных судов отражают обязанность государства в лице органов власти, должностных лиц, всех правоприменителей соблюдать и применять международные договоры Российской Федерации.

Ключевые слова: применение, международный договор, Конституция РФ, суды, Пленум Верховного Суда РФ, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Генеральное соглашение по тарифам и торговле, Конвенция о дорожном движении.

The Application by National Courts of International Treaties of the Russian Federation

Churkina Lyudmila M.**

✉ lch2015@mail.ru

62/45 8th March st./Narodnoy Voli St., Ekaterinburg,
620144, Russia

Abstract. The article is devoted to the actual problem of the application of international treaties by Russian courts in the settlement of disputes. The legal positions of the judiciary, formed taking into account the norms

* Доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного управления Уральского государственного экономического университета, кандидат юридических наук.

** Docent of the Department of Competitive Law and Antimonopoly Regulation at the Ural State University of Economics, Candidate of Legal Sciences.

of international treaties, affect the content of national legislation. The subject of the research in this article is the norms of national and international law, which serve as the legal basis for the application of international treaties at the domestic level. The article deals with the provisions of the Constitution of the Russian Federation, federal legislation, in accordance with which the process of applying international legal acts in national courts is implemented. Practical experience is summarized by analyzing the actual judicial practice, including the practice of arbitration courts. The Author identifies and describes the characteristic features of Russian legislation and law enforcement practice aimed at the mandatory application of international norms in the courts of Russia. The article analyzes the implementation of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the case-law of the European Court of Human Rights in national judicial practice. The Author notes that in the Russian Federation, the consolidation of international standards, including European ones, is possible thanks to the Constitution of the Russian Federation, as well as other norms of domestic law. The special attention is paid to the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, which contain instructions for judges on the application of international treaties of the Russian Federation. There is a tendency to increase the use of international legal norms in the process of consideration of cases of various categories by judicial bodies, primarily the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation. On the basis of the conducted research, the Author makes the conclusion about the mandatory application of international treaties of the Russian Federation for the effective and fair administration of justice and the need for uniform application of the norms of international law in practice, including by the highest judicial authorities. The legal positions of these courts reflect the obligation of the state, represented by authorities, officials, and all law enforcement agencies, to comply with and apply international treaties of the Russian Federation.

Keywords: application, international treaty, Constitution of the Russian Federation, courts, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, Convention on Human Rights and Freedoms, General Agreement on Tariffs and Trade, Convention on Road Traffic.

Применение национальными судами норм международных договоров Российской Федерации представляет одну из актуальных и сложных проблем в современной юриспруденции. В российской науке международного права существует мнение, что международное право и национальное право являются самостоятельными правовыми системами. Но возникают разногласия по вопросу о реализации международно-правовых норм в самих государствах.

В соответствии с принципом добросовестного выполнения международно-правовых обязательств, государства должны принимать все необходимые меры законодательного, исполнительного характера по их реализации в силу признания данных обязательств общеобязательными [2, с. 167]. Государство в силу своего суверенитета само определяет наиболее эффективные способы выполнения своих международных обязательств, придавая в конституциях или в других законах нормам международного права конкретный юридический статус [4].

В настоящее время применение норм международного права является функцией не только ограниченного круга органов государственной власти, но и судебных органов. Изучение

практики российских судов имеет большое значение для выявления пробелов и недостатков во внутригосударственном законодательстве.

Применительно к Российской Федерации международные договоры закрепляются в российском праве посредством «конституционного способа» [6], т. е. становятся частью российской правовой системы после ратификации в соответствии с чч. 3, 4 ст. 15 Конституции РФ. Последняя в ч. 4 ст. 15 определяет статус международных договоров в Российской Федерации: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Данная конституционная норма устанавливает юридическую силу международных договоров, ратифицированных Российской Федерации [8].

Статус международных договоров в системе федерального законодательства предусмотрен не только в Конституции, но также и ст. 5 Федерального закона «О международных договорах

Российской Федерации»¹, ч. 2 ст. 7 Гражданского кодекса Российской Федерации, ч. 2 ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 3 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которым международные договоры находятся на уровне федеральных законодательных актов, обладая приоритетом в случае конфликта норм российского и международного права [7]. Международные договоры РФ являются обязательными для применения в российской правоприменительной практике.

Среди комплекса правовых актов, которые ориентируют судебные органы на применение международных договоров в своей деятельности, можно выделить Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации»², Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. «Об арбитражных судах в Российской Федерации»³, Арбитражный процессуальный кодекс и др.

Обязательность применения международных договоров подтверждена и постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Российское законодательство не закрепляет юридическую обязанность выполнения постановления Пленума Верховного Суда, но, как правило, они четко исполняются нижестоящими судами в целях обеспечения единообразного толкования законодательства национальными судьями.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 1994 г. № 6 «О выполнении судами постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1993 г. № 3 “О практике судебной

проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей”» Верховный Суд указал нижестоящим судам на необходимость применять ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах⁴. В последующих постановлениях Пленум Верховного Суда РФ неоднократно обращал внимание судов на конституционную обязанность применять нормы международного права, например, в постановлении от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»⁵.

Пленум Верховного Суда РФ принимает также специальные постановления по конкретным видам дел. В частности, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» Пленум указал судам, что необходимо применять нормы международного договора РФ, ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁶. Указание на непосредственное применение норм международных договоров содержится и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12 мая 2016 г. № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства»⁷, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»⁸ и ряде других постановлений.

¹ *О международных договорах* : федер. закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 29, ст. 2757.

² *О судебной системе Российской Федерации* : федер. конституц. закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ : в ред. Федер. конституц. закона от 8 дек. 2020 г. № 7-ФКЗ // Рос. газ. 1997. 6 янв. ; 2020. 11 дек.

³ *Об арбитражных судах в Российской Федерации* : федер. конституц. закон от 28 апр. 1995 г. № 1-ФКЗ : в ред. Федер. конституц. закона от 8 дек. 2020 г. № 7-ФКЗ // Рос. газ. 1995. 16 мая ; 2020. 11 дек.

⁴ *О выполнении судами постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1993 г. № 3 «О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей»* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 29 сент. 1994 г. № 6. URL: <https://resheniya-sudov.ru/2004/315957/>

⁵ *О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 10 окт. 2003 г. № 5 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2003. № 12.

⁶ *О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 24 февр. 2005 г. № 3. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12038961/>

⁷ *О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 12 мая 2016 г. № 18 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2016. № 7.

⁸ *О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 27 июня 2017 г. № 23. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71606204/>

В постановлении от 9 июля 2019 г. № 24 Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил порядок применения ряда международных договоров международного частного права, ратифицированных Российской Федерацией, в частности Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров, Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов, Конвенции для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок⁹.

Наиболее часто применяются нормы Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., ратифицированной Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»¹⁰ при рассмотрении гражданских и уголовных дел, экономических споров.

В научной литературе получила распространение точка зрения о том, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод занимает самостоятельное место в системе источников российского процессуального права; кроме того, авторы отмечают важную роль в отечественной правоприменительной практике постановлений Европейского Суда по правам человека как компетентного органа, деятельность которого направлена на выработку юридической практики по толкованию норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод [1]. А. С. Федина, отмечая важное значение практики Европейского Суда по правам человека для национальной правовой системы, делает акцент на эталонном характере толкования норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод данным судебным органом, что превращает их в «образец такого толкования для всех стран-участниц Конвенции» [5, с. 111]. Автор отмечает, что, несмотря на то, что наша страна не связана постановлениями Европейского Суда по правам человека, при применении исключительно национального законодательства и при опоре на сформировавшиеся в отечественной практике подходы к толкованию норм Конвенции о защи-

те прав человека и основных свобод, без учета толкований Европейского Суда по правам человека, существует риск нарушения положений этого важного международного документа.

По мнению В. Д. Зорькина, выявляемые в судебной практике нарушения прав и свобод «могут быть связаны с дефектами того или иного российского закона, и... подобные дефекты надо исправлять»¹¹. Председатель Конституционного Суда Российской Федерации также отмечает, что задача Европейского Суда по правам человека состоит в указании на подобные дефекты, тогда как российский законодатель должен способствовать их выявлению и устранению. Таким образом, по всеобщему признанию, постановления Европейского Суда по правам человека служат своеобразной лакмусовой бумажкой для национального законодательства, а также стимулом для его совершенствования и либерализации.

Важность Конвенции о защите прав человека и основных свобод, постановлений Европейского Суда по правам человека подчеркивается также в постановлениях Верховного и Конституционного судов Российской Федерации. Так, в соответствии с положениями постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 4-П постановления Европейского Суда по правам человека в части толкования содержания норм, закрепленных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, наравне с самой Конвенцией, определяются как часть российской правовой системы, что обуславливает необходимость принимать их во внимание при регулировании общественных отношений российским законодателем или при применении соответствующих норм права правоприменительными органами¹². Тем самым Конституционный Суд Российской Федерации посредством своих постановлений придает юридическую обязательность нормам Конвенции о защите прав человека и основных свобод [3].

Верховным Судом Российской Федерации в целом ряде постановлений в императивном порядке предписано считать обязательными

⁹ *О применении норм международного частного права судами Российской Федерации* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 9 июля 2019 г. № 24. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72191252/>

¹⁰ *О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней* : федер. закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 14, ст. 1514.

¹¹ *Зорькин В. Д.* Предел уступчивости // Рос. газ. Федер. вып. 2010. 29 окт.

¹² *По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой* : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 26 февр. 2010 г. № 4-П. URL: <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26022010-n>

для судов «правовые позиции Европейского Суда по правам человека, содержатся в его постановлениях, которые были приняты в отношении Российской Федерации»¹³.

Кроме того, положениями Указа Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 на Минюст России возложена обязанность по осуществлению мониторинга правоприменения в целях выполнения постановлений Европейского Суда по правам человека, в связи с которыми необходимы принятие, изменение или признание утратившими силу нормативных правовых актов Российской Федерации¹⁴.

Таким образом, в научной литературе и на законодательном уровне получило закрепление представление о важности постановлений Европейского Суда по правам человека в части трактования положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод как инструмента совершенствования национального законодательства, выявления его пробелов в целях последующего устранения. Начиная со второй половины 1990-х гг., Конституционный Суд начал обращаться к практике Европейского Суда по правам человека [9], а впоследствии ссылки на положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практики Европейского Суда по правам человека стали появляться в постановлениях Верховного Суда РФ. Одним из факторов, обусловивших обращение российских судов к европейским стандартам, стало вынесение Пленумом Верховного Суда постановления «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Рос-

сийской Федерации», в соответствии с которым в сфере защиты прав и основных свобод человека первостепенная роль принадлежит именно международным соглашениям и дальнейшее совершенствование законодательной деятельности на внутригосударственном уровне должно быть связано с реализацией положений международного права¹⁵. В то же время, как показывает практика, суды общей юрисдикции не всегда стремятся обращаться к практике Европейского Суда по правам человека при вынесении решений.

Следует отметить, что российские суды ссылаются и на другие международные правовые акты, кроме Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Так в ряде дел Арбитражный суд Амурской области на основании общих принципов и общих правил, установленных статьей VII Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года¹⁶ и Соглашением по применению статьи VII ГАТТ 1994 года¹⁷, ч. 1 ст. 2 Соглашения между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 25 января 2008 г. «Об определении таможенной стоимости товаров, перемещаемых через таможенную границу таможенного союза», ратифицированного Федеральным законом от 22 декабря 2008 г. № 258-ФЗ¹⁸, оценивал доводы таможенного органа по определению действительной стоимости ввозимых товаров для таможенных целей¹⁹. Этим же арбитражным судом применялись Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам²⁰, а также Конвенция, отменяющая

¹³ О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 31 окт. 1995 г. № 8 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 1996. № 2 ; О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 // Там же. 2013. № 8.

¹⁴ О мониторинге правоприменения в Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 (ред. от 25 июля 2014 г.) (вместе с «Положением о мониторинге правоприменения в Российской Федерации») // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 21, ст. 2930.

¹⁵ О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 10 окт. 2003 г. № 5 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2003. № 12.

¹⁶ Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902339370>

¹⁷ Соглашение по применению статьи VII ГАТТ 1994 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902340081>

¹⁸ О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 25 января 2008 г. «Об определении таможенной стоимости товаров, перемещаемых через таможенную границу таможенного союза» : федер. закон от 22 дек. 2008 г. № 258-ФЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902134829>

¹⁹ Обзор судебной практики рассмотрения дел, связанных с применением в судебных актах Арбитражного суда Амурской области общепризнанных принципов и норм международного права. URL: <http://amuras.arbitr.ru/node/15062>

²⁰ Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 19 июня 1992 года // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 13, ст. 612.

требование легализации иностранных официальных документов²¹ при оценке довода таможенного органа о том, что экспортная декларация не может рассматриваться судом в качестве доказательства, в связи с тем, что заявителем не представлены доказательства легализации данного документа в установленном порядке.

Рассматривая заявление ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет» о признании незаконным постановления Территориального управления Федеральной службы финансово-бюджетного надзора, в соответствии с которым университет был привлечен к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), выразившегося в осуществлении валютных операций в виде выдачи заработной платы нерезиденту не через банковский счет, а наличной валютой Российской Федерации, суд сослался на ст. 5 Конвенции № 95 Международной организации труда «Относительно защиты заработной платы»²², которая предусматривает, что заработная плата не может быть выплачена непосредственно работнику, если федеральным законом установлен иной порядок выплаты²³.

Часть 3 ст. 13 Конвенции о дорожном движении²⁴ была применена судьей Свободненского городского суда при рассмотрении жалобы К. на постановление мирового судьи, которым она была признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ (выезд на сторону дороги, предназначенную для встречного движения). Согласно ч. 1 ст. 13 Конвенции о дорожном движении водитель транспортного средства должен при любых

обстоятельствах сохранять контроль за своим транспортным средством, с тем, чтобы соблюдать необходимую осторожность и быть всегда в состоянии осуществлять любые маневры, которые ему надлежит выполнить²⁵.

При рассмотрении споров по исковым заявлениям граждан к Управлению Пенсионного Фонда РФ в г. Свободном об оспаривании решения об отказе в назначении трудовой пенсии на льготных основаниях Свободненским судом применяется ст. 9 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, устанавливающая право каждого человека на социальное обеспечение²⁶. В соответствии с вышеуказанной нормой и правовой позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в постановлении от 29 января 2004 г., Свободненский городской суд указывает, что ранее приобретенные права истцов должны быть сохранены и при исчислении стажа, дающего право на досрочное назначение пенсии по старости, следует руководствоваться законодательством, действовавшим в спорный период.

Применение нормы международного договора и практики Конституционного Суда Российской Федерации позволило суду при вынесении решения включить в стаж периоды нахождения в отпуске по уходу за ребенком и периоды нахождения на курсах повышения квалификации²⁷.

Практика российских судов свидетельствует о том, что международно-правовые нормы часто служат не только материальным основанием судебных решений. Нередко международные договоры влияют и на процессуальные вопросы при вынесении решений. Значит, российским судам следует применять международные договоры наряду с национальным правом как самостоятельный правовой аргумент. Судебные решения,

²¹ Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов // Бюл. междунар. договоров. 1993. № 6.

²² Конвенция № 95 Международной организации труда «Относительно защиты заработной платы». URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540465/>

²³ Обзор судебной практики рассмотрения дел, связанных с применением в судебных актах Арбитражного суда Амурской области общепризнанных принципов и норм международного права. URL: <http://amuras.arbitr.ru/node/15062>

²⁴ Конвенция о дорожном движении от 8 ноября 1968 г. // Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностр. гос-вами. М., 1979. Вып. XXXIII. С. 385.

²⁵ Обзор судебной практики рассмотрения дел, связанных с применением в судебных актах Арбитражного суда Амурской области общепризнанных принципов и норм международного права.

²⁶ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : принят 16 дек. 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленар. заседании Генер. Ассамблеи ООН. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429/

²⁷ Обобщение судебной практики по применению судами Амурской области принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации. URL: http://oblsud.amr.sudrf.ru/modules.php?name=document&id=70#_ftnref21

имеющие ссылки на международно-правовые нормы, выглядят более обоснованно.

Более того, важной составляющей эффективного применения норм международного права является единство практики использования данных норм.

В целом следует отметить, что прямое применение международных договоров Российской Федерации имеет большое практическое значение для устранения коллизий в праве, что позволяет эффективно реализовать гарантии защиты прав и интересов физических и юридических лиц.

Список литературы

1. Амплеева Е. Е., Фирсов В. В. Практика Европейского Суда по правам человека по рассмотрению дел в отношении Российской Федерации : учеб. пособие. СПб., 2015. 80 с.
2. Зимненко Б. Л. Международное право и российское право: их соотношение // Московский журнал международного права. 2000. № 3 (39). С. 162–168.
3. Каширкина А. А. Имплементация международно-правовых принципов и норм в национальное законодательство // Международное право и национальное законодательство. М. : Эксмо, 2009. С. 92–111.
4. Тиунов О. И. Принцип добросовестного соблюдения международных обязательств // Международное право и национальное законодательство. М. : Эксмо, 2009. С. 208–224.
5. Федина А. С. Принцип законности в гражданском процессе. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002. 143 с.
6. Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М., 2005. 320 с.
7. Danilenko G. Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice // European Journal of International Law. 1999. Vol. 10, iss 1. P. 51–69. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/10.1.51>.
8. Lukashuk I. Russia's Conception of International Law // The Parker School Journal of East European Law. 1995. Vol. 2. № 1. P. 1–27.
9. Nussberger A. The Reception Process in Russia and Ukraine // A Europe of Rights: The Impact of the ECHR on National Legal Systems / eds.: H. Keller, A. S. Sweet. Oxford, 2008. P. 603–674. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199535262.003.0010.

References

1. Ampleeva E. E., Firsov B. B. *Praktika Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka po rassmotreniyu del v otnoshenii Rossiiskoi Federatsii* [The Practice of the European Court of Human Rights on the Consideration of Cases in Relation to the Russian Federation]. St. Petersburg, 2015. 80 p.
2. Zimnenko B. L. *Mezhdunarodnoe pravo i rossiiskoe pravo: ikh sootnoshenie* [International Law and Russian Law: Their Correlation]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava – Moscow Journal of International Law*, 2000, no. 3 (39), pp. 162–168.
3. Kashirina A. A. *Implementatsiya mezhdunarodno-pravovykh printsipov i norm v natsional'noe zakonodatel'stvo* [Implementation of International Legal Principles and Norms in National Legislation]. *Mezhdunarodnoe pravo i natsional'noe zakonodatel'stvo – International Law and National Legislation*. Moscow, Eksmo Publ, 2009, pp. 92–111.
4. Tiunov O. I. *Printsip dobrosovestnogo soblyudeniya mezhdunarodnykh obyazatel'stv* [The Principle of Conscientious Observance of International Obligations]. *Mezhdunarodnoe pravo i natsional'noe zakonodatel'stvo – International Law and National Legislation*. Moscow, Eksmo Publ., 2009, pp. 208–224.
5. Fedina A. C. *Printsip zakonnosti v grazhdanskom protsesse* [The Principle of Legality in Civil Proceedings]. Tver, Tver State University Publ., 2002. 143 p.
6. Khabrieva T. Ya., Chirkin V. E. *Teoriya sovremennoi konstitutsii* [The Theory of the Modern Constitution]. Moscow, 2005. 320 p.
7. Danilenko G. Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice. *European Journal of International Law*, 1999, vol. 10, iss 1, pp. 51–69. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/10.1.51>.
8. Lukashuk I. Russia's Conception of International Law. *The Parker School Journal of East European Law*, 1995, vol. 2, no. 1, pp. 1–27.
9. Nussberger A. The Reception Process in Russia and Ukraine. *A Europe of Rights: The Impact of the ECHR on National Legal Systems*. Oxford, 2008, pp. 603–674. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199535262.003.0010.

Дата поступления статьи | Article received date
23.01.2021

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date
29.01.2021

Дата приема к публикации | Article accepted date
04.03.2021

УДК 347.94

DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-1-83-91

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СВЕДЕНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ ИЗ СЕРВИСОВ GOOGLE MAPS И «ЯНДЕКС.КАРТЫ», В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРАКТИКЕ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ШКУРОВА Полина Дмитриевна*

✉ kleo23@list.ru

Ул. Калинина, 13, Краснодар, 350044, Россия

Аннотация. Автором проведено актуальное исследование, отражающее возможность предоставления иных средств доказывания в арбитражный суд, а именно сведений, которые могут быть получены с помощью бесплатных сервисов Google Maps и «Яндекс.Карты». Исследована судебная практика, в которой такие средства доказывания отвечают всем критериям оценки, а порой представленные в материалы дела фотоснимки являются единственными доказательствами, подтверждающими те или иные обстоятельства дела. Анализ судебной практики в арбитражном процессе показывает, что фотоснимки с «Яндекс.Карт» и Google Maps чаще остальных приобщаются к материалам дела, когда необходимо установить присутствие объекта на конкретной территории, в том числе периоды его присутствия. Автор в отношении современных средств доказывания применяет термин «непоименованные доказательства», чтобы акцентировать внимание на том, что порядок исследования и оценки таких доказательств до конца не ясен правоприменителю и не закреплён законодателем. Так как действующее арбитражное процессуальное законодательство закрепляет открытый перечень средств доказывания, а в законе отсутствуют специальные указания на порядок оценки и исследования таких доказательств (ч. 2 ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации), употребляемый термин вполне может быть применен к сведениям, которые получают с помощью сервисов Google Maps и «Яндекс.Карты». Последние в свою очередь при определенных условиях (пройдя процесс доказывания) могут являться доказательствами по делу, подтверждающими те или иные факты. В статье делается вывод о том, что существует необходимость в легальном закреплении порядка исследования и оценки «непоименованных доказательств», что подтверждается судебной практикой. В работе также упоминается о предложении Росреестра создать единую базу-сервис объектов недвижимости. При определенной степени объективности и достоверности, думается, данное предложение должно быть поддержано на законодательном уровне и реализовано в обозримом будущем.

Ключевые слова: арбитражное судопроизводство; непоименованные доказательства; сведения, полученные с помощью Google Maps и «Яндекс.Карты»; средства доказывания.

The Use of Information Obtained from “Google Maps” and “Yandex.Maps”, as Evidence in the Practice of Arbitration Courts of the Russian Federation

Shkurova Polina D.**

✉ kleo23@list.ru

13 Kalinina st., Krasnodar, 350044, Russia

Abstract. The Author carries out an up-to-date study reflecting the possibility of providing other means of proof to an arbitration court, namely, information that can be obtained using free services “Google Maps”

* Старший преподаватель кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук.

** Senior Lecturer of the Department of the Organization of Judicial and Prosecutorial-Investigative Activities at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences.

and “Yandex.Maps”. The judicial practice has been investigated, in which such means of proof meet all the evaluation criteria, and sometimes the photographs presented in the case materials are the only evidence that confirm certain circumstances of the case. An analysis of judicial practice in the arbitration process shows that photographs from Yandex.Maps and Google Maps are more often than others attached to the case materials when it is necessary to establish the presence of an object in a specific territory, including the periods of its presence. In relation to modern means of proof, the Author uses the term “unnamed evidence” to emphasize that the procedure for research and assessment of such evidence is not fully clear to the law enforcement officer and is not enshrined by the legislator. Since the current arbitration procedural legislation establishes an open list of means of evidence, and the law does not contain special instructions on the procedure for evaluating and examining such evidence (Part 2 of Article 64 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation), the term used may well be applicable to information received using the Google Maps and Yandex.Maps services. The latter, in turn, under certain conditions (after going through the process of proof) can be evidence in the case, confirming certain facts. The article concludes that there is a need to legally secure the order of research and assessment of “unnamed evidence”, which is also confirmed by judicial practice. The work also mentions the proposal of Rosreestr to create a unified database service for real estate objects. With a certain degree of objectivity and reliability, it seems that this proposal should be supported at the legislative level and implemented in the foreseeable future.

Keywords: arbitral proceedings; innominate evidence; information obtained through “Google Maps” and “Yandex.Maps”; means of proof.

Интерес к современным средствам доказывания постоянно возрастает. Этому способствует наша действительность, это наглядно продемонстрировано в научных исследованиях недавнего периода и отражено в судебной практике. В данном контексте нельзя не сказать о новом взгляде на вещественные доказательства, встречающиеся в судебной практике [1, с. 56–57]; об использовании космических снимков при подтверждении тех или иных обстоятельств [6, с. 31]. В зарубежных странах в настоящее время уделяется особое внимание различным сведениям, полученным с помощью сети Интернет [12].

По справедливому мнению И. В. Решетниковой, «наличие неопределенного перечня доказательств позволило в арбитражном процессе возникнуть квазиновым доказательствам» [9, с. 276].

В настоящее время отсутствуют специальные юридические исследования в отношении использования таких средств доказывания, как сведения, полученные из общедоступных информационных технологий, включая бесплатные геоинформационные системы. Наиболее часто к ним в качестве доказательств обращаются по спорам, связанным с защитой экологических прав и прав на природные ресурсы. Поэтому проблематика их использования для установления фактических обстоятельств по земельным и экологическим спорам, а также вопросы способов собирания, представления, исследования

и оценки таких доказательств представляется актуальной и востребованной.

С развитием технологий появилась возможность использовать в качестве доказательств в судебном процессе сведения, полученные из геоинформационных систем. К ним можно отнести панорамы и фотоснимки с бесплатных сервисов Google Maps и «Яндекс.Карты». Подобные сведения в судебной практике последних лет довольно часто отвечают всем критериям оценки доказательств (хоть и не обладают легальным закреплением не только оценки, но и исследования), поэтому во многих случаях успешно подтверждают определенные факты.

Конечно, привычнее было бы предоставить ряд письменных доказательств в соответствии со ст. 75 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), как-то: топографическую карту, какую-либо схему или поэтажный план БТИ, если речь идет о строении, ввиду недостаточной теоретической разработанности использования панорам из Google Maps и «Яндекс.Карты» по различным категориям судебных дел в арбитражных судах.

Рассмотрим использование панорамных снимков из Google Maps и «Яндекс.Карты» в качестве доказательств, отвечающих всем критериям их оценки.

В данном случае сразу возникает вопрос о том, насколько панорамные снимки будут

достоверными. Так, могут встретиться следующие проблемы:

1. Снимок необходимого места на определенную дату будет отсутствовать.

2. Вместо лиц попавших на панораму граждан могут быть размытые квадраты.

3. В конкретном месте может быть мозаика из каких-либо объектов, т. е. участок на карте собран из фрагментов нескольких снимков за разное время, часто рядом могут находиться летние и зимние снимки, порой погодные условия не позволят выложить снимок в текущем состоянии.

Рассмотрим пример. Направляясь на работу, А. увидел автомобиль, на крыше которого был установлен шар, снимающий панорамы. А. в свою очередь сфотографировал автомобиль и стал ждать на каком из сервисов Google Maps или «Яндекс.Карты» он появится. А. проверял ежедневно данные ресурсы и лишь через два месяца нужная ему панорама появилась в Интернете¹. Таким образом, из данного примера мы видим, что загрузка таких снимков происходит не всегда в реальном времени, а с некоторой задержкой.

4. На снимки могут попасть животные. Как пишет «Российская газета», кот попал в панораму Google Maps: животное лежало в районе площади Торре-Арджентина в Риме². Конечно, такие снимки впоследствии заменяются, а с помощью архивных снимков конкретного участка местности возможно проследить динамику его изменения за определенный промежуток времени [13].

Не стоит забывать и о том, что в зависимости от места панорамные снимки могут быть выполнены в различном пространственном разрешении, т. е. масштаб съемки может быть как увеличен, так и уменьшен.

Как отмечается в теории, при использовании сервисом «Яндекс.Карты» необходимо учитывать следующее:

- не по всем объектам можно провести проверку, сервис охватывает не все участки России, а некоторые объекты специально закрыты из соображений безопасности;

- возможны ошибки и неточности в данных сервиса [2, с. 148].

Но обратимся к законодательству и судебным казусам, чтобы более детально поговорить об использовании таких сведений в качестве допустимых доказательств. Особый интерес вызывают ссылки на такие средства доказывания, а также порядок исследования и оценки данного «непоименованного» средства доказывания в решениях арбитражных судов.

Думается, что поскольку действующее арбитражное процессуальное законодательство в отношении доказательств закрепляет открытый перечень, а в процессуальном законе нет специальных указаний на порядок оценки и исследования таких доказательств, то в таком случае употребляемый термин вполне может быть применен к сведениям, которые получают с помощью карт-сервисов из Google и Yandex. Последние в свою очередь при определенных условиях могут являться доказательствами по делу, подтверждающими те или иные факты.

На основании положений ст. 89 АПК РФ панорамные снимки будут относиться к иным документам и материалам. Конечно же, они должны содержать сведения об обстоятельствах, имеющих значение для правильного рассмотрения дела. В противном случае судом они не будут учтены.

Нельзя не согласиться с И. И. Черных, которая, рассуждая о правовом прогнозировании в сфере гражданского судопроизводства в условиях развития информационных технологий, отмечает, что современные технологии уже осуществляют поиск электронной информации путем обнаружения, сбора и представления сведений, хранящихся на цифровых носителях: в электронных письмах, презентациях, базах данных и любых других документах, способных быть доказательствами в судебном разбирательстве [11, с. 68].

Проанализировав некоторую судебную практику в арбитражном процессе, можно констатировать, что панорамные снимки с yandex.maps и google.maps преимущественно используются в качестве доказательств при установлении присутствия объекта на конкретной территории, в том числе периода такого присутствия.

Например, в деле № А60-29589/2020 Арбитражным судом Свердловской области

¹ Мама, я на панораме: Люди, которые нашли себя на снимках Google и «Яндекса». URL: <https://www.the-village.ru/people/people/271866-ya-popal-na-kartu>

² Кот попал в панораму Google Maps в Риме и стал знаменитостью. URL: <https://rg.ru/2018/07/04/kot-popal-v-panoramu-google-maps-v-rime-i-stal-znamenitostiu.html>

от 15 декабря 2020 г. по иску общества с ограниченной ответственностью «ПРОМАКС» (арендодатель) к обществу с ограниченной ответственностью «СМАРТ РИТЕЙЛ» (арендатор) о взыскании денежных средств установлено следующее.

При расторжении договора аренды арендатором выявлено, что отсутствовала охранно-пожарная сигнализация, установленная в помещении и сданная в эксплуатацию в 2012 г. силами ООО «Свердловский областной отряд быстрого реагирования “Служба спасения «СОВА»», демонтированы оградительные столбики зоны выгрузки товара и нанесен ущерб фасадным защитно-балконным ограждениям главного выхода помещения.

Кроме того, в ходе возврата помещения были установлены еще нарушения, а именно: «в комнате запасного входа требуется демонтаж теплового радиатора с частью теплопровода и монтаж нового взамен, демонтаж входной двери запасного входа с установкой новой и конструкцией рольставней и защитных жалюзи, оградительных столбов зоны выгрузки товара, установка взамен утеранных рольставней главного входа и фасадного окна, требуется демонтаж и установка новой охранно-пожарной сигнализации, восстановление защитной конструкции главного входа».

Все это отражено в акте от 23 апреля 2020 г. возврата помещения от арендатора арендодателю.

Таким образом, арендатор в своем иске просил возместить причиненный ему ущерб. Однако с использованием доказательств, представленных в материалах дела (в частности, данные сервиса Google Maps, по адресу: г. Екатеринбург, ул. Восточная, д. 40, на октябрь 2016 г.), было установлено при исследовании фотопанорамы, что по указанному адресу вмонтированные столбы ограждения отсутствуют. С учетом изложенных выводов, суд отказал в удовлетворении требования истца о взыскании с ответчика расходов на проведение строительных работ по монтажу новых балконных защитных конструкций зоны главного входа помещения, поставке стройматериалов, а также строительных работ по монтажу

защитных столбовых конструкций зоны запасного входа помещения.

Судом также были приняты доводы ответчика в части отсутствия оснований для взыскания с него расходов на проведение строительных работ по монтажу новых балконных защитных конструкций зоны главного входа помещения, поставке стройматериалов, а также строительных работ по монтажу защитных столбовых конструкций зоны запасного входа помещения, поскольку акт передачи помещения не содержит ссылок на наличие вмонтированных столбовых конструкций, а также на удовлетворительное состояние балконной конструкции зоны главного входа помещения³.

Стоит сказать, что фотоснимки в приведенном судебном деле были единственным доказательством. Однако одним из обстоятельств, которые необходимо было выяснить суду, являлся год возведения спорных объектов. Для полноценной оценки необходимо было предоставить технический план от 2016 г., а также сведения из ЕГРН.

При этом распечатанные страницы сервиса Google Maps не всегда являются единственными доказательствами. Довольно часто в судебной практике они приобщаются в совокупности с другими доказательствами. Более того, такие распечатки проверяются непосредственным осмотром.

Так, Шестнадцатый арбитражный апелляционный суд по делу № А77-1156/2019 от 7 декабря 2020 г. установил следующее. Департамент управления имуществом городского округа Самара (далее – департамент) обратился в Арбитражный суд Ульяновской области с иском к индивидуальному предпринимателю Н. В. Бондаренко о взыскании 7 913 322,50 руб. неосновательного обогащения и 389 148,70 руб. процентов за пользование чужими денежными средствами за период с 1 декабря 2017 г. по 30 апреля 2019 г. Определением от 5 ноября 2019 г. Арбитражный суд Ульяновской области передал дело по подсудности в Арбитражный суд Чеченской Республики⁴. Решением суда от 21 июля 2020 г. с предпринимателя в пользу департамента взыскано 1 449 642,53 руб. неосновательного обогащения, в удовлетворении остальной части иска отказано.

³ Решение Арбитражного суда Свердловской области от 15 декабря 2020 г. по делу № А60-29589/2020. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/00c6b516-8d9f-490c-a1d3-dcf83735fa2b/88b46ff7-513a-4051-9ce0-b9b645cb1907/A60-29589-2020__20201215.pdf?isAddStamp=True

⁴ Решение Арбитражного суда Чеченской Республики от 21 июля 2020 г. по делу № А77-1156/2019. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/8b080eaf-8cf6-4836-9e41-6e1bbb130f13/3e18d5e9-db77-4a3f-a703-0f83def922c0/A77-1156-2019__20200721.pdf?isAddStamp=True

В апелляционной жалобе департамент просил решение отменить. По мнению заявителя, суд неправильно применил постановление Правительства Самарской области от 6 августа 2008 г. № 308 «Об утверждении Порядка определения размера арендной платы за земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена, находящиеся на территории Самарской области и предоставленные в аренду без торгов» (далее – постановление № 308) и Решение Думы городского округа Самара от 25 июля 2017 г. № 218 «Об утверждении коэффициентов видов использования земельных участков при определении размера арендной платы за использование земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, находящихся на территории городского округа Самара и предоставляемых для целей, не связанных со строительством, в аренду без торгов» (далее – решение № 218). Суд не учел, что согласно утвержденной постановлением № 308 методике, при использовании земельного участка с двумя и более видами разрешенного использования, значение коэффициента вида использования земельного участка устанавливается по наибольшему значению. Поскольку принадлежащее ответчику здание используется в том числе для размещения турагентств и туроператоров, применению подлежал установленный решением № 218 коэффициент 0,4149809 (п. 4.12), а не 0,0760204 (п. 4.4).

Как видно из материалов дела и установлено судом, предпринимателю на праве собственности принадлежит нежилое здание с кадастровым номером 63:01:0502002:811 площадью 4002,4 кв. м, 1932 г. постройки, расположенное по адресу: Самарская область, г. Самара, Ленинский район, ул. Куйбышева, д. 128. Правом собственности на объект недвижимости зарегистрировано за предпринимателем 28 ноября 2017 г. Здание расположено в пределах земельных участков с кадастровыми номерами: 63:01:0502002:8, 63:01:0502002:11, 63:01:0502002:527, 63:01:0502002:790. При этом часть здания расположена на земельном участке площадью 1064 кв. м., государственная собственность на который не разграничена. Лица, участвующие в деле, данное обстоятельство не оспаривают.

При расчете неосновательного обогащения департамент применил установленный п. 4.12

приложения к решению № 218 коэффициент вида использования земельных участков 0,4149809, установленный для земельных участков под объектами, предназначенными для деятельности туристических агентств и туроператоров. В подтверждение использования земельного участка под размещение туристических агентств департамент представил акт установления фактического использования земельного участка, а также распечатанные страницы сервиса “Google Maps”, других интернет-ресурсов справочного характера, страницы социальных сетей «В контакте» и «Инстаграм» с объявлениями о размещении туристических фирм по адресу спорного здания.

Поскольку представленные сторонами доказательства вызывали сомнения в отношении их относимости и допустимости, суд первой инстанции предложил им произвести совместный осмотр здания на предмет наличия (отсутствия) в нем туристических агентств и туроператоров в спорный период.

Согласно представленному сторонами акту осмотра от 26 февраля 2020 г. нежилое здание с кадастровым номером 63:01:0502002:811 используется под размещение: ресторана, магазинов и офисных помещений на третьем этаже. На момент осмотра офисных помещений сорок одно из них было закрыто, в пяти находились люди, однако туристические фирмы (организации, занимающиеся туристической деятельностью) в них отсутствуют.

На восьми дверях офисов (кабинетах) присутствуют вывески: “ZARDYN studio”, “VictoriaS Club”, «мебельная компания GEDEON», ООО «Строительная компания БИС», «Садоводческое товарищество “Журавли”», «Студия красоты “Beauty Rooms”», «Представительство СРБ», “Studio Julia Leen”, «ООО “Регион Эксперт”».

Установлено также, что на фасаде здания и внутри отсутствуют рекламные вывески и аншлаги с указанием организаций, занимающихся туристической деятельностью. Оценив представленный сторонами акт осмотра в совокупности с иными имеющимися в деле доказательствами, суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о недоказанности департаментом факта размещения в здании туристических агентств и туроператоров и наличии оснований для применения при расчете арендной платы коэффициента 0,4149809⁵.

⁵ Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А77-1156/2019 от 7 декабря 2020 г. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/8b080eaf-8ef6-4836-9e41-6e1bbb130f13/804d57b6-7b52-4d9f-afd9-28dc75b4d50c/A77-1156-2019__20201207.pdf?isAddStamp=True

Следует отметить, что относимость и допустимость доказательств зависит от того, какие именно обстоятельства нужно подтвердить, а не какой вид доказательства представлен и в какой форме оно закреплено (письменной или электронной).

М. К. Треушников справедливо отмечает, что при широком подходе к доказательствам понятие их допустимости смешивается с понятием самих судебных доказательств, что приводит к логическому стиранию граней между этими понятиями [10, с. 157].

Как верно отмечает Е. А. Нахова, «структуру доказательства в логическом смысле образуют суждения, в состав которых входят понятия: субъект и предикат суждения. Путем сопоставления суждения с действительностью можно установить истинно оно или ложно. Понятия обладают определенными свойствами: содержание и объем. Содержание – это совокупность существенных признаков (общих и отличительных) того объекта, который отражен в понятии. Объем понятия – это совокупность предметов, которые в нем отражены, либо класс предметов. Субъект и предикат связаны между собой логической связкой. Суждение является логической формой исходного доказательства. Все исходные доказательства по делу являются высказыванием о фактах и имеют форму единичных суждений» [7, с. 83].

В другом судебном казусе о взыскании арендных платежей с помощью сведений из общедоступных источников «Яндекс.Карты» было подтверждено размещение на земельном участке бетоносмесительной установки⁶. Дополнительных доказательств предоставлено также не было.

Как видим, в некоторых случаях необходимо проверить предпосылку «существование» в отношении здания или сооружения. Наиболее надежным является процедура личного осмотра проверяемого объекта (личный выезд на место). Однако в указанном судебном случае суд воспользовался данными сервиса «Яндекс.Карты». По указанному адресу сервис может выдать фото-, видеосъемку объекта в фронтальном или панорамном виде.

Обратимся к выдержке из постановления Восьмого арбитражного апелляционного суда от 22 февраля 2019 г. по делу № А70-6990/2018: «Из снимков за 15.05.2014, 09.08.2014, 03.06.2015, 17.06.2015, 23.07.2016, следует, что на момент продажи на земельном участке находился незарегистрированный объект недвижимости, на снимках 15.05.2014 и 09.08.2014 отчетливо виден построенный на земельном участке объект, состоящий из 3-х частей, не покрытый крышей; а на снимках от 03.06.2015, 17.06.2015, 23.07.2016, построенный на земельном участке объект, увеличенный в размерах по ширине и имеющий крышу.

Восьмой арбитражный апелляционный суд признал указанные снимки, полученные с сервиса Google Maps, в качестве допустимых доказательств.

Более того, указанные сведения были признаны в соответствии с ч. 1 ст. 69 АПК РФ общеизвестными, так как данный сервис является открытым источником информации, а используемые снимки размещены на серверах компании, а не на устройстве пользователя программы, вследствие чего представленная информация доступна для предметной проверки сторонами»⁷.

В судебной практике также встречаются казусы, когда подобные сведения приобщаются при доказывании пространственно-территориального расположения земельных участков, иных объектов недвижимости, рекламных конструкций и др.

Например, по спору о признании недействительным договора аренды земельного участка, заключенного между предпринимателем и администрацией муниципального района, исследовав и оценив в совокупности представленные документы, включая «Яндекс.Карты», суды пришли к правильному выводу о том, что земельный участок расположен в пределах автомобильной дороги, являющейся собственностью городского поселения. Получается, что с помощью фотоснимков было доказано предоставление земельного участка в аренду ненадлежащим лицом.

В спорах о нарушении правил благоустройства на основании приобщенной к материалам

⁶ Решение Арбитражного суда города Москвы от 5 ноября 2020 г. по делу № А40-144061/20-23-963. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/6f7a768d-6107-47c3-ab61-c7e8b3210bcf/affe3a7b-0149-405b-bff3-38294f07b3a2/A40-144061-2020_20201105.pdf?isAddStamp=True

⁷ Сведения из интернет-источников “Google Earth” и «Яндекс.Карты» как доказательства в гражданском и арбитражном процессе. Допустимы ли? URL: https://zakon.ru/discussion/2020/08/03/svedeniya_iz_internet-istochnikov_google_earth_i_yandekskarty_kak_dokazatelstva_v_grazhdanskom_i_arb

дела распечатки страницы сайта «Яндекс.Карты», содержащей информацию о взаиморасположении объектов капитального строительства, судами установлено, что спорный многоквартирный дом не является угловым. В результате было признано недействительным предписание об устранении незаконно размещенных на многоквартирном доме рекламных конструкций, поскольку сведений рекламного характера они не содержали, а выполняли функцию уличных вывесок.

В другом деле с помощью «Яндекс.Карты» было доказано отсутствие иной возможности организации подъездных путей к складским зданиям юридического лица. Суд пришел к выводу, что работы, выполненные юридическим лицом, непосредственно связаны с его деятельностью, и удовлетворил требование о признании недействительным решения налогового органа.

По спору об отмене решения об отказе в продлении разрешения на строительство суды указали, что в материалы дела представлены документы, включая спутниковый снимок с сайта «Яндекс.Карты», подтверждающие начало строительных работ. Предъявленное требование было удовлетворено. При этом судами признавалось, что использование в качестве доказательств программы «Яндекс.Карты», содержащей панорамные снимки и являющейся общедоступной информацией из сети Интернет, не противоречит законодательству [5, с. 33].

Совершенно верно отмечает М. М. Zubович, что в арбитражном суде должно быть достигнуто точное знание об основаниях применения норм процессуального и материального права в ходе взаимодействия суда как субъекта познания, субъектов доказывания и субъектов информирования в их мыслительно-практической (процессуальной) деятельности [4, с. 134].

В обоснование этого можно привести Определение Арбитражного суда Свердловской области от 23 октября 2019 г. по делу № А60-61416/2017 о назначении повторной экспертизы.

В соответствии с ч. 2 ст. 87 АПК РФ в случае возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или комиссии экспертов по тем же вопросам может быть назначена повторная экспертиза, проведение которой пору-

чается другому эксперту или другой комиссии экспертов.

Проанализировав заключение эксперта, письменные возражения ответчиков к заключению эксперта, ответы эксперта на вопросы ответчиков, суд приходит к выводу о наличии оснований для назначения повторной экспертизы ввиду неполноты сведений, принятых экспертом при проведении экспертизы.

Поводом для проведения повторной экспертизы послужил следующий факт. Судом установлено, что сведения об общем физическом состоянии объектов-аналогов получены путем мониторинга архива предложений в сети Интернет, а также на сервисах Google Maps и «Яндекс.Карты» (панорамы), при этом осмотр указанных объектов-аналогов не проводился⁸.

В настоящее время в Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) обсуждают учреждение государственного геоинформационного сервиса наподобие «Яндекс.Карты». Создание подобной платформы обусловлено тем, что существующие сервисы не дают необходимой точности, хотя судебная практика, приведенная в настоящей статье, подтверждает иное. Однако внедрение такого единого сервиса будет актуально, и информация, содержащаяся в нем, должна являться официальной и достоверной. Думается, что данная идея должна быть поддержана и реализована в ближайшие годы. При этом не стоит забывать, что признак достоверности сведений не выступает конституирующим признаком судебного доказательства [8, с. 123].

В случае появления такого сервиса необходимость использования бесплатных ГИС отпадет. Ведь в настоящее время их использование объясняется судами положениями из «приказа Минэкономразвития России от 17.03.2016 № 145 “Об утверждении состава сведений, содержащихся в кадастровых картах”». Имеющиеся в публичной кадастровой карте инструменты измерения (определение координат точки, расстояний и площадей) характеризуются ограниченной функциональностью. Публичная кадастровая карта предназначена для получения относительно узкого круга общедоступной информации, в частности о границах земельных участков, категории земель, разрешенном использовании

⁸ *Определение Арбитражного суда Свердловской области от 23 октября 2019 г. по делу № А60-61416/2017.* URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/153ca157-a527-4c22-aa89-13650367bbfb/e468fa0e-8d16-40ad-972e-51c2dacd50e5/A60-61416-2017__20191023.pdf?isAddStamp=True

земельных участков, кадастровых номерах и стоимости, форме собственности на земельные участки, здания, сооружения, объекты незавершенного строительства (собственность физических и юридических лиц, собственность публично-правовых образований), о контурах зданий, сооружений или объектов незавершенного строительства. Поэтому к бесплатным ГИС, часть из которых позволяет подсчитывать расстояния и площади территорий различных объектов, включая объекты, не отнесенные к категории недвижимости, в разные временные периоды, а также производить иные геопространственные манипуляции, все чаще обращаются при выстраивании тактики защиты экологических прав и прав на природные ресурсы.

В завершение необходимо отметить, что сведения, полученные с бесплатных сервисов Google Maps и «Яндекс.Карты», признаются арбитражными судами доказательствами. Необходимо учитывать, что данные сведения имеют множество особенностей, ограничивающих их

использование, а также специфику порядка их исследования и оценки.

Все это в совокупности отсылает нас к положениям процессуального закона. Так, А. Т. Боннер, ссылаясь на нормы ч. 2 ст. 89 АПК РФ, совершенно обоснованно констатировал, что иные документы и материалы могут быть получены, истребованы и представлены лишь в порядке, установленном в АПК РФ. Но ведь если подробно разобраться в нормах АПК РФ, в арбитражном процессе не существует какого-либо иного порядка получения, истребования и представления средств доказывания, который не был бы предусмотрен ч. 2 ст. 64 АПК РФ и иными нормами АПК РФ [3].

Сформулировать четкий и конкретный перечень современных источников информации сложно. Поэтому и возникает потребность не просто в открытом перечне средств доказывания, а в легальном закреплении способов их исследования и оценки, что также подтверждается судебной практикой, в частности приведенной в настоящей работе.

Список литературы

1. Боннер А. Т. «Их нравы». Вещественные доказательства в зарубежных и российских судах (попытка сравнительной характеристики), или О вещественных доказательствах немного в шутку, а более – всерьез // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10, № 4. С. 13–57. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-4-13-57.
2. Ветрова И. Ф., Бровкина Н. Д. Интернет-среда как источник получения аудиторских доказательств // Вестник Академии. 2015. № 3. С. 146–150.
3. Громошина Н. А. Цивилистический процесс современной России: проблемы и перспективы : моногр. / под ред. Н. А. Громошиной. М. : Проспект, 2017. 208 с.
4. Zubovich M. M. Арбитражное доказывание в свете теории процессуального взаимодействия // Сибирский юридический вестник. 2010. № 4 (51). С. 130–135.
5. Лунева Е. В. Использование общедоступных информационных технологий в защите экологических прав и прав на природные ресурсы // Lex russica. 2020. Т. 73, № 5. С. 29–40. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.029-040
6. Максимова Т. Г., Светлорусов А. А. Использование космических снимков в качестве доказательств в арбитражном процессе // Экономика. Право. Инновации. 2020. № 1. С. 30–34.
7. Нахова Е. А. К вопросу о логической природе доказывания в гражданском судопроизводстве // Правоприменение в публичном и частном праве : материалы междунар. науч. конф. Омск : Ом. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2019. С. 82–86.
8. Решетникова И. В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. М. : Норма : Инфра-М, 2000. 288 с.
9. Решетникова И. В. Сравнительный анализ правового регулирования доказывания в процессуальном законодательстве России // Проблемы реализации норм, регулирующих доказывание и доказательства в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. СПб. : Петрополис, 2015. С. 273–279.
10. Треушников М. К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М. : Городец, 2016. 304 с.
11. Черных И. И. Правовое прогнозирование в сфере гражданского судопроизводства в условиях развития информационных технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 58–72. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.058-072.
12. Bales S. L. The Trial Presentation Companion: A Step-By-Step Guide to Presenting Electronic Evidence in Courtroom. Aspen Publishers, 2018. 378 p.
13. CORONA Photographs In Monsoonal Semi-Arid Environments: Addressing Archaeological Surveys and Historic Landscape Dynamics Over North Gujarat, India / F. C. Conesa, M. Madella, N. Galiatsatos, A. L. Balbo, S. V. Rajesh, P. Ajithprasad // Archaeological Prospection. 2015. Vol. 22, iss. 2. P. 75–90. DOI: 10.1002/arp.1498.

References

1. Bonner A. T. «Ikh nrayy». Veshchestvennyye dokazatel'stva v zarubezhnykh i rossiiskikh sudakh (popytka sravnitel'noi kharakteristiki), ili O veshchestvennykh dokazatel'stvakh nemnogo v shutku, a bolee – vser'ez [“Their Morals”. Material Evidence

in Foreign and Russian Judicial Systems (an Attempt of Comparative Characteristics), or a Bit Jokingly About Physical Evidence, and Then – More Seriously]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 13–57. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-4-13-57.

2. Vetrova I. F., Brovkina N. D. Internet-sreda kak istochnik polucheniya auditorskikh dokazatel'stv [Internet Environment as a Source of Audit Evidence]. *Vestnik Akademii – Academy Bulletin*, 2015, no. 3, pp. 146–150.

3. Gromoshina N. A. *Tsivilisticheskii protsess sovremennoi Rossii: problemy i perspektivy* [The Civil Process of Modern Russia: Problems and Prospects]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 208 p.

4. Zubovich M. M. Arbitrazhnoe dokazyvanie v svete teorii protsessual'nogo vzaimodeistviya [Judicial Proving in the Light of the Theory of Procedural Interaction]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik – Siberian Law Herald*, 2010. № 4 (51). S. 130–135.

5. Luneva E. V. Ispol'zovanie obshchedostupnykh informatsionnykh tekhnologii v zashchite ekologicheskikh prav i prav na prirodnye resursy [The Use of Public Information Technologies in Protection of Environmental Rights and Rights to Natural Resources]. *Lex Russica*, 2020, vol. 73, no. 5, pp. 29–40. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.029-040.

6. Maksimova T. G., Svetlorusov A. A. Ispol'zovanie kosmicheskikh snimkov v kachestve dokazatel'stv v arbitrazhnom protsesse [Use of Satellite Images as Evidence in Arbitration Proceedings]. *Ekonomika. Pravo. Innovatsii – Economics. Law. Innovations*, 2020, no. 1, pp. 30–34.

7. Nakhova E. A. K voprosu o logicheskoi prirode dokazyvaniya v grazhdanskom sudoproizvodstve [On the Question of the Logical Nature of Evidence in Civil Proceedings]. *Pravoprimenenie v publichnom i chastnom prave – Law Enforcement in Public and Private Law*. Omsk, Dostoevsky Omsk State University Publ., 2019, pp. 82–86.

8. Reshetnikova I. V. *Kurs dokazatel'stvennogo prava v rossiiskom grazhdanskom sudoproizvodstve* [Course of Evidence in Russian Civil Procedure]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2000. 288 p.

9. Reshetnikova I. V. Sravnitel'nyi analiz pravovogo regulirovaniya dokazyvaniya v protsessual'nom zakonodatel'stve Ros-sii [Comparative Analysis of the Legal Regulation of Proof in the Procedural Legislation of Russia]. *Problemy realizatsii norm, reguliruyushchikh dokazyvanie i dokazatel'stva v grazhdanskom, arbitrazhnom i administrativnom sudoproizvodstve – Problems of the Implementation of the Rules Governing Proof and Evidence in Civil, Arbitration and Administrative Proceedings*. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2015, pp. 273–279.

10. Treushnikov M. K. *Sudebnye dokazatel'stva* [Forensic Evidence]. 5th ed. Moscow, Gorodets Publ., 2016. 304 p.

11. Chernykh I. I. Pravovoe prognozirovanie v sfere grazhdanskogo sudoproizvodstva v usloviyakh razvitiya informatsionnykh tekhnologii [Legal Forecasting in the Field of Civil Proceedings in the Context of Development of Information Technologies]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava – Actual Problems of Russian Law*, 2019, no. 6 (103), pp. 58–72. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.058-072.

12. Bales S. L. *The Trial Presentation Companion: A Step-By-Step Guide to Presenting Electronic Evidence in Courtroom*. Aspen Publishers, 2018. 378 p.

13. Conesa F. C., Madella M., Galiatsatos N., Balbo A. L., Rajesh S. V., Ajithprasad P. CORONA Photographs In Monsoonal Semi-Arid Environments: Addressing Archaeological Surveys and Historic Landscape Dynamics Over North Gujarat, India. *Archaeological Propection*, 2015, vol. 22, iss. 2, pp. 75–90. DOI: 10.1002/arp.1498.

Дата поступления статьи | Article received date

26.01.2021

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date

04.03.2021

Дата приема к публикации | Article accepted date

04.03.2021

ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

УДК 343.375

DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-1-92-102

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ: ОТ ПРАКТИКИ К ТЕОРИИ

ДЕРИШЕВ Юрий Владимирович*

✉ derishev.omsk@mail.ru

Ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия

ЧЕКМЕЗОВА Елена Ивановна[▲]

✉ e555@list.ru

Ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия

ТУЛЕВА Динара Даулетбаевна[▼]

✉ tuleva.d@prokuratura.omsk.ru

Ул. Ленина, 1, Омск, 644099, Россия

Аннотация. Внимание к эффективности современного законодательства, его прогностическим оценкам и оптимизации правоприменения в последнее время не ослабевает. Рассмотрение указанных проблем с позиции системного анализа требует творческого взаимодействия различных структур, заинтересованных в совершенствовании государственного строительства, сбалансированном развитии системы права, обеспечении результативности ее воздействия на общество, укреплении законности и правопорядка в стране.

Одной из эффективных форм подобного координационного функционирования является созданный при прокуратуре Омской области Научно-методический совет, среди основных задач которого особое место занимает выработка и обсуждение совместно с представителями правовой науки обоснованных рекомендаций по проблемным вопросам прокурорского надзора, законодательства и правоприменительной практики, консультативных заключений правового характера по вопросам, возникающим в практике прокурорского надзора.

В статье предлагается обсудить отдельные актуальные проблемы правоприменения, поднятые на одном из заседаний Научно-методического совета при прокуратуре Омской области. В частности, рассматриваются проблемные вопросы квалификации по ст. 165 УК РФ (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием) действий лиц, связанных с неправомерным использованием денежных средств ресурсоснабжающих организаций. В связи с этим высказывается позиция, согласно которой процесс квалификации действий лица по экспертируемой норме требует анализа гражданско-правовых отношений.

Во второй части материала рассматриваются проблемные вопросы определения подследственности при производстве по материалам проверок и уголовным делам в отношении лиц, указанных в ст. 447 УПК РФ, но утративших свой статус. При решении данной проблемы действие гл. 52 УПК РФ предлагается

* Заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Сибирского юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

[▲] Доцент кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического университета, кандидат юридических наук, доцент.

[▼] Заместитель председателя Научно-методического совета при прокуратуре Омской области, старший помощник прокурора области по правовому обеспечению.

распространять в полной мере и на указанных в ней специальных субъектов, которые к моменту возбуждения уголовного дела лишились служебного положения, но при условии, что предметом уголовного преследования выступает преступление, совершенное одним из данных субъектов в период обладания им специальным статусом. Кроме того, учет иных особенностей уголовного судопроизводства данного вида должен зависеть от конкретной следственно-судебной ситуации, а подследственность уголовных дел в отношении спецсубъектов, утративших статус, должна определяться по общему правилу гл. 52 УПК РФ.

Ключевые слова: проблемные вопросы квалификации, средства ресурсоснабжающих организаций, гражданско-правовые отношения, специальный статус, момент и особенности возбуждения уголовного дела, уголовное судопроизводство.

Problematic Issues of Qualifying Crimes and Determining the Jurisdiction of Criminal Cases in Relation to Special Subjects: From Practice to Theory

Derishev Yury V.**

✉ derishev.omsk@mail.ru

12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia

Chekmezova Elena I.^^

✉ e555@list.ru

12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia

Tuleva Dinara D.^^

✉ tuleva.d@prokuratura.omsk.ru

1 Lenina st., Omsk, 644099, Russia

Abstract. Attention to the effectiveness of modern lawmaking, its prognostic assessments and optimization of law enforcement has not weakened. The consideration of these problems from the point of view of system analysis requires creative interaction of various structures interested in improving state-building, balanced development of the legal system, ensuring the effectiveness of its impact on society, strengthening the rule of law and order in the country.

One of the most effective forms of such coordination is the Scientific and Methodological Council created under the Prosecutor of the Omsk region, a special task among the many of which the development and discussion, together with legal scholars, of scientifically based recommendations on problematic issues of prosecutor's supervision, legislation and law enforcement practice, legal advisory opinions on issues arising in the practice of prosecutor's supervision.

The article proposes to discuss some actual problems of law enforcement raised at one of the meetings of the Scientific and Methodological Council under the Prosecutor of the Omsk region. In particular, the problematic issues of the qualification of actions of persons under Article 165 of the Criminal Code of the Russian Federation (causing property damage by deception or abuse of trust) related to the misuse of funds of resource-supplying organizations are considered. In this regard, the position is expressed, according to which the process of qualifying a person's actions according to the examined norm requires an analysis of civil law relations.

In the second part of the material, the problematic issues of determining the jurisdiction in the proceedings based on the materials of inspections and criminal cases against persons specified in Article 447 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, but who have lost their status, are considered. In solving this problem, the actions of Chapter 52 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are proposed to be fully extended to the special person specified in it, who at the time of initiating a criminal case lost

** Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Siberian Law University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

^^ Docent of the Department of the Criminal Law and Criminology at Omsk Law Academy, Candidate of Legal Sciences, Docent.

^^ Deputy Chairman of the Scientific and Methodological Council under the Prosecutor of the Omsk Region, Senior Assistant to the Prosecutor of the Region for Legal Support.

their official position, but on the condition that the subject of criminal prosecution is a crime committed by one of these persons during the period of their special status. In addition, consideration of other features of criminal proceedings of this type should depend on the specific investigative and judicial situation, and the jurisdiction of criminal cases against "special persons" who have lost their status should be determined according to the general rule of Chapter 52 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: *problematic issues of qualification, means of resource-supplying organizations, civil-legal relations, special status, the moment and features of the initiation of a criminal case, criminal proceedings.*

На очередном заседании Научно-методического совета при прокуратуре Омской области были рассмотрены отдельные актуальные вопросы правоприменительной практики. В статье анализируется материал, представленный заместителем председателя данного совета старшим советником юстиции Тулевой Д. Д.

1. Проблемные вопросы квалификации действий лиц по ст. 165 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием), связанных с неправомерным использованием денежных средств ресурсоснабжающих организаций.

В соответствии с Жилищным кодексом Российской Федерации (далее – ЖК РФ) структура платы за жилое помещение и коммунальные услуги включает плату за содержание жилого помещения, состоящую из таких элементов, как плата за услуги, работы по управлению многоквартирным домом, за содержание и текущий ремонт общего имущества в многоквартирном доме, за коммунальные ресурсы, потребляемые при использовании и содержании общего имущества в многоквартирном доме, а также плату за коммунальные услуги, потребленные непосредственно в помещении.

Плата за коммунальные услуги, потребленные в помещениях, может выставляться как ресурсоснабжающими организациями, при наличии соответствующего решения общего собрания собственников помещения, так и управляющими организациями либо товариществами собственников жилья, в зависимости от выбранного способа управления многоквартирным домом, на основании соответствующих агентских договоров, заключен-

ных такими организациями с ресурсоснабжающими организациями.

В соответствии с Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» с 1 января 2017 г. на территории Российской Федерации изменен порядок начисления платы за коммунальные услуги, потребленные на общедомовые нужды¹.

Согласно ч. 9.2 ст. 156 ЖК РФ указанная плата начисляется управляющей организацией и товариществом собственников жилья в составе платы за содержание жилого помещения.

Требования к осуществлению расчетов за ресурсы, необходимые для предоставления коммунальных услуг, утверждены постановлением Правительства РФ от 28 марта 2012 г. № 253² (далее – Требования). Согласно п. 3 Требований расчеты за ресурсы, поставленные для предоставления коммунальных услуг на общедомовые нужды в многоквартирном доме, осуществляются в соответствии с данным документом, если иное не определено в договоре ресурсоснабжения. На основании п. 6 Требований платежи исполнителя подлежат перечислению в пользу ресурсоснабжающих организаций и регионального оператора не позднее рабочего дня, следующего за днем поступления платежей потребителей исполнителю.

В производстве правоохранительных органов г. Омска и Омской области находятся материалы проверок и уголовные дела по заявлениям ресурсоснабжающих организаций по фактам наличия задолженности перед ними у управляющих организаций и товариществ собственников жилья за коммунальные услуги, в том числе

¹ О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 29 июня 2015 г. № 176-ФЗ (ред. от 3 апр. 2018 г.) // Рос. газ. 2015. 6 июля ; 2018. 5 апр.

² О требованиях к осуществлению расчетов за ресурсы, необходимые для предоставления коммунальных услуг : постановление Правительства Рос. Федерации от 28 марта 2012 г. № 253 (ред. от 13 июля 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 14, ст. 1651 ; 2019. № 30, ст. 4300.

предоставленные на общедомовые нужды, и в возможном хищении либо расходовании денежных средств, собранных на данные цели с потребителей. Однако в настоящее время имеются сложности, связанные с квалификацией указанных действий.

На основании обзора состоявшихся судебных решений можно сделать несколько выводов о тенденциях наиболее частой квалификации содеянного по ст.ст. 159, 160, 201 УК РФ. При этом удельный вес оправдательных решений судов достаточно высок и касается преимущественно ст.ст. 160 и 201 УК РФ.

Например, судебная коллегия по уголовным делам Мурманского областного суда оставила в силе оправдательный приговор в отношении бывшего генерального директора управляющей компании «ЖЦ» А. В. Ланда. Органами предварительного следствия он обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ (взял в подотчет из кассы 1 550 000 рублей и купил шубу), а также ч. 1 ст. 201 УК РФ (сначала применял заниженные тарифы, которые не позволяли обеспечить нужных объемов ремонтных работ, а потом израсходовал 44 млн рублей, начисленных за оплату коммунальных услуг, в оплату услуг организаций по техническому содержанию и ремонту общего имущества, находящихся в управлении ОАО «УК «ЖЦ»» многоквартирных домов).

Суд не усмотрел в действиях А. В. Ланды состава преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, так как получение денег из кассы предприятия для приобретения шубы было документально оформлено (в подотчет), а потому не являлось безвозмездным. Состав ст. 201 УК РФ суд также не усмотрел, указав следующее: согласно уставу и договорам с собственниками техническое содержание и ремонт общего имущества многоквартирных домов является одной из задач ОАО «УК «ЖЦ»». Суд обоснованно признал, и судебная коллегия с этим соглашается, что оплату генеральным директором выполненных работ по обслуживанию домов нельзя признать действиями, противоречащими законным интересам общества. Факт использования А. В. Ландой для этих целей чужих денежных средств в данном случае не выходит за рамки гражданско-правовой ответственности ОАО «УК «ЖЦ»» перед ресурсоснабжающей ор-

ганизацией, так как не было совершено действий вопреки интересам управляющей компании. Согласно решению арбитражного суда Мурманской области от 22 сентября 2010 г. № А42-1846/2010 не перечисленные управляющей компанией платежи населения за отопление и горячее водоснабжение были взысканы с ОАО «УК «ЖЦ»» в пользу истца как неосновательное обогащение³.

Безусловно, если денежные средства, собранные с потребителей за коммунальные услуги, предоставленные на общедомовые нужды, были израсходованы работниками управляющей организации или товарищества собственников жилья в личных целях безвозмездно, например, путем заключения фиктивных сделок и оплаты невыполненных работ, то данные действия следует квалифицировать по ст. 160 УК РФ.

Что касается фактов расходования указанных денежных средств на цели, связанные с содержанием и ремонтом общего имущества собственников помещений многоквартирных домов, то на территории Российской Федерации также сложилась различная правоприменительная и судебная практика квалификации указанных деяний.

Наиболее распространенной является практика привлечения виновных лиц к ответственности по фактам расходования денежных средств, полученных от потребителей за коммунальные услуги, причитающихся ресурсоснабжающим организациям, по ст. 165 УК РФ – причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения в крупном размере (для ч. 1 ст. 165 УК РФ он должен превышать 250 000 рублей), и особо крупном – 1 500 000 рублей (ч. 2 ст. 165 УК РФ).

Обман или злоупотребление доверием могут быть выражены в том, что руководитель управляющей компании обманывает поставщика коммунальных услуг, сообщая о значительной задолженности со стороны жильцов, или же умалчивает о поступлении денежных средств в определенном объеме, используя доверительные отношения, возникшие из договора и презумпции добросовестности участников гражданско-правовых отношений. Перечисления происходят в меньшем объеме, а поставщик коммунальных услуг полагает, что управляющая компания перечислила все, что ей заплатили жильцы.

³ Кассационное определение Судебной коллегии Мурманского областного суда от 7 августа 2012 года по делу № 22-1814-2012. URL: <https://base.garant.ru/106434016/#friends>

Так, приговором Первоуральского городского суда Свердловской области от 19 августа 2019 г. руководитель управляющей организации признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ. В ходе судебного заседания нашел свое подтверждение способ совершения преступления – злоупотребление доверием представителей ресурсоснабжающей организации. Д. В. Красильников, являясь руководителем управляющей компании, достоверно знал о том, что управляющая компания не может отказаться от выполнения обязательств по поставке тепловых ресурсов населению, в связи с чем получал денежные средства от жителей обслуживаемых многоквартирных домов в полном объеме за фактически поставленные ресурсы. Представители ресурсоснабжающей организации добросовестно полагали, что собранные с населения денежные средства будут перечислены в их адрес. Таким образом, Д. В. Красильников принял на себя обязательства по оплате тепловых ресурсов при заведомом отсутствии у него намерения их выполнить.

В результате умышленных преступных действий Д. В. Красильникова ресурсоснабжающей организации причинен особо крупный имущественный ущерб (не передача должного) в размере 4 492 423,61 рублей.

Помещение задержанных денег на депозитные счета под проценты и другие способы обогащения за счет этих денег без признаков их хищения также образует признаки ст. 165 УК РФ: поставщик коммунальных услуг имеет право на все средства, вырученные от эксплуатации причитающихся ему денежных средств. Следует заметить, что и доктрина, и судебная практика рассматривают в качестве ущерба для ст. 165 УК РФ не только прямые убытки, но и упущенную выгоду.

Вместе с тем при вменении ст. 165 УК РФ также могут возникать определенные сложности. Так, при установлении ущерба следует обратить внимание на следующее. Ущерб устанавливается перед каждым поставщиком коммунальных услуг самостоятельно, так как право собственности у каждого участника гражданско-правовых отношений самостоятельное.

Если управляющая компания зачисляет все платежи от населения на свой счет, требуется вычестить чистую прибыль, на использование которой она претендует, после чего определиться

с дальнейшими действиями. В любом случае для вменения ст. 165 УК РФ нужно четко представлять, что денежные средства, удержанные на расчетном счете и потраченные на обслуживание многоквартирных домов, не относятся к чистой прибыли, а потому управляющая компания не обладает в их отношении правом распоряжения (по своему усмотрению).

Нужно дифференцировать поступившие от жильцов денежные средства, если они зачисляются на один расчетный счет, но являются платой за услуги разных поставщиков коммунальных услуг. Без этого невозможно утверждать, чьи именно денежные средства были удержаны и израсходованы нецелевым образом, какому из поставщиков какой ущерб причинен. Для этого необходимо проведение экспертиз, определение соответствия структуры денежных средств на счете основаниям зачисления. Умысел на причинение ущерба компаниям-поставщикам коммунальных услуг необязательно должен быть конкретизированным: виновное лицо может осознавать, что противоправно удерживает на своих расчетных счетах поступившие денежные средства за коммунальные услуги, использует для этого сложившиеся доверительные отношения, предвидит, что направление их, например, на текущий ремонт повлечет безвозвратное их расходование (т. е. причинит убытки компаниям-поставщикам коммунальных услуг), и желает потратить эти денежные средства (которые подлежат перечислению компаниям-поставщикам) на иные цели, относясь к причиняемому вреду безразлично (или сознательно допуская возникновение убытков у поставщиков коммунальных услуг).

Преступление, предусмотренное ст. 165 УК РФ, может квалифицироваться как продолжаемое преступление, когда виновное лицо использует периодичность поступления платежей от населения, процессы накопления денежных средств на счетах и использует их нецелевым образом по мере накопления, совершая тождественные действия юридически подобными способами.

Следует также отметить, что признак «с использованием своего служебного положения» не закреплен в ст. 165 УК РФ в качестве квалифицирующего, однако это обстоятельство может быть учтено для назначения судом дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности.

С учетом соблюдения указанных условий полагаем, что действия должностных лиц управляющих организаций, не перечисливших поступившие от потребителей коммунальных ресурсов денежные средства на счета ресурсоснабжающих организаций, могут быть квалифицированы по соответствующей части ст. 165 УК РФ.

Отсутствие правоприменительной практики по проведению проверок и расследованию уголовных дел в данной сфере, неоднозначность толкования положений УК РФ могут создать определенные сложности, связанные с привлечением виновных лиц к ответственности.

Квалификация действий лиц по ст. 165 УК РФ требует от правоприменителя учета специфики терминологии нормы и конструкции состава преступления.

Процесс квалификации действий лица по соответствующей части ст. 165 УК РФ требует анализа гражданско-правовых отношений между субъектом и потерпевшим от данного преступления. Необходимо учитывать, что получатели ресурсов уже выполнили свои обязательства, предусмотренные ЖК РФ, а потерпевший (ресурсоснабжающая организация) недополучил или не получил денежные средства в результате противоправных действий лица.

Поддерживая мнение о возможности существования данной модели поведения в виде продолжаемого преступления, считаем целесообразным обратить внимание на следующие моменты.

В материале, предложенном для обсуждения, указано, что наиболее распространенной является практика привлечения виновных лиц к ответственности по фактам расходования денежных средств, полученных от потребителей за коммунальные услуги, причитающихся ресурсоснабжающим организациям, по ст. 165 УК РФ – причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения в крупном размере и особо крупном – 1 500 000 рублей.

В тексте ст. 165 УК РФ имеется указание на два понятия: «крупный размер» и «особо крупный ущерб».

Правоприменителю необходимо обращать внимание на специфику терминологии, соотношение указанных понятий. Понятия «крупный

размер» и «особо крупный ущерб» не определены в примечании к ст. 165 УК РФ. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» разъясняет, что «при решении вопроса о том, имеется ли в действиях лица состав преступления, ответственность за которое предусмотрена статьей 165 УК РФ, суду необходимо установить, причинен ли собственнику или иному владельцу имущества реальный материальный ущерб либо ущерб в виде упущенной выгоды, то есть неполученных доходов, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено путем обмана или злоупотребления доверием, и превышает ли сумма ущерба двести пятьдесят тысяч рублей (пункт 4 примечаний к статье 158 УК РФ)»⁴.

В примечании к ст. 158 УК РФ речь идет о размере, а не об ущербе. Кроме того, размер в ч. 1 ст. 165 УК РФ является свойством действия, а особо крупный ущерб в ч. 2 ст. 165 УК РФ обуславливает последствие.

В материале для обсуждения указано, что признак «с использованием своего служебного положения» не закреплён в ст. 165 УК РФ в качестве квалифицирующего, однако это обстоятельство может быть учтено для назначения судом дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности.

На наш взгляд, целесообразно вести речь не о назначении дополнительного наказания, а о квалификации деяния лица в форме идеальной совокупности по соответствующей части ст. 165 УК РФ и соответствующей части ст. 201 УК РФ, учитывая тем самым специфику статуса субъекта и объект посягательства.

2. Проблемные вопросы определения подследственности при производстве по материалам проверок и уголовным делам в отношении лиц, указанных в ст. 447 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), утративших свой статус.

В соответствии с подп. «б» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ предварительное следствие производится следователями Следственного комитета Российской Федерации по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами, указанными в ст. 447 УПК РФ.

⁴ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 30 нояб. 2017 г. № 48 // Рос. газ. 2017. 11 дек.

Согласно ст. 447 УПК РФ к лицам, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам, отнесены:

- член Совета Федерации и депутат Государственной Думы, депутат законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, депутат, член выборного органа местного самоуправления, выборное должностное лицо органа местного самоуправления;

- судьи Конституционного Суда Российской Федерации, судьи федерального суда общей юрисдикции или федерального арбитражного суда, мировые судьи и судьи конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации, присяжные или арбитражные заседатели в период осуществления им правосудия;

- Председатель Счетной палаты Российской Федерации, его заместители и аудиторы Счетной палаты Российской Федерации;

- Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации;

- Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, а также кандидат в Президенты Российской Федерации;

- прокурор;

- Председатель Следственного комитета Российской Федерации;

- руководитель следственного органа;

- следователь;

- адвокат;

- член избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса;

- зарегистрированный кандидат в депутаты Государственной Думы, зарегистрированный кандидат в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

Нормы уголовно-процессуального законодательства РФ не содержат положений о порядке проведения процессуальных проверок и расследования уголовных дел в отношении лиц, указанных в ст. 447 УПК РФ, утративших свой статус.

Согласно определению Верховного Суда РФ № 71-Дп13-1 положения гл. 52 УПК РФ не распространяются на лицо, не занимающее к моменту возбуждения уголовного дела должность следователя, которая в соответствии со ст. 447 УПК РФ отнесена к особому правовому статусу.

Из определения Верховного Суда РФ следует, что постановлением суда уголовное дело в отношении С. возвращено прокурору области

для устранения препятствий его рассмотрения судом, поскольку в нарушение особого порядка уголовного судопроизводства, предусмотренного гл. 52 УПК РФ, уголовное дело в отношении следователя возбуждено в общем порядке. Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам областного суда постановление суда оставлено без изменения. Президиум областного суда оставил без изменения постановление суда и апелляционное определение.

В надзорном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации просил судебные решения отменить, поскольку на момент возбуждения уголовного дела С. следователем не являлся, так как был уволен из органов внутренних дел по собственному желанию, на него не распространяются нормы гл. 52 УПК РФ как гарантии его правового и социального статуса.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации удовлетворила надзорное представление, а состоявшиеся судебные решения отменила, мотивировав это следующим.

Согласно п. 7 ч. 1 ст. 447 УПК РФ к категориям лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам, предусмотренный гл. 52 УПК РФ, относится следователь. В соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела в отношении следователя следственного органа по району, городу принимается руководителем Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации.

Исходя из конституционно-правового смысла данных норм уголовно-процессуального закона, как и норм гл. 52 УПК РФ в целом, специальный (усложненный) порядок возбуждения уголовных дел и производство по ним в отношении указанной категории должностных лиц, предоставляющий им дополнительные процессуальные гарантии, обеспечивает их защиту при осуществлении публичных профессиональных обязанностей.

Принимая решение о возвращении дела прокурору, суд не привел в своем постановлении нормы уголовно-процессуального закона, которые предусматривали бы возможность распространения особого порядка производства по уголовным делам, установленного гл. 52 УПК РФ, на лиц, не состоящих к моменту возбуждения уголовного дела в должности следователя (уволенных с этой должности, переведенных

на другую должность, не указанную в ст. 447 УПК РФ, и т. п.) и не осуществляющих публичные профессиональные обязанности по расследованию уголовных дел, следовательно, не нуждающихся в особой правовой защите. В связи с этим выводы суда о том, что возбуждение уголовного дела в отношении С., не состоявшего к тому времени в должности следователя или иной должности, указанной в ст. 447 УПК РФ, нарушает требования действующего УПК РФ и является препятствием для рассмотрения дела судом, не основаны на законе.

Исходя из изложенного судебная коллегия отменила постановление суда и последующие судебные решения, а уголовное дело передала на новое рассмотрение в областной суд⁵.

Как представляется, указанную позицию Верховного Суда РФ нельзя признать последовательной, поскольку согласно ст. 4 УПК РФ при производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения, если иное не установлено УПК РФ.

Так, в июле 2019 г. из СО по ЦАО г. Омска СУ СК РФ по Омской области в прокуратуру г. Омска поступил материал проверки в отношении бывшего адвоката по факту мошеннических действий для определения подследственности. При изучении материала проверки установлено, что оспариваемые заявителем незаконные действия адвоката были осуществлены в ноябре 2016 г. Согласно выписке из протокола заседания совета адвокатской палаты Омской области статус адвоката прекращен с 30 августа 2017 г. Таким образом, на момент принятия денежных средств с заявителя за оказание юридической помощи субъект являлся действующим адвокатом, статус которого в соответствии с требованиями УПК РФ отнесен к категории лиц, в отношении которых предусмотрен особый порядок производства по уголовным делам.

На основании изложенного прокуратурой г. Омска данный материал проверки был возвращен в СО по ЦАО г. Омска СУ СК РФ по Омской области для организации проверки в порядке ст. 144 УПК РФ. По результатам проверки старшим следователем СО по ЦАО г. Омска СУ СК РФ по Омской области 22 августа 2019 г.

принято процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 159 УК РФ по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, которое прокуратурой ЦАО г. Омска признано законным и обоснованным.

В связи с неоднозначной правоприменительной практикой по обозначенному вопросу, отсутствием отдельных положений в действующем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации предлагается рассмотреть вопрос закрепления на законодательном уровне порядка производства по материалам проверок и уголовным делам в отношении лиц, указанных в ст. 447 УПК РФ, утративших свой статус на момент принятия в отношении них процессуальных решений.

Нормы гл. 52 УПК РФ должны распространяться на совершивших преступление спецсубъектов и после утраты ими данного статуса.

Поиск оптимальной формы уголовного судопроизводства является перманентной «заботой» отечественного законодателя. Уход от унитарной организации уголовного процесса, как известно, развивался по двум направлениям: а) ускорение и упрощение уголовно-процессуальной формы производства; б) введение дополнительных процессуальных гарантий для участников, которые нуждаются в дополнительной защите в связи с несовершеннолетним возрастом, состоянием психики или особым служебным положением.

Нормы гл. 52 УПК РФ являются именно результатом дифференциации уголовно-процессуальной формы второго направления в сторону ее усложнения и представляют собой определенные изъятия в общем порядке производства по уголовным делам, предусмотренные для указанных в ч. 1 ст. 447 УПК РФ лиц.

Исходя из правовых позиций Конституционного Суда РФ «нормы главы 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в целом предусматривают специальный – усложненный – порядок возбуждения уголовных дел и производства по ним в отношении указанных категорий лиц, предоставляющий им дополнительные процессуальные гарантии, которые, не исключая уголовную ответственность за совершенные преступления, посредством определенного усложнения процедур уголовного преследования обеспечивают их защиту

⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2013 года : утв. Президиумом Верхов. Суда Рос. Федерации 3 июля 2013 г. С. 10–12. URL: https://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=8743

при осуществлении публичных профессиональных обязанностей»⁶.

Действительно, нормы уголовно-процессуального законодательства РФ не содержат положений о порядке проведения процессуальных проверок и расследования уголовных дел в отношении лиц, указанных в ст. 447 УПК РФ, *утративших свой статус*.

Приведенное в представленных на обсуждение материалах определение Верховного Суда РФ № 71-Дп13-1, согласно которому положения гл. 52 УПК РФ не распространяются на лицо, не занимающее к моменту возбуждения уголовного дела должность следователя, как представляется, лишь *подчеркивает противоречивость судебной практики по данному вопросу*.

Неоднозначна позиция и уголовно-процессуальной науки, где сформировалось две противоположные точки зрения.

1. Большая группа авторов, исследовавших особенности производства по уголовным делам в отношении спецсубъектов, отмечает, что в соответствующих положениях гл. 52 УПК РФ не установлена связь между порядком их применения и характером и периодом публичной деятельности лиц особого правового статуса. По мнению ученых, в законодательстве не дано четкого ответа на вопрос о том, ограничено ли действие особого порядка производства по уголовным делам сроком исполнения должностных обязанностей отдельными категориями лиц. Так, анализируя следственно-судебную практику, судья Верховного Суда РФ в отставке Н. А. Колоколов и другие исследователи пришли к выводу, что нормы гл. 52 УПК РФ применяются нередко без выяснения того, в какое время совершено деяние, содержащее признаки преступления и имеется ли связь между этим деянием и исполнением служебных обязанностей. В качестве примера авторы приводят заключение Московского районного суда г. Нижнего Новгорода от 23 июля 2003 г., согласно которого было установлено, что С. являлся следователем прокуратуры Московского района г. Нижнего Новгорода. В производстве С. имелось уголовное дело, по которому в качестве вещественного доказательства была изъята золотая цепочка. В нарушение норм

УПК РФ следователь С. не обеспечил надлежащего хранения вещественного доказательства, в результате чего оно было утрачено. Прокурор Московского района г. Нижнего Новгорода обратился в суд с представлением о необходимости вынесения заключения о наличии в действиях С. признаков состава преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ. В обоснование своего решения прокурор указал, что, поскольку С. на момент внесения представления работает адвокатом Нижегородской коллегии адвокатов, необходимо получение заключения в порядке ст.ст. 447, 448 УПК РФ.

Суд согласился с доводами прокурора и по итогам судебного заседания удовлетворил ходатайство, признав в действиях С. наличие признаков указанного преступления. Рассматривая итоговое судебное решение, ученые отметили, что в данном случае деяние и особый процессуальный статус уголовно-преследуемого лица находятся в неразрывной связи. Обоснование представления прокурора тем, что С. имеет статус адвоката, является ошибочным, ведь действия С. находились в причинной связи с занимаемой им должностью следователя [3, с. 225].

Аналогичную позицию относительно сроков действия неприкосновенности придерживается К. А. Григоров. Он полагает, что после увольнения сотрудника из органов прокуратуры уголовное дело в отношении указанного лица может возбуждаться и расследоваться в обычном порядке, за исключением случаев, когда речь идет о преступлениях, совершенных им в период прокурорской деятельности. Основанием для такого вывода является аналогичный подход к определению неприкосновенности судей, установленный ст. 16 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [1, с. 121].

2. Сторонники противоположной позиции, анализируя ч. 1 ст. 448 УПК РФ, напрямую связывают возможность применения специального порядка возбуждения уголовного дела лишь с наличием у привлекаемого к ответственности лица особого правового статуса на момент принятия данного решения. По их мнению, возбуждение уголовного дела по правилам гл. 52 УПК РФ будет незаконным в том случае, если лицо в период

⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Довгия Дмитрия Павловича на нарушение его конституционных прав пунктом 62 части первой статьи 447 и пунктом 10 части первой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 14 июля 2011 г. № 962-О-О. URL: <http://референт.рф/7/188168>

своей публичной деятельности являлось спец- субъектом и совершило деяние, содержащее признаки преступления, но на момент принятия данного процессуального решения утратило свое особое правовое положение [2, с. 61].

В качестве аргументов приводится следующая правовая ситуация. Прокурор Самарской области обратился в областной суд с представлением о даче заключения о наличии признаков преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 285 УК РФ, в действиях бывшего депутата Самарской губернской Думы У. Определением коллегии судей от 16 августа 2007 г. представление прокурора было удовлетворено и дано заключение о наличии в действиях У. признаков данного преступления. В кассационной жалобе У. просил заключение суда отменить, так как с марта 2007 г. он уже не является депутатом.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, проверив материал и обсудив доводы жалоб и возражения прокурора, нашла заключение коллегии судей подлежащим отмене по следующим основаниям.

Главой 52 УПК РФ предусмотрены особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц и согласно п. 1 ч. 1 ст. 447 УПК требования указанной главы применяются в отношении депутата законодательного органа государственной власти субъекта РФ. Как видно из материалов дела, У. с марта 2007 г. не является депутатом Самарской губернской Думы, следовательно, на него не распространяются особенности производства по уголовным делам, как и гарантии его правового и социального статуса, которым он обладал в бытность депутатом Самарской губернской Думы.

В связи с этим в отношении У. действует общий порядок возбуждения уголовного дела, предусмотренный гл. 20 УПК РФ, за преступления, не связанные с депутатской деятельностью, независимо от совершения их в период выполнения депутатских полномочий.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 октября 2007 г. № 46-О07-80 заключение коллегии судей Самарского областного суда от 16 августа 2007 г. в отношении У. отменено, производство по представлению прокурора Самарской области в отношении него прекращено.

3. Для решения поставленной проблемы возможно использование законодательной аналогии. Так, согласно п. 2 ст. 16 Закона о стату-

се судей судья, в том числе после прекращения его полномочий, не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое судом решение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта. К тому же ст. 447 УПК РФ не относит судью, прекратившего исполнение своих полномочий, к отдельным категориям лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам, т. е. статусом спец- субъекта обладает и действующий судья, и судья в отставке. Таким образом, неприкосновенность распространяется и на бывшего судью в случае решения вопроса о возбуждении в отношении него уголовного дела в связи с его бывшей профессиональной деятельностью.

Аналогия для оценки анализируемой ситуации содержится, на наш взгляд, и в гл. 50 УПК РФ «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних». Так, согласно ст. 420 УПК РФ требования указанной главы применяются по уголовным делам в отношении лиц, не достигших к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет. Речь также идет о наличии особого статуса именно на момент совершения преступления, и которого по объективным причинам лицо на момент решения вопроса о возбуждении уголовного дела может лишиться.

Согласно Комментариям к УПК РФ положения гл. 50 УПК РФ применяются к лицам: не достигшим возраста 18 лет; совершившим деяние, по поводу которого ведется уголовное преследование, до достижения 18 лет, но на момент производства по делу достигшим этого возраста; в отношении которых ведется уголовное преследование в связи с преступлениями, одни из которых были совершены ими до 18 лет, а другие после. Кроме того, согласно ст. 96 УК РФ в исключительных случаях с учетом характера совершенного деяния и личности суд может применить положения гл. 14 УК РФ в части видов наказания, назначаемых несовершеннолетним, правил назначения наказаний несовершеннолетним, применения принудительных мер воспитательного воздействия и т. д. и к лицам, совершившим преступления в возрасте от восемнадцати до двадцати лет, кроме помещения их в специальное учебно-воспитательное

учреждение закрытого типа органа управления образованием либо воспитательную колонию⁷.

4. Действие уголовно-процессуального закона по кругу лиц определяется прежде всего принципом равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ). В силу данного принципа уголовно-процессуальный закон действует одинаково в отношении всех, невзирая на пол, расу, национальность, язык, происхождение, имущественное и должностное положение, место жительства, образование, отношение к религии, убеждения и другие обстоятельства.

Вместе с тем действие закона по кругу лиц может базироваться не только на принципе равенства, но и на некоторых иных основаниях. Изъятия из этого принципа и, соответственно, различное действие уголовно-процессуального закона по кругу лиц допускаются также в силу ряда публично-правовых интересов. Так, должностное положение может обуславливать служебный иммунитет, т. е. особый порядок производства в отношении ряда категорий должностных лиц, включающий необходимость получения разрешений определенных инстанций на проведение в отношении этих лиц всех или некоторых процессуальных действий. Служебный иммунитет означает не приобретение такими лицами личных выгод, а гарантию эффективности выполнения ими важнейших государственных и общественных функций. Своим юридическим

основанием он имеет не принцип равенства граждан, а другие правовые принципы – независимости судей, разделения властей и др.

5. Как представляется, действия гл. 52 УПК РФ должны распространяться и на указанных в ней специальных субъектов, утративших к моменту возбуждения уголовного дела свой статус, но при условии, что предметом уголовного преследования выступает преступление, совершенное одним из данных субъектов в период обладания им специальным статусом. В первую очередь это касается решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке ст. 448 УПК РФ. Вместе с тем действие остальных особенностей уголовного судопроизводства, предусмотренных гл. 52 УПК РФ, должно определяться конкретно-правовой ситуацией (по аналогии с особенностями производства по преступлениям несовершеннолетних, достигших в период уголовного судопроизводства совершеннолетия).

Таким образом, при определении подследственности при производстве по материалам проверок и уголовным делам в отношении лиц, указанных в ст. 447 УПК РФ, но утративших свой статус, необходимо руководствоваться положениями гл. 52 и подп. «б» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ, согласно которым предварительное следствие по уголовным делам данной категории производится следователями Следственного комитета Российской Федерации.

Список литературы

1. Григоров К. А. Особенности производства по уголовным делам в отношении прокуроров, следователей и адвокатов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 201 с.
2. Латыпов Т. Р. О применении положений главы 52 УПК РФ при возбуждении уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 59–65.
3. Судебный контроль в уголовном процессе : учеб. пособие / под ред. Н. А. Колоколова. 2-е изд. М., 2009. 847 с.

References

1. Grigorov K. A. *Osobennosti proizvodstva po ugovolnym delam v otnoshenii prokurorov, sledovatelei i advokатов*. Dis. kand. yurid. nauk [Features of Criminal Proceedings Against Prosecutors, Investigators and Lawyers. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2006. 201 p.
2. Latypov T. R. O primenении polozhenii glavy 52 UPK RF pri vozvuzhdenii ugovolnykh del v otnoshenii ot del'nykh kategorii lits [On Application of Provisions of Chapter 52 of Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in Institution of Criminal Case against Separate Categories of Persons]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*, 2010, no. 8, pp. 59–65.
3. Kolokolov N. A. (Ed.). *Sudebnyi kontrol' v ugovolnom protsesse* [Judicial Control in Criminal Proceedings]. 2nd ed. Moscow, 2009. 847 p.

Дата поступления статьи | Article received date
27.01.2021

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date
09.03.2021

Дата приема к публикации | Article accepted date
24.03.2021

⁷ Комментарий к ст. 420 УПК РФ. URL: <https://rf-upk.ru/chast-chetvertaya/razdel-xvi/glava-50/statya-420.html>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В целях повышения качества публикуемых материалов все присланные работы (научные статьи, сообщения, обзоры, рецензии и т. д.) проходят рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат». К рассмотрению принимаются только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Предоставляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Статьи принимаются на русском и/или английском языке. Материалы для публикации на английском языке представляются зарубежными авторами без перевода в какой-либо их части на русский язык.

Требования к оформлению статей, направляемых в журнал

Статья предоставляется в электронном виде в формате, поддерживаемом Microsoft Word версии 2007 или выше (doc, docx, rtf), на электронную почту редакции (nauka@siblu.ru).

Статья в обязательном порядке должна быть **структурирована**. Каждый раздел должен иметь наименование.

Обязательные элементы:

- название,
- аннотация,
- введение,
- основная часть (методы исследования, результаты, обсуждение проблем),
- заключение.

Общий объем статьи должен составлять от 20 до 40 страниц машинописного текста (с учетом всех элементов статьи), шрифт Times New Roman размером 14 пт. Межстрочный интервал – полуторный. Абзацный отступ – 1,25 см. Поля страницы во всех направлениях – 2 см. Расстановка переносов не применяется.

Перед текстом статьи указывается **УДК**.

По центру в верхней части листа помещается **название статьи** на русском и английском языках. В следующей строке с выключкой вправо – сведения об авторе (без сокращений, на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, должность, место работы, ученая степень, ученое звание, адрес электронной почты, почтовый адрес (рабочий и домашний). В обязательном порядке указывается номер контактного телефона.

Ниже приводятся **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках.

Аннотация – независимый источник информации, краткая характеристика работы, включающая актуальность, постановку проблемы, пути ее решения, результаты и выводы. Аннотация должна лаконично и информативно раскрывать основное содержание статьи и результаты исследования. В ней указывают, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению. Не допускается перефразирование названия статьи, а также использование общих слов. Объем аннотации – от 250 слов.

Требования по написанию англоязычной аннотации к статье:

- не должна быть калькой русскоязычной аннотации, дословным переводом,
- информативность аннотации (без лишних, не несущих смысловой нагрузки слов),
- содержательность аннотации (способствует раскрытию содержания работы, говорит о ее значимости, уникальности, подчеркивает анализ исследований зарубежных авторов),
- структурированность (постановка проблемы, пути решения, результаты и выводы).

Ключевые слова (5–10 слов или словосочетаний) также должны отражать основное содержание материала.

В **подстрочных сносках** приводятся ссылки на ненаучные источники информации (нормативные правовые акты, судебные акты, правила, стандарты, патентные документы, отчеты, словари, справочники, энциклопедии, средства массовой информации, интернет-ресурсы и т. п.). Сноски оформляются как примечания, вынесенные из текста вниз страницы, со сквозной нумерацией.

Список литературы должен содержать ссылки на научные источники информации, упомянутые в тексте статьи. Литература, используемая при написании статьи, должна отражать современное состояние вопроса, включать публикации как в отечественных, так и в зарубежных журналах и изданиях.

Рекомендуемый объем – *от 10 источников*. С учетом специфики темы научного исследования данное требование может быть скорректировано. Список дается в конце статьи, выстраивается в алфавитном порядке и пронумеровывается. В одном пункте

перечня следует указывать только один источник информации. По тексту статьи даются отсылки к необходимому номеру библиографической записи из составленного списка, которые приводятся в квадратных скобках. Если отсылка на источник информации в тексте статьи встречается несколько раз, то в квадратных скобках повторно указывается его номер из списка (без каких-либо изменений в самом библиографическом списке). В случае прямого цитирования обязательно указывают номер страницы (например: [1, с. 25], [1, с. 59–60]). Не допускается дублирование подстрочных сносок в списке литературы. Все источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и тщательно выверяются.

В списке литературы обязательно указание на издательство, общее количество страниц в используемом издании либо на конкретные страницы, где содержится соответствующий материал, если издание имеет периодический характер. Если источник имеет DOI, то его указание является обязательным!

Список литературы, не соответствующий указанным требованиям, является основанием для отклонения статьи.

Обязательные параметры:

- 1) не менее 10–12 источников, из них:
 - не менее 25 % источников – зарубежные (например, статьи из журналов, индексируемых в Web of Science, Scopus; работы на английском, немецком, французском языках, опубликованные в периодических научных изданиях (не дополнительных выпусках!), а также статьи в сборниках трудов конференций и монографии опубликованные в издательствах, не замеченных в применении недобросовестной издательской политики);
 - не более 15 % источников – монографии, учебники и др.;
- 2) ссылки на литературу, опубликованную ранее 2009 года, должны быть единичными, кроме исследований, содержащих исторический аспект;
- 3) следует избегать самоцитирования в направляемых вами материалах (это касается ваших научных трудов, опубликованных ранее, и ссылок на научный журнал «Сибирское юридическое обозрение»). В случае невозможности избежать указанных действий, просим вас лишь упомянуть в тексте рукописи научной статьи о том, что ранее вы об этом уже упоминали в своих научных трудах, без указания работы в списке источников.

Транслитерация и перевод списка литературы (References).

Транслитерация производится по стандарту BSI. Приводится транслитерированное в латиницу название источника с параллельным указанием его перевода на английский язык в квадратных скобках. Порядок источников должен соответствовать русскоязычному списку литературы.

Формулы, рисунки, таблицы. Простые внутрстрочные и однострочные формулы, а также рисунки и таблицы должны быть набраны без использования специальных редакторов. Рисунки и формулы прикладываются к статье в формате JPEG.

Не допускаются во всех вышеназванных элементах статьи:

- набор видоизменением шрифта «все прописные»;
- полужирное начертание;
- наличие двух и более пробелов подряд;
- знаки табуляции;
- абзацный отступ пробелами и знаком табуляции;
- мягкий перенос;
- разреженный или уплотненный шрифт.

В случае несоответствия статьи установленным требованиям к оформлению и/или содержанию по решению редакционной коллегии статья отклоняется, о чем автор информируется по электронной почте.

За достоверность использованных в текстах сведений несут ответственность авторы материалов.

INFORMATION FOR AUTHORS

In order to improve the quality of published materials, all submitted works (scientific articles, messages, reviews, etc.) are reviewed and checked by the "Antiplagiat" system. Only original articles that have not been previously published and are not pending in other publications are accepted for consideration. The article submitted for publication should be relevant, have novelty, contain a statement of tasks (problems), a description of the main research results obtained by the Author, conclusions. Articles are accepted in Russian and/or English. Materials for publication in English are submitted by foreign Authors without translation in any part of them into Russian.

Requirements for the articles sent to the journal

The article is submitted in electronic form in a format supported by Microsoft Word version 2007 or higher (doc, docx, rtf) to the editorial e-mail (nauka@siblu.ru).

The article **must be structured** as followed. Each section should have a title.

Required elements:

- title,
- abstract,
- introduction,
- the main part (research methods, results, discussion of problems),
- conclusion.

The total volume of the article should be from 20 to 40 typewritten pages (including all the elements of the article), 14 pt Times New Roman font. Line spacing – one and a half. Paragraph indentation – 1.25 cm. Page margins in all directions – 2 cm. Hyphenation is not applied.

The **UDC** is indicated before the text of the article.

The title of the article in Russian and English is placed in the center at the top of the sheet. In the next line with justification to the right – information about the Author (without abbreviations, in Russian and English): last name, first name, patronymic, position, place of work, academic degree, academic title, e-mail address, postal address (working and home). The contact phone number is mandatory.

Below are the **abstract and keywords** in Russian and English.

Abstract – an independent source of information, a brief description of the work, including relevance, problem statement, ways to solve it, results and conclusions. The abstract should concisely and informatively disclose the main content of the article and the results of the research. It indicates what is new in the article in comparison with others, related in subject matter and purpose. Paraphrasing the title of the article, as well as the use of general words, is not allowed. The volume of the abstract is from 250 words.

Requirements for writing an English-language abstract for an article:

- should not be a tracing paper of the Russian-language annotation, literal translation,
- the informativeness of the annotation (without unnecessary words that do not carry a semantic load),
- the content of the annotation (contributes to the disclosure of the content of the work, speaks of its significance, uniqueness, emphasizes the analysis of studies by foreign Authors),
- structure (problem statement, solutions, results and conclusions).

Keywords (5–10 words or phrases) should also reflect the main content of the material.

Footnotes contain links to non-scientific sources of information (regulatory legal acts, judicial acts, rules, standards, patent documents, reports, media, Internet resources, etc.). Footnotes are drawn up as notes taken from the text down the page, with continuous numbering.

The list of literature (References) should contain references to scientific sources of information mentioned in the text of the article. The literature used in writing the article should reflect the current state of the issue, include domestic and foreign publications.

Recommended volume – *from 10 sources*. Taking into account the specifics of the research topic, this requirement can be adjusted. The list is given at the end of the article, arranged in alphabetical or-

der and numbered. Only one source of information should be indicated in one item on the list. In the text of the article, references are given to the required number of bibliographic records from the compiled list, which are given in square brackets. If the reference to the source of information in the text of the article occurs several times, then its number from the list is indicated in square brackets again (without any changes in the bibliographic list itself). In the case of direct citation, be sure to indicate the page number (for example: [1, p. 25], [1, p. 59–60]). Duplication of footnotes in the list of references is not allowed. All sources are drawn up in accordance with GOST R 7.0.5–2008 "Bibliographic reference. General requirements and rules of drawing up" and carefully verified.

In the list of references, an indication of the publisher, the total number of pages in the used publication or on specific pages containing the relevant material is required, if the publication is of a periodic nature. If the source has a DOI, then its indication is required!

A list of literature that does not advise the specified requirements is the basis for rejection of the article.

Requirements:

- 1) at least 10–12 sources, of which:
 - at least 25 % of sources are foreign (for example, articles from journals indexed in Web of Science, Scopus; works in English, German, French, published in scientific periodicals (not additional issues!), as well as articles in proceedings of conferences and monographs published in publishers not noticed in the use of unfair publishing policies);
 - no more than 15 % of sources – monographs, textbooks, etc.;
- 2) references to literature published earlier than 2009 should be minimized, except for studies containing a historical aspect;
- 3) self-citation should be avoided in the materials sent (this applies to your scientific papers published earlier, and links to the scientific journal "Siberian Law Review"). If it is impossible to avoid these actions, we ask you only to mention in the text of the manuscript of a scientific article that you have already mentioned this in your scientific works, without specifying the work in the list of sources.

Transliteration and translation of references (References).

Transliteration is performed according to the BSI standard. The title of the source translated into the Latin alphabet is given with a parallel indication of its translation into English in square brackets. The order of sources must correspond to the Russian-language list of references.

Formulas, figures, tables. Simple inline and one-line formulas, as well as figures and tables should be typed without using special editors. Figures and formulas are attached to the article in JPEG format.

Not allowed in all of the above article elements:

- set by modifying the font "all caps";
- bold type;
- the presence of two or more spaces in a row;
- tabs;
- indentation with spaces and tabs;
- soft hyphen;
- sparse or condensed font.

If the article does not comply with the established requirements for design and/or content, the article is rejected by the decision of the editorial board, and the Author is informed about it by e-mail.

The Authors of the materials are responsible for the accuracy of the information used in the texts.